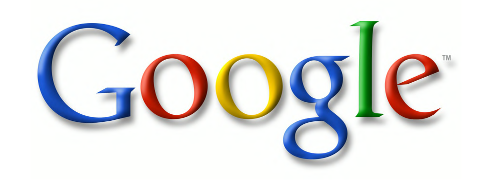
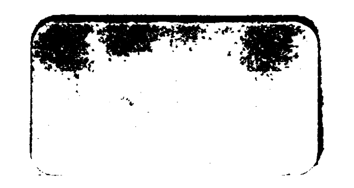

РУССКІЕ ПОЭТЫ

О

ПУШКИНѢ.

СБОРНИКЪ СТИХОТВОРЕНІЙ.

СОСТАВИЛЪ

В. Каллашъ.

Цѣна 1 р.

МОСКВА.
ТИПОГРАФІЯ Г. ЛИССНЕРА И А. ГЕШЕЛЯ.
Воздвиженка, Крестовоздвиженскій пер., д. Лисснера.
1899.

РУССКІЕ ПОЭТЫ

О

ПУШКИНѢ.

СБОРНИКЪ СТИХОТВОРЕНІЙ.

СОСТАВИЛЪ

В. Каллашъ.

Цѣна 1 р.

МОСКВА.

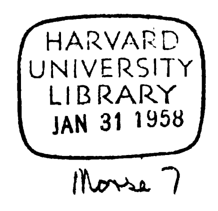
Типографія Г. Лисснера и А. Гешеля,

преемн. Э. ЛИССНЕРА и Ю. РОМАНА.

Воздвиженка, Крестовоздвиженскій пер., д. Лисснера.

1899.

Дозволено цензурою. Москва, 14-го апрѣля 1899 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

„Поразительное и необычайное явленіе представляютъ первые шаги Пушкина въ литературѣ. Онъ выступалъ точно восходящій лучезарный богъ, вызывающій своимъ появленіемъ общую радость, единодушный сердечный привѣтъ. Никто не оспаривалъ его генія. Никто не сомнѣвался въ великомъ будущемъ, ожидающемъ юнаго поэта. Рядъ его первыхъ опытовъ — рядъ его первыхъ успѣховъ. Жуковскій и Державинъ, пѣвецъ Людмилы и пѣвецъ Фелицы, авторъ балладъ и авторъ одъ, съ одинаковымъ интересомъ прислушивались къ пѣснямъ новаго пѣвца; представители двухъ литературныхъ поколѣній мирно сходились въ привѣтствіяхъ и благословеніяхъ начинавшему поэту. Есть что-то трогательное и знаменательное въ этомъ союзѣ боровшихся противоположностей, — союзѣ, скрѣпляемомъ рукою 16-лѣтняго поэта. Тутъ какъ будто навсегда намѣчена была та высокая, примирительная, объединяющая роль, которой Пушкинъ оставался вѣренъ во всю свою жизнь“ [1]).

---

[1]) *Ждановъ,* Нѣсколько словъ о значеніи Пушкина. С.-Пб. 1887, стр. 5.

Передъ мощью генія умолкали зависть и соперничество, личные счеты и литературные предразсудки. Самые ярые враги великаго поэта рѣшались обвинять его произведенія въ безнравственности и грубости, но не отрицали всей глубины и мощи творческихъ силъ,—хулили его новыя произведенія, безмѣрно превознося старыя...

Дружно несутся хвалебные гимны изъ всевозможныхъ литературныхъ лагерей. Классики, сантименталисты и романтики — всѣ вплетаютъ свои листья въ лавровый вѣнокъ великаго поэта.

„Старикъ-Державинъ" „замѣтилъ и, въ гробъ сходя, благословилъ" нашего поэта; Батюшковъ дивился сказочно-быстрому росту его дарованія; кн. Вяземскій отдалъ бы за одинъ его стихъ „все... движимое и недвижимое"; Жуковскій дарить ему свой портретъ съ знаменательной надписью: „ученику отъ побѣжденнаго учителя"... Его воспѣваютъ классики Катенинъ и гр. Хвостовъ, сантименталистъ кн. Шаликовъ, народолюбецъ Глинка и вся „Пушкинская плеяда".

Поэтическая оцѣнка Пушкина была отчасти отраженіемъ оцѣнки общественной и въ свою очередь вліяла на нее. Когда русское общество, подхваченное новой волной романтическаго теченія, охладѣло къ реальной музѣ своего прежняго любимца, поэты не измѣнили ему. Только у нихъ находилъ онъ поддержку въ самыя трудныя минуты своей многострадальной жизни...

Это, несомнѣнно, самая свѣтлая страница его личной исторіи...

Не всегда талантливо, но всегда искренно и проникновенно отзывались наши поэты на всѣ главныя событія жизни Пушкина, — оплакали его безвременную смерть, торжественно отпраздновали открытіе памятника, задушевнымъ словомъ помянули его въ годовщину смерти.

Намъ кажется, что эта поэтическая оцѣнка, во всей ея совокупности, — очень характерный фактъ и помимо эстетической цѣны отдѣльныхъ ея проявленій. Какъ болѣе чуткія натуры, поэты прекрасно выражаютъ всѣ колебанія въ оцѣнкѣ великаго поэта, вѣрно схватываютъ всѣ ея переливы. Бездарныя по формѣ стихотворенія иногда очень значительны по своему общему настроенію или отдѣльнымъ подробностямъ содержанія. Собирая и печатая все, что только можно было собрать, мы этимъ устраняли и субъективность выбора. Въ стихотвореніяхъ знаменитыхъ поэтовъ о Пушкинѣ попадаются слабыя мѣста; среди нихъ есть и сплошь неудачныя. Съ другой стороны, въ слабыхъ стихотвореніяхъ малоизвѣстныхъ поэтовъ можно найти сильныя строфы и строчки, яркіе образы. Съ историко-литературной точки зрѣнія всѣ они одинаково любопытны...

Несмотря на громадный трудъ, затраченный лично нами и лицами, сочувствовавшими цѣли нашего изданія, намъ, вѣроятно, не удалось охватить всего матеріала: Puschkiniana Межова[1]) даетъ

[1]) Если исключить повторенія и недоразумѣнія (Межовъ, напр., относитъ къ А. С. Пушкину то, что относится къ его дядѣ В. Л.), гг. Межовъ и Пономаревъ указываютъ около 120 стихотвореній о Пушкинѣ.

мало указаній и много ошибокъ, переглядѣть же одному тысячи періодическихъ изданій и стихотворныхъ сборниковъ — дѣло почти невозможное. За указаніе пропусковъ будемъ очень благодарны критикѣ, хотя смѣемъ думать, что ихъ не такъ ужъ много...

Посланія къ Пушкину, не дающія ни одной черты для характеристики поэта, опущены нами умышленно¹; опущены и библіографическія указанія при общеизвѣстныхъ произведеніяхъ, издававшихся много разъ. Въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ (очень немногихъ) опущены мѣста, не относящіяся къ Пушкину, мало интересныя сами по себѣ и не важныя для пониманія общаго хода мысли. Такіе пропуски и сокращенія вездѣ обозначены точками.

Вездѣ, по возможности, соблюденъ хронологическій порядокъ, проставлены, по имѣющимся у насъ матеріаламъ, даты и приведены разъясняющія тексты примѣчанія.

Весь матеріалъ разбитъ на 8 отдѣловъ: I — стихотворенія при жизни Пушкина (съ 1815 по 1837 г.), II — стихотворенія на смерть Пушкина (1837), III — стихотворенія до открытія памятника въ 1880, IV — стихотворенія на открытіе памятника (1880), V — стихотворенія 1880—1887, VI — юбилейныя стихотворенія 1887 г., VII — стихотворенія 1887—1899 гг. VIII — дополнительный отдѣлъ: стихотворенія нерусскія, предположительно отнесенныя

Даже у г. Пономарева, при всей его аккуратности, попадаются невѣрныя указанія, а у Межова ихъ не оберешься.

нами къ Пушкину и разысканныя нами во время печатанія сборника.

Мы рѣшились собрать и всѣ эпиграммы на Пушкина. Онѣ очень характерны для нашихъ старинныхъ литературныхъ нравовъ и полемическихъ пріемовъ и, кромѣ того, доказываютъ, какъ мало могли сказать противъ Пушкина самые непримиримые литературные враги, озлобленные его убійственными эпиграммами и полемическими статьями.

Опущены нами: 1) эпиграммы: „Я прежде вольность проповѣдалъ“ (Воейкова) и „Хотя, какъ русскій дворянинъ“ — по цензурнымъ соображеніямъ; 2) посланіе Языкова („Современникъ“, 1837), почти сплошь состоящее изъ точекъ и непонятное безъ возстановленія пропусковъ; 3) посвященное Пушкину „Новинское“ Баратынскаго, непонятное по своимъ таинственнымъ намекамъ, пока еще никѣмъ не разъясненнымъ; 4) драматическія изображенія Пушкина и прозаическіе памфлеты противъ него, не входившіе въ планъ нашего изданія (Н. Полевого, Бестужева-Рюмина, Кондратьева и др.).

Не удалось намъ разыскать: 1) стихотвореній Рахманнаго-Веревкина, В. Макарова и анонима на смерть Пушкина — въ полномъ видѣ; 2) эпиграммы С. Н. Глинки на „Онѣгина“ — въ полномъ видѣ и 3) стихотворенія на Н. Н. Пушкину, читаннаго послѣ смерти поэта генер. Катенинымъ въ петербургскихъ салонахъ:

Не смыть ей горькими слезами
Съ себя пятна;

Не отмолиться ей мольбами:
Жалка она[1]).

Въ нелегкой работѣ собиранія матеріала намъ болѣе всего помогла драгоцѣнная брошюра г. Пономарева: Пушкинъ въ родной поэзіи, С.-Пб., 1888. Многимъ мы обязаны указаніямъ и благосклонному содѣйствію П. А. Ефремова, Е. А. Ляцкаго и А. І. Калишевскаго, за что и приносимъ имъ свою глубокую и искреннюю благодарность[2]).

---

1) О немъ см. „Новое Время" № 1529, 1769.

2) Въ письмѣ Пушкина А. А. Бестужеву (1823 г., 13 іюня) и „Письмахъ и неизданныхъ стихотвореній В. И. Туманскаго (Черниговъ, 1891, стр. 11, 147) есть указанія на рукописную сатиру А. Родзянки, направленную противъ Пушкина. Туманскій приводитъ изъ нея всего 2 стиха:

И всѣ его права — иль два, иль три Ноэля,
Гимнъ Занду на устахъ, въ рукѣ портретъ Лувеля.

Вл. Каллашъ.

Москва, 19 февраля 1899 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Отдѣлъ II (1837).

Отдѣлъ III (1837—1880).

Отдѣлъ IV (1880).

Отдѣлъ V (1880—1887).

Стран.

Отдѣлъ VI (1887).

Отдѣлъ VII (1887—1899).

Отдѣлъ VIII (Приложенія).

I. Стихотворенія, предположительно отнесенныя къ Пушкину.

II. Нерусскія стихотворенія о Пушкинѣ.

Стран.

Стихотворенія, разысканныя во время печатанія сборника.

Отдѣлъ I.

1815—37 гг.

Бар. А. А. Дельвигъ[1]).

А. С. Пушкину.

Кто, какъ лебедь цвѣтущей Авзоніи,
Осѣненный и миртомъ и лаврами,
Майской ночью, при хорѣ порхающихъ,
Въ сладкихъ грезахъ отвился отъ матери, —
Тотъ въ совѣтахъ не мудрствуетъ; на́ стѣны
Побѣжденныхъ знамена не вѣшаетъ;
Столбъ кормами судовъ непріятельскихъ
Онъ не краситъ предъ храмомъ Ареевымъ;
Флотъ, съ несчетнымъ богатствомъ Америки,
Съ тяжкимъ золотомъ, купленнымъ кровію,
Не взмущаетъ двукраты экватора
Для него кораблями бѣгущими.
Но съ младенчества онъ обучается
Воспѣвать красоты поднебесныя,
И ланиты его отъ привѣтствія
Удивленной толпы горятъ пламенемъ.
И Паллада туманное облако
Разсѣваетъ отъ взоровъ, — и въ юности
Онъ ужъ видитъ священную истину
И порокъ, исподлобья взирающій!
Пушкинъ! Онъ и въ лѣсахъ не укроется,
Лира выдастъ его громкимъ пѣніемъ,
И отъ смертныхъ восхититъ безсмертнаго
Аполлонъ на Олимпъ торжествующій.

1815.

---

1) Сочиненія, С.-Пб., 1893, стр. 17. Подражаніе Горацію.

В. Л. Пушкинъ[1]).

Къ графу Ө. И. Толстому.

. . . .

Суровый видъ врача, совѣтъ его полезный,
Подагра болѣе всего
Велятъ мнѣ до́ма быть. Ты не сердись, любезный!
Я плачу, что лишенъ обѣда твоего.
Почтенный Лафонтенъ[2]), нашъ образецъ, учитель;
Любезный Вяземскій, достойный Феба сынъ,
И Пушкинъ, балагуръ, стиховъ моихъ хулитель,
Которому Вольтеръ лишь нравится одинъ,
И пола женскаго усердный почитатель,
Пріятный и въ стихахъ и въ прозѣ нашъ писатель,
Князь Шаликовъ — съ тобой всѣ будутъ пировать:
Какъ мнѣ не горевать?
Вы будете, друзья, и пить, и забавляться,
И спорить, и смѣяться,
А я — сидѣть одинъ, съ поникшей головой,
И къ вамъ лишь мыслями, увы, переноситься!
. . . . 1816.

Бар. А. А. Дельвигъ[3]).

А. С. Пушкину.

(Изъ Малороссіи.)

А я ужель забытъ тобою,
Мой братъ по музѣ, мой Орестъ?

---

1) Сочиненія В. Л. Пушкина, С.-Пб., 1893, стр. 88.
2) И. А. Крыловъ.
3) Сочиненія, С.-Пб., 1893, стр. 25. „Благонамѣренный“, 1818, II, 13—14.

Или нельзя снестись мечтою
До тѣхъ обѣтованныхъ мѣстъ,
Гдѣ я зовуся „чернобривымъ",
Гдѣ дѣвы, климатомъ счастливымъ
Воспитанныя въ простотѣ
(Посмѣйся мнѣ!), не уступаютъ
Столичнымъ дамамъ въ красотѣ;
Гдѣ взоры ихъ мнѣ обѣщаютъ
Одну веселую любовь;
Гдѣ для того лишь измѣняютъ,
Чтобы плѣнить собою вновь?
Какъ ихъ винить? Сама природа
Ихъ баловница на поляхъ:
Безпечныхъ мотыльковъ свобода,
Разнообразіе въ цвѣтахъ
И прелесть голубого свода,
Въ спокойныхъ влитаго водахъ,
Лежащихъ въ шумныхъ камышахъ,
И яблонь тихая прохлада,
И лунныхъ таинство ночей,
Когда любовникъ въ меракѣ сада
Ждетъ умирающихъ огней,
Когда душа его томится
И ожиданьемъ и тоской,
И даже вѣтерка страшится
И свиста иволги лѣсной, —
Все манитъ здѣсь къ измѣнамъ, нѣгѣ,
Все здѣсь твердитъ: „чета любви!
„Любовь летитъ, — лови, лови!"
Но въ тряской скачущей телѣгѣ,
Мой другъ, свободно ли мечтать?
И только мысль тебя обнять,
Съ тобой дѣлить вино, мечтанья
И о быломъ воспоминанья —
Меня въ ней можетъ утѣшать... 1817.

В. К. Кюхельбекеръ[1]).

Къ Пушкину и Дельвигу.

(Изъ Царскаго Села.)

Нагнулись надо мной родимыхъ вязовъ своды,
Прохлада тихая развѣсистыхъ березъ!
Здѣсь намъ знакомый лугъ; вотъ роща, вотъ утесъ,
На верхъ котораго сыны младой свободы,
Питомцы, баловни и Феба и Природы,
Бывало, мы рвались сквозь густоту древесъ
И слабымъ ровный путь съ презрѣньемъ оставляли!
О время сладкое, гдѣ я не зналъ печали!
Ужель навѣки миръ души моей исчезъ,
И бросили меня волшебныя мечтанья?
Я радость нахожу въ одномъ воспоминаньи,
Глаза полны невольныхъ слезъ!
Увы, они прошли, мои весенни годы!
Но — не хочу тужить: я снова, снова здѣсь!
Стою надъ озеромъ, и зѐркальныя воды
Мнѣ кажутъ холмъ, лѣсокъ и мостъ, и берегъ весь,
И чистую лазурь безоблачныхъ небесъ!
Здѣсь часто я сидѣлъ въ полуночномъ мерцаньи,
И надо мной луна катилася въ молчаньи!
Здѣсь мирныя мѣста, гдѣ возвышѐнныхъ музъ,
Небесный пламень ихъ и радости святыя,
Порывъ къ великому, любовь къ добру — впервые
Узнали мы, и гдѣ нашъ тройственный союзъ,

---

1) „Сынъ Отечества“, 1818, часть 48, № XXXIII, стр. 129—130. „Благонамѣренный“ 1818, III, 133—135.

Союзъ младыхъ пѣвцовъ и чистый и священный,
Волшебнымъ навыкомъ, судьбою заключенный,
Былъ дружбой утвержденъ!
И будетъ онъ для насъ до гроба незабвенъ!
Ни радость, ни страданье,
Ни нѣга, ни корысть, ни почестей исканье —
Ничто души моей отъ васъ не удалитъ!
И въ пѣсняхъ сладостныхъ, и въ славѣ состязанье
Друзей-соперниковъ тѣснѣй соединитъ!
Зачѣмъ же нѣтъ васъ здѣсь, избранники харитъ —
Тебя, о Дельвигъ мой, поэтъ, мудрецъ лѣнивый,
Безпечный и въ своей безпечности счастливый, —
Тебя, мой огненный, чувствительный пѣвецъ
Любви и добраго Руслана, —
Тебя, на чьемъ челѣ предвижу я вѣнецъ
Арьоста и Парни, Петрарки и Баяна?
О други! почему не съ вами я брожу?
Зачѣмъ не говорю, не спорю здѣсь я съ вами?
Или, сплетясь руками,
Зачѣмъ не вмѣстѣ мы внимаемъ шуму водъ,
Біющихъ искрами и пѣною о камень?
Не вмѣстѣ смотримъ здѣсь на солнечный восходъ,
На потухающій на краѣ неба пламень?
Мнѣ здѣсь и съ вами все являлось бы мечтой,
Несвязнымъ, смутнымъ сновидѣньемъ —
Все, все, что встрѣтилъ я, простясь съ уединеньемъ, —
Все, что мнѣ ясность и покой
И тишину души младенческой отъяло,
И сердце мнѣ такъ больно растерзало!
При васъ, товарищи, моя утихнетъ кровь,
И я — въ родной странѣ — забуду на мгновенье
Заботы и тоску, и скуку, и волненье, —
Забуду, можетъ-быть, и самую любовь!

В. К. Кюхельбекеръ[1]).

Къ Пушкину.

Счастливъ, о Пушкинъ, кому высокую душу природа,
Щедрая матерь, дала, вѣрнаго друга — мечту,
Пламенный умъ и не сердце холодной толпы: онъ все-
силенъ,
Въ мірѣ своемъ онъ — творецъ! Что ему низкихъ рабовъ,
Мелкихъ, ничтожныхъ судей, одинъ на другого похожихъ, —
Что ему ихъ приговоръ? Счастливъ, о милый пѣвецъ,
Счастливъ безсильною даже и завистью злобы, любимецъ,
Избранникъ мощныхъ судебъ! Огненной мыслію онъ
Въ свѣтлое небо летитъ, всевидящимъ взоромъ читаетъ
И на челѣ и въ очахъ тихую тайну души.
Самъ Зевесъ для него разгадалъ загадку созданья,
Жизнь вселенной ему Фебъ-Аполлонъ разсказалъ.
Другъ мой! Питомцу боговъ хариты рекли: *наслаждайся!*
Свѣтлою, чистой струей дни его въ мірѣ текутъ.
Такъ, отъ дыханья толпы все небесное вянетъ, но геній,
Дѣвственъ могущей душой, въ чистомъ мечтаньи — дитя,
Сердцемъ выше земли, быть въ радостяхъ ей не при-
частнымъ —
Онъ себѣ самому клятву священную далъ. 1818.

Ѳ. Н. Глинка[2]).

Къ Пушкину[3]).

О Пушкинъ, Пушкинъ! Кто тебя
Училъ плѣнять въ стихахъ чудесныхъ?
Какой изъ жителей небесныхъ

---

[1]) „Благонамѣренный", 1818, III, 136—137.

[2]) „Сынъ Отечества", 1820, ч. 64, стр. 231—233. Отвѣтъ Пушкина (1822): „Когда средь оргій жизни шумной".

[3]) Стихи сіи написаны за годъ предъ симъ, по прочтеніи двухъ первыхъ пѣсней „Руслана и Людмилы". *Авт.*

Тебя младенцемъ полюбилъ,
Лелѣя баялъ въ колыбели?
Лишь ты завидѣлъ бѣлый свѣтъ,
Къ тебѣ эроты прилетѣли,
И съ лаской граціи подсѣли...
И музы, слышалъ я, совѣтъ
Нарочно всей семьей держали
И, кончивъ долгій споръ, сказали:
„Расти, рѣзвись – и будь поэтъ!"
И выросъ ты, рѣзвился вволю,
И взросъ съ тобою даръ боговъ,
И вотъ, блажа безпечну долю,
Поешь ты радость и любовь,
Поешь утѣхи, наслажденья,
И топотъ коней, громъ сраженья,
И чары вѣдьмъ и колдуновъ,
И русскихъ витязей забавы...
Склонясь подъ дубы величавы,
Лишь ты запѣлъ, младой пѣвецъ,
И добрый духъ сѣдой дубравы
Старинныхъ дѣлъ, старинной славы
Пѣвцу младому вьетъ вѣнецъ!
И все былое обновилось:
Воскресла въ пѣснѣ старина,
И пѣснь волшебнаго полна!..
И боязливая луна
За облакъ дымный хоронилась
И молча въ пѣснь твою влюбилась...
Все было слухъ и тишина:
Въ пустынѣ эхо замолчало;
Вниманье волны оковало,
И мнилось, слышатъ берега,—
И въ нихъ русалка молодая
Забыла витязя Рогдая,
Родныя воды, и въ луга
Бѣжитъ ласкать пѣвца младого...

Судьбы и времени сѣдого
Не бойся, молодой пѣвецъ!
Слѣды исчезнутъ поколѣній,
Но живъ талантъ, безсмертенъ геній!   1819.

Я. Н. Толстой[1]).

Посланіе къ А. С. Пушкину.

О ты, который съ юныхъ лѣтъ
Прельщаешь лирой золотою!
Направя къ Пинду свой полетъ,
Летишь во храмъ его стрѣлою,
И тамъ, въ бесѣдѣ Аонидъ,
То гимны страстны и веселы
Поешь, какъ истинный піитъ,
То громозвучные глаголы
Текутъ, какъ пламенна рѣка,
Изъ устъ твоихъ обильнымъ токомъ, —
Разсѣкши черны облака
Въ своемъ пареніи высокомъ,
Дивятъ и трогаютъ сердца.
Склонись, о Пушкинъ, Феба ради
На просьбу слабаго пѣвца
И вспомни, какъ къ моей отрадѣ
Ты мнѣ посланье обѣщалъ;
Припомни также вечеръ ясный,
Когда до дому провождалъ
Тебя, піитъ мой сладкогласный,
И ты мнѣ руку съ словомъ далъ;
Когда стихами и шампанскимъ

---

[1]) „Мое праздное время, или собраніе нѣкоторыхъ стихотвореній". С.-Пб. 1821, стр. 48—51. Пушкинъ посвятилъ Толстому „Стансы" (1819): „Философъ ранній, ты бѣжишь"... Срв. письмо ему же 1822 г. 26 сентября изъ Кишинева, съ стихотворной припиской: „Горишь ли ты, лампада наша"...

Свои разсудки начиня
И дымомъ окурясь султанскимъ,
Едва дошли мы до коня;
Усѣлись кое-какъ на дрожкахъ,
Качаясь, ѣхали въ тѣни,
И гасли медленно въ окошкахъ
Чуть-чуть замѣтные огни;
Зыбясь, въ Фонтанкѣ отражалась
Столбомъ серебрянымъ луна,
И отъ строеній разстилалась
Густая тѣнь, какъ пелена,
И слышенъ былъ, подобно грому,
Повозокъ шумъ издалека;
По своду темно-голубому
Прозрачны плыли облака,
И Весперъ теплился порою,
Двояся трепетно въ струяхъ:
Въ то время мчались мы съ тобою
Въ пустыхъ коломенскихъ краяхъ...
Ты вспомни, какъ, тебя терзая,
Согласье выпросилъ тогда,
Какъ соннымъ голосомъ, зѣвая,
На просьбу мнѣ ты молвилъ: *да!*
Но вотъ проходитъ ужъ вторая
Недѣля съ вечера того, —
Я слышу, пишешь ты ко многимъ,
Ко мнѣ жъ покамѣстъ ничего;
И я перомъ своимъ убогимъ
Тебѣ рѣшился докучать,
Доколѣ ты не сдержишь слово:
Бездѣлку трудно ль написать?
Искусство для тебя не ново,
Тебѣ плетутъ давно вѣнецъ
На Пиндѣ музы, для примѣра.
Возьми жъ свой пламенный рѣзецъ,
Владыко риѳмы и размѣра,

И имъ изобрази мнѣ живо
Прелестный образъ музы той,
Что пѣть тебя краснорѣчиво
Такъ научила, милый мой;
Открой искусство мнѣ столь сладко
Писать, какъ вѣчно пишешь ты,
Чтобъ могъ изображать я кратко
И сохранялъ бы красоты,
Чтобъ нѣжность, вкусъ, витійства сила,
Что отъ боговъ тебѣ даны
И коими Русланъ, Людмила
Удачно такъ облечены,
Въ моихъ стихахъ являлись съ блескомъ
Такимъ же точно, какъ въ твоихъ;
Во вкусѣ медленномъ нѣмецкомъ
Отвадь меня низать мой стихъ;
Въ моихъ строфахъ излишство слога
Рѣзцомъ своимъ ты отколи,
И отъ таланта хоть немного
Ты своего мнѣ удѣли!
На что мнѣ длинное посланье?
Твоихъ стиховъ десятка три —
Вотъ, Пушкинъ, все мое желанье,
Меня ты ими подари.
Пускай трудится мрачный мистикъ
Надъ кипой древнихъ теоремъ, —
Ты напиши одинъ мнѣ листикъ,
И я доволенъ буду тѣмъ.
Давно въ враждѣ ты съ педантизмомъ
И съ пустословіемъ въ войнѣ,
Такъ научи жъ, какъ съ лаконизмомъ
Ловчѣе подружиться мнѣ...
Прошу, очисти мнѣ дорогу
Кратчайшую во вкуса храмъ,
И, твоего держася слогу,
Пойду піита по стопамъ!

Эпиграммы рецензенту поэмы „Русланъ и Людмила"[1]).

I.

Хоть надъ поэмою и долго ты корпишь,
Красотъ ей не придашь и не умалишь:
Браня, всѣмъ кажется, ее ты хвалишь;
    Хваля, ее бранишь.

II[2]).

Напрасно говорятъ, что критика легка.
Я критику читалъ „Руслана и Людмилы":
    Хоть у меня довольно силы,
Но для меня она ужасно какъ тяжка!

Кн. Шаликовъ (К. Ш—овъ)[3]).

Къ портрету А. С. Пушкина.

Талантъ и чувства въ немъ созрѣли прежде лѣтъ.
Овидій нашъ, онъ сталъ ко славѣ музъ поэтъ!

В. К. Кюхельбекеръ[4]).

Къ Пушкину.

Мой образъ, другъ минувшихъ лѣтъ,
Да оживетъ передъ тобою!
Тебя привѣтствую, поэтъ!
Одной постигнуты судьбою,

---

1) „Сынъ Отечества", 1820, ч. 64, стр. 233.
2) Принадлежитъ И. А. Крылову. Первую приписываютъ бар. А. А. Дельвигу.
3) „Новости Литературы", 1822, XVI, стр. 48.
4) „Русскій Архивъ", 1871, стр. 0171—0173.

Мы оба бросили тотъ свѣтъ,
Гдѣ мы равно терзались оба,
Гдѣ клевета, любовь и злоба
Размучили обоихъ насъ!
И не далекъ, быть можетъ, часъ,
Когда при черномъ входѣ гроба
Изсякнетъ нашей жизни ключъ;
Когда погаснетъ свѣтъ денницы,
Крылатый, блѣдный блескъ зарницы,
Въ осеннемъ небѣ хладный лучъ!
Но се въ душѣ моей унылой
Твой чудный „Плѣнникъ" повторилъ
Всю жизнь мою волшебной силой
И скорбь нѣмую пробудилъ!
Увы! какъ онъ, я былъ изгнанникъ,
Изринутъ изъ страны родной
И рано, безотрадный странникъ,
Вкушать былъ долженъ хлѣбъ чужой!
Куда, преслѣдованъ врагами,
Куда, обманутъ отъ друзей,
Я не носилъ главы своей,
И гдѣ веселыми очами
Я зрѣлъ свѣтило ясныхъ дней?
Вотще въ пучинахъ тихоструйныхъ
Я въ ночь, безмолвенъ и унылъ,
Съ убiйцей-гондольеромъ плылъ [1]);
Вотще на поединкахъ бурныхъ
Я вызывалъ слѣпой свинецъ:
Онъ мимо горестныхъ сердецъ
Разитъ сердца однихъ счастливыхъ!
Кавказскiй конь топталъ меня, —
И живъ въ скалахъ тѣхъ молчаливыхъ
Я всталъ изъ-подъ копытъ коня!

---

[1]) Отправляясь изъ Виллафранки въ Ниццу моремъ, въ глухую ночь я подвергся было опасности быть брошеннымъ въ воды. *Авт.*

Воскресъ на новыя страданья,
Сталъ снова вѣрить въ упованье,
И снова дикая любовь
Огнемъ свирѣпымъ сладострастья
Зажгла въ увядшихъ жилахъ кровь
И чашу мнѣ дала несчастья!
На рейнскихъ пышныхъ берегахъ,
Въ Лютеціи[1]), въ столицѣ міра,
Въ гесперскихъ радостныхъ садахъ,
На смежныхъ небесамъ горахъ,
О коихъ сладостная лира
Поетъ въ златыхъ твоихъ стихахъ,
Близъ древнихъ рубежей Персиды,
Средь томныхъ сѣверныхъ степей —
Я былъ добычей Немезиды,
Я былъ игралищемъ страстей!
Но не ропщу на Провидѣнье:
Пусть кроюсь ранней сѣдиной,—
Я молодъ пламенной душой.
Во мнѣ не гаснетъ вдохновенье,
И по нему, товарищъ мой,
Когда средь бурь мятежной жизни
Въ святой мы встрѣтимся отчизнѣ,
Пусть буду узнанъ я тобой. 1823.

Бар. А. А. Дельвигъ[2]).

Н. М. Языкову.

(Сонетъ.)

Младой пѣвецъ, дорогою прекрасной
Тебѣ итти къ парнасскимъ высотамъ,
Тебѣ вѣнокъ — повѣрь моимъ словамъ —
Плететъ Амуръ съ Каменой сладкогласной.

1) Парижъ.
2) Соч., 1893, стр. 54.

От ранних лѣтъ я пламень ненапрасный
Храню въ душѣ, благодаря богамъ,
Я имъ влекомъ къ возвышеннымъ пѣвцамъ
Съ какою-то любовію пристрастной.
Я Пушкина младенцемъ полюбилъ,
Съ нимъ раздѣлялъ и грусть и наслажденье,
И первый я его услышалъ пѣнье
И за себя боговъ благословилъ!
Пѣвца „Пировъ"[1]) я съ музой подружилъ,
И славой ихъ горжусь въ вознагражденье. 1823.

Ф. А. Туманскій[2]).

А. С. Пушкину.

Еще въ младенческія лѣта
Любилъ онъ пѣсенъ дивный даръ,
И не потухнулъ въ шумѣ свѣта
Его души небесный жаръ.
Не измѣнилъ онъ назначенью,
Главы предъ рокомъ не склонялъ
И, вѣрный тайному влеченью,
Онъ надъ судьбой торжествовалъ.
Подъ бурями, въ глуши изгнанья,
Вмѣщая міръ въ себѣ одномъ,
Младое сѣмя дарованья,
Какъ пышный цвѣтъ, созрѣло въ немъ.
Онъ пѣлъ въ степяхъ, подъ игомъ скуки
Влача свой странническій вѣкъ, —

1) Баратынскаго.

2) Стихотворенія В. И. Туманскаго, С.-Пб. 1881, стр. XXVII—XXVIII. Л. Н. Павлищевъ, безъ всякаго основанія, приписывалъ эти стих. своей матери, сестрѣ Пушкина (см. Собраніе сочиненій кн. П. П. Вяземскаго, С.-Пб. 1893, 485—486). См. также кн. В. П. *Мещерскій*, Сборникъ стихотвореній изъ 54 русскихъ поэтовъ, I, С.-Пб. 1881, 295—296

И на плѣнительные звуки
Стекались нимфы чуждыхъ рѣкъ;
Внимая пѣснопѣньямъ славнымъ,
Пришельца въ лавры облекли
И въ упоеньи нарекли
Его пѣвцомъ самодержавнымъ. 1825.

Кн. П. И. Шаликовъ[1]).

Къ А. С. Пушкину.

(На его отреченіе пѣть женщинъ.)

Такъ утомленный сибаритъ
Весельемъ, нѣгою, пирами,
На розахъ лежа, говоритъ:
„Нѣтъ, полно! разстаюсь я съ вами,
Веселье, нѣга и пиры!
Простой природы васъ милѣе
Простые, тихіе дары!
Они полезнѣе, прочнѣе;
Они“... Но голосъ вдругъ сиренъ,
Но благовонныя куренья
Вновь мудреца влекутъ во плѣнъ
Пировъ, и нѣги, и веселья!
И нашъ любезный сибаритъ
Талантомъ, чувствомъ, пѣснопѣньемъ,
Лишь только женщинъ отбранитъ,
Какъ вдругъ невольно, съ восхищеньемъ,
О *ножкахъ,* лучшей красотѣ
Роскошно-томнаго Востока, —
Своей прелестнѣйшей мечтѣ,
Воспомянувъ, въ мгновенье ока

---

[1]) „Дамскій Журналъ“, 1825, № 8, стр. 68—69.

У *ножекъ* съ лирою златой!..
И ножка женщины, конечно,
Не хуже головы мужской,
Набитой спесью, чванствомъ вѣчно,
И тѣмъ не менѣе — пустой!
И тѣмъ не менѣе виновенъ
Безцѣнный граціямъ поэтъ,
Что противъ ихъ подругъ нескроменъ,
Несправедливъ его обѣтъ!...
Тебѣ *одна* изъ нихъ (быть можетъ)
Невѣрной стала... Горькій часъ!
Но *скольких*ъ же (увы!) изъ насъ
Неукротима зависть гложетъ,
Шипящая на геній твой?
И ты не *имъ*, а *намъ* отнынѣ
Желаешь лирою златой
(Подобно какъ средь змѣй въ пустынѣ!)
И пѣть и нравиться?.. Ахъ, нѣтъ!
И пой, и нравься лишь харитамъ,
Тобой *плѣняемымъ*, поэтъ!
И будь подобенъ *сибаритамъ*
Вовѣки нѣгою стиховъ,
И олимпійскихъ будутъ вѣчно
Они веселіемъ пировъ!...
Хоръ женщинъ слышу: *Будутъ вѣчно!*

Н. М. Языковъ.

Тригорское.

(Посвящено П. А. Осиповой.)

Въ странѣ, гдѣ вольные живали
Сыны воинственныхъ славянъ;
Гдѣ гордо именемъ граждан
Они другъ друга называли;

Куда великая Ганза
Добро возила издалеча,
Пока московская гроза
Не пересиливала вѣча;
Въ странѣ, которую война
Кровопролитно пустошила,
Когда ливонски знамена
Душа геройская водила;
Гдѣ побѣждающій Стефанъ
Въ одинъ могущественный станъ
Уже сдвигалъ толпы густыя,
Да уничтожитъ псковитянъ,
Да ниспровергнется Россія!
Но ты, къ отечеству любовь,
Ты, чѣмъ гордились наши дѣды,
Ты ополчилась... кровь за кровь...
И онъ не праздновалъ побѣды!
Въ странѣ, гдѣ славной старины
Не всѣ слѣды истреблены,
Гдѣ сердцу русскому донынѣ
Краснорѣчиво говорятъ
То стѣнъ полуразбитыхъ рядъ,
И валъ на каменной вершинѣ,
То одинокій древній храмъ
Среди безпажитной поляны,
То благородные курганы
По зеленѣющимъ брегамъ;
Въ странѣ, гдѣ Сороть голубая,
Подруга зеркальныхъ озеръ,
Разнообразно между горъ
Свои изгибы разстилая,
Водами ясными поитъ
Поля, украшенныя нивой:
Тамъ, у раздолья, горделиво
Гора трехолмная стоитъ.
На той горѣ, среди лощины,

Передъ лазоревымъ прудомъ,
Бѣлѣется веселый домъ,
И сада темныя картины,
Село и пажити кругомъ.
Пріютъ свободнаго поэта,
Непобѣжденнаго судьбой!
Благоговѣю предъ тобой,
И даръ божественнаго свѣта,
Краса и радость лучшихъ лѣтъ,
Моя надежда и забава,
Моя любовь и честь и слава —
Мои стихи тебѣ привѣтъ!
Воспоминаніе живое
И нынѣ радуетъ меня.
Бывало, въ царственномъ покоѣ,
Великое свѣтило дня,
Вослѣдъ за раннею денницей,
Шаромъ восходитъ огневымъ,
И небеса, какъ багряницей,
Окинетъ заревомъ своимъ;
Его лучами заиграютъ
Озеръ живыя зеркала;
Поля, холмы благоухаютъ;
Съ нихъ бѣлой скатертью слетаютъ
И сонъ и утренняя мгла;
Росой перловой и зернистой
Деревъ одежда убрана;
Пернатыхъ пѣснью голосистой
Звучитъ лѣсная глубина.
Тогда, одинъ, восторга полный,
Горы прибережной съ высотъ
Я озиралъ сей неба сводъ
Великолѣпный и безмолвный,
Сіи круги и ленты водъ,
Сіи ликующія нивы,
Гдѣ серпъ мелькалъ трудолюбивый

По золотистымъ полосамъ,
Скирды желтѣлись тамъ и тамъ,
Жнецы къ товарищамъ взывали,
И на дорогѣ вдалекѣ
Съ холмовъ бѣгущія къ рѣкѣ
Стада пылили и блеяли.
Бывало, солнце безъ лучей
Стоитъ и рдѣетъ въ безднѣ пара,
Тяжелый воздухъ полонъ жара;
Вода чуть движется; надъ ней
Склонилась томными вѣтвями
Деревъ безжизненная тѣнь;
На полѣ жатвы, межъ скирдами,
Невольная почіетъ лѣнь,
И кони спутанные бродятъ,
И псы валяются; молчатъ
Село и холмы; душенъ садъ,
И птицы пѣсенъ не заводятъ...
Туда, туда, друзья мои!
На скатъ горы, на брегъ зеленый,
Гдѣ дремлютъ Сороти студеной
Гостепріимныя струи,
Гдѣ подъ кустарникомъ тѣнистымъ
Дугою выдалась она
По глади вогнутаго дна,
Пескомъ усыпанной сребристымъ.
Одежду прочь! Передъ челомъ
Протянемъ руки удалыя —
И бухъ! Блистательнымъ дождемъ
Взлетаютъ брызги водяныя.
Какая сильная волна!
Какая свѣжесть и прохлада!
Какъ сладострастна, какъ нѣжна
Меня обнявшая наяда!
Дышу вольнѣе, свѣтелъ взоръ,
Въ холодной нѣгѣ оживаю,

И бодръ и веселъ выбѣгаю
Травы на бархатный коверъ.
Что̀ восхитительнѣе, краше
Свободныхъ, дружескихъ бесѣдъ,
Когда за пѣнистою чашей
Съ поэтомъ говоритъ поэтъ?
Жрецы высокаго искусства,
Пророки воли божества!
Какъ независимы ихъ чувства,
Какъ полновѣсны ихъ слова!
Какъ быстро, мыслью вдохновенной,
Мечты на радужныхъ крылахъ,
Они летаютъ по вселенной
Въ былыхъ и будущихъ вѣкахъ!
Прекрасно радуясь, играя,
Надежды смѣлыя кипятъ,
И грудь трепещетъ молодая,
И гордый вспыхиваетъ взглядъ!
Пѣвецъ Руслана и Людмилы!
Была счастливая пора,
Когда такъ веселы, такъ милы
Неслися наши вечера
Тамъ, на горѣ, подъ мирнымъ кровомъ
Старѣйшинъ сада вѣковыхъ,
На дернѣ свѣжемъ и шелко̀вомъ,
Въ виду окрестностей живыхъ;
Или въ тиши благословенной
Жилища грацій, гдѣ цвѣтутъ
Каменами хранимый трудъ
И умъ изящно-просвѣщенный;
Въ часы, какъ сладостные тамъ
Дары Эвтерпы насъ плѣняли,
Какъ пѐрсты легкіе мелькали
По очарованнымъ ладамъ:
Съ нихъ звуки стройно подымались,
И въ треляхъ чистыхъ и густыхъ

Они свивались, развивались —
И сердце чувствовало ихъ!
Вотъ за далекими горами
Скрывается прекрасный день,
Отъ сѣней лѣса надъ водами,
Волнообразными рядами
Длиннѣетъ трепетная тѣнь;
Въ рѣкѣ сверкаетъ блескъ зарницы,
Пустѣютъ холмы, долъ и брегъ;
Въ село въѣзжаютъ вереницы
Поля покинувшихъ телѣгъ;
Гдѣ-гдѣ залаетъ песъ домовый,
Иль вѣтерокъ зашелеститъ
Въ листахъ темнѣющей дубровы,
Иль птица робко пролетитъ,
Иль возъ тяжелый и скрипучій,
Усталымъ движимый конемъ,
Считая бревна колесомъ,
Переступаетъ мостъ пловучій;
И вдругъ отрывный и глухой
Промчится грохотъ надъ рѣкой
Уже спокойной и дремучей —
И вдругъ замолкнетъ. Но вдали,
На краѣ неба, мѣсяцъ полный
Со всѣхъ сторонъ заволокли
Большія, облачныя волны;
Вонъ разступились, вонъ сошлись,
Вонъ грозно тихія слились
Въ одну громаду непогоды —
И на лазоревые своды,
Молніеносна и черна,
Съ востока крадется она.
Уже безмолвіе лѣсное
Налетомъ вѣтра смущено;
Уже немирно и темно
Рѣки теченіе ночное;

Широко зыблются на немъ
Тѣней раскидистыя чащи,
Какъ парусъ въ воздухѣ дрожащій,
Почти упущенный пловцомъ,
Когда внезапно буря встанетъ,
Покатитъ шумныя струи,
Рванетъ крыло его ладьи
И надъ пучиною растянетъ.
Тьма потопила небеса;
Пустился дождь; гроза волнуетъ,
Взрываетъ воды и лѣса,
Гремитъ и блещетъ и бушуетъ.
Мгновенья дивныя! Когда
Съ конца въ конецъ, по тучамъ бурнымъ,
Зубчатой молніи бразда
Огнемъ разсыплется пурпурнымъ, —
Все видно: цѣпь далекихъ горъ,
И разноцвѣтныя картины
Извивовъ Сороти, озеръ,
Села, и брега, и долины!
Вдругъ тьма угрюмѣй и чернѣй,
Удары громче громовые;
Шумнѣе, гуще и быстрѣй
Дождя потоки проливные.
Но завтра въ пышной тишинѣ
На небо ярко-голубое
Свѣтило явится дневное,
Возставитъ утро золотое
Грозой омытой сторонѣ.
Придутъ ли дни? Увижу ль снова
Твои холмы, твои поля,
О православная земля
Священныхъ памятниковъ Пскова?
Твои родныя красоты
Во имя музъ благословляю,
И вѣрнымъ счастьемъ называю
Все, чѣмъ меня ласкала ты. 1826.

Н. М. Языковъ.

Къ нянѣ А. С. Пушкина.

Свѣтъ Родіоновна, забуду ли тебя?
Въ тѣ дни, какъ сельскую свободу возлюбя,
Я покидалъ для ней и славу и науки,
И нѣмцевъ, и сей градъ профессоровъ и скуки, —
Ты, благодатная хозяйка сѣни той,
Гдѣ Пушкинъ, не сраженъ суровою судьбой,
Презрѣвъ людей, молву, ихъ ласки, ихъ измѣны,
Священнодѣйствовалъ при алтарѣ Камены, —
Всегда съ привѣтами сердечной доброты
Встрѣчала ты меня, мнѣ здравствовала ты,
Когда чрезъ длинный рядъ полей, подъ зноемъ лѣта,
Ходилъ я навѣщать изгнанника-поэта,
И мнѣ сопутствовалъ пріятель давній твой,
Ареевыхъ наукъ питомецъ молодой[1]).
Какъ сладостно твое святое хлѣбосольство
Намъ баловало вкусъ и жажды своевольство!
Съ какимъ радушіемъ — красою древнихъ лѣтъ —
Ты набирала намъ затѣйливый обѣдъ!
Сама и водку намъ и брашна подавала,
И соты, и плоды, и вина уставляла
На милой тѣснотѣ стариннаго стола!
Ты занимала насъ — добра и весела —
Про стародавнихъ баръ плѣнительнымъ разсказомъ.
Мы удивлялися почтеннымъ ихъ проказамъ,
Мы вѣрили тебѣ, и смѣхъ не прерывалъ
Твоихъ безхитростныхъ сужденій и похвалъ;
Свободно говорилъ языкъ словоохотный,
И легкіе часы летѣли беззаботно! 1826.

---

[1]) Вульфъ (какъ и Языковъ, былъ студентомъ въ Дерптѣ).

Н. М. Языковъ[1]).

Къ Пушкину.

О ты, чья дружба мнѣ дороже
Привѣтовъ ласковой молвы,
Милѣе дѣвицы пригожей,
Святѣе всякой головы!
Огнемъ стиховъ ознаменую
Тѣ достохвальные края
И ту годину золотую,
Гдѣ и когда мы, ты да я —
Двѣ силы Руси православной —
Постановили своенравно
Нашъ поэтическій союзъ.
Пророкъ изящнаго, забуду ль,
Какъ волновалася во мнѣ,
На самомъ сердца глубинѣ,
Восторговъ пламенная удаль,
Когда могущественный ромъ
Съ плодами сладостной Мессины,
Съ немного сахара, съ виномъ,
Переработанный огнемъ,
Лился въ бокалы-исполины;
Какъ мы, бывало, пьемъ да пьемъ,
Творимъ обѣты нашей Гебѣ,
Зовемъ свободу въ нашу Русь —
И я на вѣчѣ, я на небѣ,
И славой прадѣдовъ горжусь!
Мнѣ утѣшительно доселѣ,
Мнѣ весело воспоминать
Сію поэзію во хмелѣ,
Ума и сердца благодать.

---

1) „Русскій Архивъ“, 1867, стр. 722. „С.-Пб. Вѣдомости“, 1866, № 163.

Теперь, когда Парнасса воды
Хвостовы черпаютъ на оды,
И добродушная Москва,
Полна святого упованья,
Приготовляетъ торжество
На свѣтлый день царевѣнчанья, —
Съ челомъ возвышеннымъ стою
Передъ скрижалью вдохновеній,
И вольность нашихъ наслажденій,
И берегъ Сороти[1]) пою. 1826.

Е. А. Баратынскій[2]).

Пиры.

. . . .

Дубровой темной осѣненный,
Родной отцамъ моихъ отцовъ,
Мой домъ, свидѣтель двухъ вѣковъ,
Поникнулъ кровлею смиренной.
За много лѣтъ до нашихъ дней
Тамъ въ чаши чашами стучали,
Любили пламенно друзей
И съ ними шумно пировали...
Мы, тѣ же сердцемъ въ вѣкъ иной,
Сберемтесь дружеской толпой
Подъ мирный кровъ домашней сѣни:
Ты, вѣрный мнѣ, ты Дельвигъ мой,
Мой братъ по музамъ и по лѣни, —
Ты, Пушкинъ нашъ, кому дано
Пѣть и героевъ, и вино,
И страсти молодости пылкой, —

---

[1]) Около Тригорскаго, по сосѣдству съ Михайловскимъ Пушкиныхъ.
[2]) Полное собраніе сочиненій, II, С.-Пб., 1894, стр. 153—154.

Дано съ проказливымъ умомъ
Быть сердца вѣрнымъ знатокомъ
И лучшимъ гостемъ за бутылкой,—
Вы всѣ, дѣлившіе со мной
И наслажденья и мечтанья,
О, поспѣшите въ домикъ мой
На сладкій пиръ, на пиръ свиданья!
Слѣпой владычицей суетъ
Отъ колыбели позабытый,
Чѣмъ угоститъ анахоретъ,
Въ смиренной хижинѣ укрытый?
Его пустынничій обѣдъ
Не будетъ лакомый, но сытый.
Веселый будетъ ли, друзья?
Со дня разлуки, знаю я,
И дни и годы пролетѣли,
И разгадать у бытія
Мы много тайнаго успѣли:
Чтò ни ласкало встарину,
Чтò прежде сердцемъ ни владѣло,—
Подобно утреннему сну
Все измѣнило, улетѣло!
Увы! на память намъ придутъ
Тѣ пѣсни, за веселой чашей,
Чтò на Парнассѣ берегутъ
Преданья молодости нашей:
Собранье пламенныхъ замѣтъ
Богатой жизни юныхъ лѣтъ;
Плоды счастливаго забвенья,
Гдѣ воплотить умѣлъ поэтъ
Свои живыя сновидѣнья...
Не обрѣсти замѣны имъ!
Чему же вѣру мы дадимъ?—
Пирамъ! Въ безжизненыя лѣта
Душа остылая согрѣта
Ихъ утѣшеніемъ живымъ.

Пускай навѣкъ исчезла младость,
Пируйте, други: стукомъ чашъ
Авось приманенная радость
Еще заглянетъ въ уголъ нашъ... 1826.

Кн. П. А. Вяземскій.

О. С. Пушкиной (Павлищевой).

Насъ случай свелъ; но не слѣпцомъ меня
Къ тебѣ онъ влекъ непобѣдимой силой:
Поэта другъ, сестра и геній милый,
По сердцу ты и мнѣ давно родня.
Такъ, въ памяти сердечной безъ заката
Мечта о немъ горитъ теперь живѣй:
Я полюбилъ въ тебѣ сначала брата,
Братъ по сестрѣ еще мнѣ сталъ милѣй.
Удѣлъ его — блескъ славы вѣчнольстивой,
Не часто намъ сіяющей изъ тучъ;
И отъ нея ударитъ яркій лучъ
На жребій твой въ безпечности счастливой.
Но для него ты благотворной будь:
Свѣти ему звѣздою безмятежной,
И въ бурной мглѣ отрадой, дружбой нѣжной
Ты услаждай тоскующую грудь. 1826.

Д. В. Веневитиновъ.

Къ Пушкину.

Извѣстно мнѣ: доступенъ геній
Для гласа искреннихъ сердецъ.
Къ тебѣ, возвышенный пѣвецъ,
Взываю съ жаромъ пѣснопѣній.

Разсѣй на мигъ восторгъ святой,
Раздумье творческаго духа,
И снисходительнаго слуха
Младую музу удостой.
Когда пророкъ свободы смѣлый,
Тоской измученный поэтъ
Покинулъ міръ осиротѣлый,
Оставя славы жаркій свѣтъ
И тѣнь всемірныя печали,
Хвалебнымъ громомъ прозвучали
Твои стихи ему во слѣдъ.
Ты дань принесъ увядшей силѣ,
И славѣ на его могилѣ
Другое имя завѣщалъ [1]).
Ты тише, слаще воспѣвалъ
У музъ похищеннаго галла [2]).
Волнуясь пѣснію твоей,
Въ груди восторженной моей
Душа рвалась и трепетала.
Но ты еще не доплатилъ
Каменамъ долга вдохновенья;
Къ хваламъ оплаканныхъ могилъ
Прибавь веселыя хваленья.
Ихъ ждетъ еще одинъ пѣвецъ [3]):
Онъ нашъ,—жилецъ того же свѣта.
Давно блеститъ его вѣнецъ;
Но славы громкаго привѣта
Звучнѣй, отраднѣй гласъ поэта.
Наставникъ нашъ, наставникъ твой,
Онъ кроется въ странѣ мечтаній,
Въ своей Германіи родной.
Досель хладѣющія длани
По струнамъ бѣгаютъ порой,

[1]) Байронъ и Наполеонъ.
[2]) Шенье.
[3]) Гёте.

И перерывчатые звуки,
Какъ послѣ горестной разлуки
Старинной дружбы милый гласъ,
Къ знакомымъ думамъ клонятъ насъ.
Досель въ немъ сердце не остыло,
И вѣрь, онъ съ радостью живой
Въ пріютѣ старости унылой
Еще услышитъ голосъ твой.
И, можетъ-быть, тобой плѣненный,
Послѣднимъ жаромъ вдохновленный,
Отвѣтно лебедь запоетъ
И, къ небу съ пѣснію прощанья
Стремя торжественный полетъ,
Въ восторгѣ дивнаго мечтанья
Тебя, о Пушкинъ, назоветъ.

1827.

Борозднa[1]).

Къ А. С. Пушкину.

Скажи, о *Пушкинъ* молодой,
Скажи, музъ баловень любимый,
Въ какой странѣ непостижимой
Нашелъ ты хитрою рукой
Огонь поэзіи святой?
Отколѣ онъ? Съ высотъ ли неба,
Изъ безднъ ли мрачнаго Эреба?
Отвѣтствуй, новый Промеѳей!
Ты также ль былъ питомцемъ Феба
Въ дни мирной младости своей?
Его ль ты молишься кумиру,
Иль нѣкій богъ, безвѣстный міру,
Каменѣ[2]) избранной твоей

---

1) „Славянинъ“, 1828, № 52, стр. 487—489.
2) Музѣ.

Далъ очарованную лиру?
О, кѣмъ же внушены тебѣ
Восторги тайныхъ вдохновеній!
Твой гордый и свободный геній,
Не покоряясь и судьбѣ,
Путь вольный проложилъ себѣ.
Кавказа средь вершинъ надменныхъ,
Въ поляхъ Тавриды, орошенныхъ
Салгира звучною волной,
Средь ханскихъ стѣнъ опустошенныхъ
И на брегахъ Невы родной —
Вездѣ ты зиждешь міръ прекрасный,
Плѣнительный, разнообразный,
Куда всѣхъ манишь за собой
Звяцаньемъ арфы сладкогласной!
И кто съ черкешенкой твоей
Не раздѣлялъ любви страданья?
Кого не трогали стенанья
Несчастной дѣвы въ цвѣтѣ дней,
Добычи гибельныхъ зыбей?
Кто съ восхищеньемъ, бардъ нашъ милый,
Предъ дивной прелестью Людмилы
Главы покорной не склонялъ?
Кто думой скорбной и унылой
Порой въ мечтахъ не посѣщалъ
Маріи[1]) пышную свѣтлицу, —
Ея невинности темницу,
Или слезой не орошалъ
Княжны пустынную гробницу?
Такъ! Власть плѣнять сердца людей
Въ тебѣ есть музы даръ безцѣнный!
Когда же, свыше вдохновенный,
Поешь ты звучно вмѣстѣ съ ней, —
Тогда родной страны твоей

[1]) „Бахчисарайскій Фонтанъ“.

Лѣтъ прошлыхъ славные поэты
(Огнемъ давнишнимъ вновь согрѣты)
Летятъ, покинувъ наконецъ
Страну Элизія и Леты[1]), —
Тебѣ внимать, младой пѣвецъ,
И, надъ челомъ обвороженнымъ
Витая сонмомъ восхищеннымъ,
Лавровый для тебя вѣнецъ
Плетутъ съ восторгомъ неизмѣннымъ!
Что жъ можетъ мой нестройный гласъ?
Безвѣстенъ я тебѣ и міру...
Но ты мою возвысилъ лиру,
Въ сей вдохновенно-сладкій часъ,
И пѣснь простая излилась!

И. Е. Великопольскій.

Отвѣтъ знакомому сочинителю посланія ко мнѣ, помѣщеннаго въ № 30 „Сѣверной Пчелы“ (1828)[2]).

Узналъ я тотчасъ по замашкѣ
Тебя, насмѣшливый поэтъ!
Твой стихъ веселый, легче пташки,
Порхаетъ и чаруетъ свѣтъ.
Я радъ, что геній удосужилъ
Тебя со мной на пару словъ;
Ты очень мило обнаружилъ
Бесѣды дружескихъ часовъ.
Съ твоимъ проказникомъ сосѣднимъ
Знакомъ съ давнишней я поры:
Обязанъ другу онъ послѣднимъ
Урокомъ вѣтреной игры.

---

[1]) Элисейскія поля и Аидъ.

[2]) Отвѣтъ на „Посланіе къ В., сочинителю „Сатиры на игроковъ“ — Пушкина. Пушкинъ подсмѣивался надъ тѣмъ, что „сатирикъ на игроковъ самъ игрокъ“. См. *Бартеневъ*, А. С. Пушкинъ, М. 1885, II, 134.

Онъ очень помнитъ, какъ смѣняя
Былые рублики въ кисѣ,
Глава „Онѣгина" вторая
Съѣзжала скромно на тузѣ.
Блуждая въ молодости шибкой,
Онъ спотыкался о порогъ;
Но гдѣ послѣдняя ошибка,
Тамъ первый мудрости урокъ. 1828.

А. И. Готовцова[1]).

А. С. Пушкину.

О Пушкинъ, слава нашихъ дней,
Поэтъ, любимый небесами!
Ты вѣкъ нашъ на зарѣ своей
Украсилъ дивными цвѣтами:
Кто выразитъ тебя сильнѣй
Природы блескъ и чувства сладость,
Восторгъ любви и сердца радость,
Тоску души и пылъ страстей?
Кто не дивится вдохновеньямъ,
Игривой юности мечтамъ,
Свободныхъ мыслей выраженьямъ,
Которыя ты предалъ намъ?
Въ неподражаемой картинѣ
Ты намъ Кавказъ изобразилъ,
И дѣву горъ, и плѣнъ въ чужбинѣ,
Черкесовъ жизнь въ родной долинѣ
Волшебной кистью оживилъ.
Дворецъ и садъ Бахчисарая,
Фонтанъ любви, грузинки месть
Изъ края въ край, не умолкая,
Гласятъ поэту славы вѣсть.

[1]) „Сѣверные Цвѣты" на 1829 годъ. С.-Пб. 1828, стр. 180—181. Отвѣтъ Пушкина (1828): „И недовѣрчиво и жадно"...

Одно... Но гдѣ же совершенство?
Въ лунѣ и солнцѣ пятна есть!
. . . .
. . . .
Несправедливъ твой приговоръ[1]), —
Но порицать тебя не смѣемъ:
Мы генію простить умѣемъ —
Молчанье выразить укоръ[2]). 1828.

П. А. Катенинъ[3]).

А. С. Пушкину.

Вотъ старая, мой милый, быль,
А можетъ быть — и небылица:
Сквозь мракъ вѣковъ и хартій пыль
Какъ распознать? Дѣла и лица —
Все такъ темно, пестро, что самъ,
Самъ нашъ исторьографъ почтенный,
Прославленный, пренагражденный,
Едва ль не сбился тамъ и сямъ.

---

[1]) Выходки противъ женщинъ въ „Евгеніи Онѣгинѣ"?

[2]) Письмо Пушкина къ Дельвигу (1828): „Вотъ тебѣ отвѣтъ Готовцовой, чортъ ее побери! Какъ ты находишь ces petits vers froids et coulants? Что-то написалъ ей мой Вяземскій, а отъ меня ей мало барыша. Да въ чемъ она меня и впрямь упрекаетъ? въ неучтивостяхъ ли противу прекраснаго пола, или въ похабствахъ, или въ безпорядочномъ поведеніи? Господь ее знаетъ!"

[3]) Сочиненія и переводы, I, С.-Пб. 1832, стр. 98—100. Въ 1828 году Катенинъ посвятилъ Пушкину „Старую быль", въ которой, между прочимъ, разсказывалось о томъ, что кн. Владимиръ на состязаніи пѣвцовъ присудилъ греку-пѣвцу коня и латы, а русскому — завѣтный кубокъ, данный Святославу Цимисхіемъ. Въ томъ же году онъ пишетъ печатаемое ниже посланіе. Пушкинъ отвѣчалъ стихотвореніемъ: „Напрасно, пламенный поэтъ"... (1828).

Но вѣрю, что съ большимъ стараньемъ,
Стариннымъ убѣжденъ преданьемъ,
Одинъ ученый нашъ искалъ
Подарковъ, что пѣвцамъ въ награду
Владиміръ щедрый раздавалъ,
И — вобрази его досаду —
Вѣдь не нашелъ! Конь, вѣрно, палъ;
О славныхъ латахъ слухъ пропалъ:
Французы ль, какъ пришли къ Царьграду
(Они вѣдь шли въ Ерусалимъ
За гробъ Христовъ святымъ походомъ,
Да сбились, и случилось имъ
Царьградъ разграбить мимоходомъ) —
Французы ли, скажу опять,
Изволили въ числѣ трофеевъ
Ихъ у наслѣдниковъ отнять
Да, по обычаю злодѣевъ,
Въ парижскій свой музеумъ взять;
Иль время, лѣтъ трудившись двѣсти,
Подъѣло ржавчиной булатъ,
Но только не дошло къ намъ вѣсти
Объ участи несчастныхъ латъ.
Лишь кубокъ, говорятъ, остался
Одинъ въ живыхъ изъ всѣхъ наградъ;
Изъ рукъ онъ въ руки попадался,
И даже часто невпопадъ,
Гулялъ, бродилъ по бѣлу свѣту,
Но къ настоящему поэту
Пришелъ однако на житье.
Ты съ нимъ, счастливецъ, поживаешь,
Въ него ты черезъ край вливаешь
Свое волшебное питье,
Въ которомъ Вакха лозъ огнистыхъ
Румяный, сочный, вкусный плодъ
Растворенъ свѣжестію чистыхъ,
Живительныхъ кастальскихъ водъ.

Когда за скуку въ утѣшенье
Неугомонною судьбой
Дано мнѣ будетъ позволенье,
Мой другъ, увидѣться съ тобой[1]), —
Изъ кубка, сдѣлай одолженье,
Меня питьемъ своимъ напой,
Но не облей неосторожно:
Онъ, я слыхалъ, завороженъ,
И смѣло пить тому лишь можно,
Кто сыномъ Фебовымъ рожденъ.
Невиннымъ опытомъ сначала
Узнай, правдивъ ли этотъ слухъ:
Младыхъ романтиковъ хоть двухъ
Проси отвѣдать изъ бокала,
И если, капли не проливъ,
Напьются милые свободно,
Тогда и слухъ, конечно, лживъ,
И можно пить кому угодно;
Но если, Боже сохрани,
Замочатъ пазуху они, —
Тогда и я желанье кину,
Въ урокъ поставлю ихъ бѣду
И вслѣдъ Ринальду паладину
Благоразуміемъ пойду:
Надеждой ослѣпленъ пустою,
Опаснымъ не прельщусь питьемъ
И, въ дѣло не входя съ судьбою,
Останусь лучше при своемъ;
Наливъ, тебѣ подамъ я чашу,
Ты выпьешь, духомъ закипишь
И тихую бесѣду нашу
Бейронскимъ пѣньемъ огласишь. 1828.

---

[1]) Въ 1822 г., за шиканье артисткѣ Семеновой, Катенинъ былъ высланъ въ Костромскую губернію, гдѣ и пробылъ 10 лѣтъ.

В. Л. Пушкинъ[1]).

Къ А. С. Пушкину.

Поэтъ-племянникъ, справедливо
Я названъ классикомъ тобой!
Все, что умно, краснорѣчиво,
Все, что написано съ душой, —
Мнѣ нравится, меня плѣняетъ.
Твои стихи, повѣрь, читаетъ
Съ живымъ восторгомъ дядя твой.
Латоны сына ты любимецъ,
Тебя онъ вкусомъ одарилъ;
Очарователь и счастливецъ,
Сердца ты наши полонилъ
Своимъ талантомъ превосходнымъ,
Всѣ мысли выражать способнымъ.
Русланъ, Кавказскій Плѣнникъ твой,
Фонтанъ, Цыганы и Евгеній
Прекрасныхъ полны вдохновеній!
Они всегда передо мной,
И не для критики пустой
Я ихъ твержу — для наслажденья.
Тацита нашего творенья
Читаетъ журналистъ иной[2]),
Чтобъ славу очернить хулой.
Зоилъ достоинъ сожалѣнья:
Онъ позабылъ, что не вредна
Граниту бурная волна. 1829.

---

[1]) Сочиненія, С.-Пб., стр. 113. „Московскій Телеграфъ“ 1829, ч. XXVI
[2]) Карамзина — Каченовскій.

Л[1]).

Авторы.

Два друга, сообщась, двѣ повѣсти издали,
Точили *балы* въ нихъ да все *нули* писали,
Но слава добрая объ авторахъ *прошла,*
И книжка вмигъ раскуплена была.
Ахъ! Часто вздоръ плетутъ извѣстныя намъ лицы,
И часто къ ихъ нулямъ мы ставимъ единицы!

N. N[2]).

Русскіе писатели въ 1816 году.

(Отрывокъ изъ новаго стихотворенія.)

. . . .
На лаврахъ Дмитревъ отдыхалъ;
Умолкъ Державинъ, бардъ *державный;*
Свершалъ историкъ подвигъ славный,
А юный Пушкинъ начиналъ...
Еще насъ *Плѣнникъ* не плѣнялъ
Картиной дикаго Кавказа,
Любовью чистой дѣвы горъ
И новой прелестью разсказа;
Длиннобородый *Черноморъ*
Не забавлялъ волшебной властью,
Восторгамъ брачнымъ не мѣшалъ;
Цыганъ неистовою страстью
Невѣрныхъ женщинъ не пугалъ.
. . . .

---

¹) „Дамскій Журналъ", 1829, № III, 56. „Современникъ", 1856, VIII, 158. Пушкинъ и Баратынскій издали въ 1829 г. вмѣстѣ двѣ поэмы: „Балъ" и „Графъ Нулинъ".

²) „Бабочка", 1829, I, стр. 4.

Мечтатель (С. Н. Глинка?) [1]).

Русскому Байрону, А. С. Пушкину.

(Экспромтъ.)

Орломъ за Байрономъ ты вьешься въ облакахъ,
Любезностью сердца плѣняешь;
Перомъ, умомъ, душой ты будешь жить въ вѣкахъ,
И русскій нашъ Парнассъ собою украшаешь.
Мнѣ отжилымъ перомъ нельзя вѣнка сплетать,
Но сердцу весело вѣсть общу повторять.

Кн. Шаликовъ [2]) (К. Ш.).

Полтава, поэма А. С. Пушкина.

Цари съ поэтами всегда дѣлились славой!
Царь россій возблисталъ тріумфомъ подъ Полтавой
Надъ силой грозною, и россій же поэтъ
Вьетъ лавры въ свой вѣнокъ съ полей его побѣдъ!

Кн. П. И. Шаликовъ [3]).

Къ А. С. Пушкину, сказавшему мнѣ, что онъ ѣдетъ въ мое отечество, Грузію.

Отечество мое! тебя
Спѣшу привѣтствовать съ поэтомъ,
Явившимъ въ юности себя
Олимпа нашего атлетомъ
И видѣвшимъ уже твоихъ
Прелестно-грозныхъ исполиновъ,
Природы злачной властелиновъ
Могуществомъ чудесъ своихъ!...

---

[1]) „Дамскій Журналъ“, 1829, часть XXVI, № 14, стр. 8.
[2]) „Дамскій Журналъ“, 1829, часть XXVI, № 16, стр. 40.
[3]) „Дамскій Журналъ“, 1829, ч. XXVI, № 14, стр. 9—10.

Но твоего Кавказа *Плѣнникъ*
Тебѣ ль не возвѣстилъ о томъ,
Кто Прометеевъ сталъ наслѣдникъ
Въ сокровищѣ небесъ святомъ —
Вливать и въ грудь и въ сердце пламень;
Кто тронетъ лирой сердце — камень,
Какъ трогалъ нѣкогда Орфей
Дотоль безчувственныхъ людей!...
Отечество мое! ты знаешь
Орфея нашего, и тамъ —
За Альборусами — внимаешь
Его плѣнительнымъ струнамъ!...
Но онъ твоихъ небесъ лучами,
Твоей весны, цвѣтущей ввѣкъ,
Твоихъ дѣвъ, славныхъ красотами;
Твоихъ морей, долинъ и рѣкъ,
Столь знаменитыхъ въ древнемъ мірѣ;
Твоихъ мужей, достойныхъ лирѣ
Геройство дѣлъ своихъ предать, —
Желаетъ зрѣньемъ насладиться:
Такъ утѣшительно мечтать
Тому, умѣетъ кто гордиться,
Что онъ твой сынъ, и сожалѣть,
Что не видалъ родного края:
Судьба хотѣла повелѣть,
Чтобъ дальняя страна чужая
Произвела меня на свѣтъ!
Итакъ, къ тебѣ летитъ поэтъ!
Прими же гостя съ лаской друга —
И, благодарный, въ часъ досуга
Твои брега онъ воспоетъ,
Тебя Эдемомъ назоветъ
Въ восторгѣ чувствъ, тифлисскимъ Фебомъ
Разнѣженныхъ въ его душѣ;
И подъ твоимъ лазурнымъ небомъ
Поэту будетъ въ шалашѣ

Пріятнѣе, чѣмъ въ гордыхъ храмахъ,
Холодныхъ пышностью своей,
И гдѣ приличій въ тѣсныхъ рамахъ
Сжатъ умъ умнѣйшихъ изъ людей!
Поэтъ! Не измѣни надеждѣ,
Родившейся въ груди моей!
Ты былъ любезенъ мнѣ и прежде,
Но будешь болѣе стократъ,
Когда *Иверію* на лирѣ
Прославишь, и въ *войнѣ* и въ *мирѣ:*
Я буду твой по сердцу братъ!

Кн. П. И. Шаликовъ.

Къ А. С. Пушкину [1]).

(Въ день рожденія.)

Когда рождался ты, хоръ въ олимпійскомъ мірѣ
Средь небожителей пророчески воспѣлъ:
Младенца славный ждетъ удѣлъ —
Плѣнять сердца игрой на лирѣ!

N. N. [1]).

Отъ классиковъ — къ Пушкину.

Романтики кричатъ: вамъ даръ небесный данъ!
Но вы небесный даръ во зло употребили:
Гречанку, Ленскаго сгубили;
Ввели насъ въ общество *Разбойниковъ, Цыганъ;*
Взмутили кровію *Фонтанъ;*
Черкешенку въ волнахъ какъ будто утопили...
— Нѣтъ! Мы не любимъ такъ писать, —
Мы, *классики,* своихъ героевъ не морили:
Но жаль — не любятъ насъ читать...

---

[1]) „Дамскій Журналъ“, 1829, часть XXVIII, № 41, стр. 27.
[1]) „Бабочка“, дневникъ новостей, 1829, № 24, стр. 94.

Обезьянинъ (Н. Полевой?)[1].

Эпиграмма.

(На голосъ: *Мое собраніе насѣкомыхъ.*)

На нивѣ бѣдной и безплодной
Россійской прозы и стиховъ
Я, сынъ поэзіи холодной,
Вамъ набралъ травокъ и цвѣтовъ;
Въ тиски хохочущей сатиры
Я ихъ когтями положилъ
И рѣзкимъ звукомъ смѣлой лиры
Ихъ описалъ и изсушилъ.
Вотъ *Чайльдъ-Гарольдія* смѣшная;
Вотъ *Донъ-Жуанія* моя;
Вотъ *Дидеротія* блажная;
Вотъ *русской бѣлены* семья;
Пирей Ливоніи удалой,
И *финскій* нашъ *чертополохъ,*
И макъ *Германіи* завялой,
И *древнихъ эллиновъ горохъ.*
Все, все рядкомъ въ моихъ листочкахъ
Разложено, положено,
И эпиграммы въ легкихъ строчкахъ
На смѣхъ другихъ обречено!

В. Л. Пушкинъ[2]).

А. С. Пушкину.

Племянникъ и поэтъ! Позволь, чтобъ дядя твой
На старости въ стихахъ поговорилъ съ тобой.
Хоть модный романтизмъ подчасъ я осуждаю,
Но истинный талантъ люблю и уважаю.

---

[1]) „Московскій Телеграфъ“, 1830, ч. 32, стр. 135. Пародія на „Собраніе насѣкомыхъ“ Пушкина. Подпись — намекъ на его наружность.

[2]) Сочиненія, С.-Пб., 1893, стр. 115—116.

Посланіе твое къ вельможѣ есть примѣръ,
Что не забытъ тобой затѣйливый Вольтеръ.
Ты остроуміе и вкусъ его имѣешь
И нравиться во всемъ читателю умѣешь.
Пусть бѣсится, ворчитъ московскій Лабомель[1]):
Не оставляй свою прелестную свирѣль!
Пустыя критики достоинствъ не умалятъ;
Жуковскій, Дмитріевъ тебя и чтутъ и хвалятъ;
Крыловъ и Вяземскій въ числѣ твоихъ друзей;
Пиши и утѣшай ихъ музою своей,
Наказывай глупцовъ, не говоря ни слова,
Печатай имъ назло скорѣе Годунова.
Творенія твои для нихъ тяжелый бичъ;
Нибуромъ никогда не будетъ нашъ москвичъ[2]),
И авторъ повѣсти топорныя работы[3])
Не можетъ, кажется, проситься въ Вальтеръ-Скотты.
Довольно и того, что журналистъ сухой
Въ журналѣ чтитъ себя романтиковъ главой.
Но полно! Что тебѣ парнасскіе пигмеи,
Нелѣпая ихъ брань, придирки и затѣи!
Счастливцу некогда смѣяться даже имъ.
Благодаря судьбу, ты любишь и любимъ.
Вѣнчанный розами ты граціи рукою,
Вселенную забылъ, къ неи прилѣпясь душою.
Прелестный взоръ ея тебя животворитъ
И счастье прочное и радости сулитъ.
Блаженствуй, но въ часы свободы, вдохновенья
Бесѣдуй съ музами, пиши стихотворенья,
Словесность русскую, языкъ обогащай,
И вѣчно съ миртами ты лавры съединяй! 1830.

---

1) Каченовскій? Ла-Бомель извѣстенъ своей ожесточенной полемикой съ Вольтеромъ.

2) Каченовскій.

3) Булгаринъ?

И. А. Гульяновъ[1]).

Олимпа дѣвы встрепенулись!
Сердца ихъ съ горести сомкнулись —
И гулъ ихъ вопли повторилъ:
Пѣвецъ высокій, знаменитый
Взглянулъ на свѣтлыя ланиты —
И дѣвѣ сердце покорилъ!
Не будетъ больше вдохновеній!
Не будетъ умственныхъ пареній —
Прошли свободные часы:
Какъ отблескъ утреннихъ сіяній
Блеснула радость ожиданій
У ногъ возлюбленной красы!
Съ вершинъ, гдѣ цвѣлъ пѣвецъ волшебный,
Раздался долу гулъ плачевный, —
Рыдаютъ дѣвы-сироты:
Пѣвецъ, простясь съ волшебнымъ міромъ,
Склонилъ колѣно предъ кумиромъ —
Лелѣетъ новы суеты,
Лелѣетъ суеты сердечны.
Онѣ, какъ счастье, скоротечны —
Имъ дважды въ жизни не мелькнуть:
За ними вслѣдъ пусть онъ стремится
И вспять съ подругой обратится
На лонѣ дружбы отдохнуть.
Свершилось таинство природы!
Исчезли прелести свободы,
Погасъ измѣнный пылъ крови;
Подруга въ сердцѣ воцарится,
И новымъ свѣтомъ озарится
Пѣвецъ мечтаній и любви.

---

1) „Москвитянинъ", 1842, часть II, № 3, стр. 151—152. Отвѣтъ Пушкина: „Отвѣтъ Анониму" (1830): „О, кто бы ни былъ ты"...

Пѣвецъ, вѣнцами облеченный!
Вѣнецъ, изъ миртовъ сплетенный,
Прими изъ рукъ любимыхъ музъ:
Вѣнецъ сей вѣчность образуетъ,—
Преступныхъ небо наказуетъ;
Будь вѣрный стражъ священныхъ узъ.
Уймите духъ свой сокрушенный,
О музы! Другъ вашъ вожделѣнный
Небеснымъ пламенемъ горитъ:
Источникъ новыхъ откровеній
Залогомъ будетъ вдохновеній —
И снова геній воспаритъ. 1830.

Къ портрету Хлопушкина[1]).

I.

Младый пѣвецъ Фактыдурая!
Хвала тебѣ, Евгеній нашъ, хвала!
Ты, глупой скуки ядъ по каплѣ выпивая,
Неопытнымъ сердцамъ надѣлалъ много бъ зла...
Но, къ счастью, ты великъ... на малыя дѣла.

Орлино-Когтевъ.

II.

О, геній геніевъ! неслыханное чудо!
Стишки ты пишешь хоть куда,
Да только вотъ бѣда:
Ты чувствуешь и мыслишь очень худо!
Хвала тебѣ, Евгеній нашъ, хвала,
Великій человѣкъ на малыя дѣла!

Львино-Зубовъ.

---

[1]) „Вѣстникъ Европы“, 1830, I, стр. 73.

А. Башиловъ[1]).

Посланіе къ Крюкову.

. . . .

Теперь къ подножью Чатыръ-Дага,
Въ страну, гдѣ благотворный зной
Лелѣетъ лозы винограда
И тополь съ сребряной главой,
И плещетъ въ берегъ вѣковой
Салгира пѣнистая влага,—
Раскинувъ коврикъ-самолетъ,
Ты направляешь свой полетъ,
Огнемъ поэзіи согрѣтъ.
Стяжавъ безсмертія вѣнецъ,
Тамъ вѣку завѣщалъ сонеты
Мицкевичъ, пламенный пѣвецъ;
Тамъ по наслѣдью крымскихъ хановъ
Бродилъ и Пушкинъ, идолъ мой,
Глаголъ таинственный фонтановъ
Внимая творческой душой!
Онъ освятилъ строфою звучной
Дворцовъ таинственную сѣнь,
И съ думой сердца неразлучной
Предъ нимъ мелькала дѣвы тѣнь:
То дочь надзвѣзднаго эдема,
Марія, польская княжна,—
Иль сладострастная Зарема,
А, можетъ-быть, и не она!...

. . . .

---

1) „Радуга“, М., 1830, стр. 162—163.

Н. М. Языковъ.

На смерть няни А. С. Пушкина.

Я отыщу тотъ крестъ смиренный,
Подъ коимъ межъ чужихъ гробовъ
Твой прахъ улегся, изнуренный
Трудомъ и бременемъ годовъ.
Ты не умрешь въ воспоминаньяхъ
О свѣтлой юности моей,
И въ поучительныхъ преданьяхъ
Про жизнь поэтовъ нашихъ дней.
Тамъ, гдѣ на долъ съ горы отлогой
Разнообразно сходитъ боръ
Въ виду рѣки и двухъ озеръ
И нивъ съ извилистой дорогой, —
Гдѣ, древнимъ садомъ окруженъ,
Господскій домъ уединенный
Дряхлѣетъ, памятникъ почтенный
Елизаветиныхъ временъ[1]), —
Насъ, полныхъ юности и вольныхъ,
Тамъ было трое[2]): два пѣвца,
И онъ, краса ночей застольныхъ,
Кипѣвшій силами бойца,
Онъ, послѣ кинувшій забавы,
Себѣ избравшій ратный путь
И освятившій въ полѣ славы
Свою студенческую грудь.
Вонъ тамъ, обоями худыми
Гдѣ-гдѣ прикрытая стѣна,
Полъ нечиненный, два окна
И дверь стеклянная межъ ними;

---

[1]) С. Михайловское.
[2]) Пушкинъ, Языковъ и Вульфъ.

Диванъ подъ образомъ въ углу,
Да пара стульевъ; столъ украшенъ
Богатствомъ винъ и сельскихъ брашенъ,
И ты, пришедшая къ столу...
Мы пировали. Не дичилась
Ты нашей доли и порой
Къ своей веснѣ переносилась
Разгоряченною мечтой;
Любила слушать наши хоры,
Живые звуки чуждыхъ странъ,
Рѣчей напоры и отпоры,
И звонъ стакана о стаканъ.
Ужъ гаситъ ночь свои свѣтила,
Зарей алѣетъ небосклонъ;
Я помню, что-то намъ про сонъ
Давнымъ-давно ты говорила —
Напрасно! Взялъ свое Токай.
Шумнѣй удалая пирушка:
Садись-ка, добрая старушка,
И съ нами бражничать давай!
Ты разскажи намъ: въ дни былые,
Не правда ль, не на эту стать
Твои бояре молодые
Любили ночи коротать?
Не такъ бывало! Слава Богу,
Земля вертится. У людей
Все коловратно; понемногу
Все мудренѣй и мудренѣй,
И мы... Какъ дѣтство шаловлива,
Какъ наша молодость вольна,
Какъ полнолѣтіе умна,
И какъ вино краснорѣчива,
Со мной бесѣдовала ты,
Влекла мое воображенье...
И вотъ тебѣ поминовенье,
На гробъ твой свѣжіе цвѣты!

Я отыщу тотъ крестъ смиренный,
Подъ коимъ межъ чужихъ гробовъ
Твой прахъ улегся, изнуренный
Трудомъ и бременемъ годовъ.
Предъ нимъ печальной головою
Склонюся, много вспомню я —
И умиленною мечтою
Душа разнѣжится моя.

1830.

Д. Сиговъ[1]).

А. С. Пушкину.

Нашъ *Пушкинъ* молодецъ!
Для всѣхъ онъ образецъ:
Хоть пишетъ мало,
Но зато не вяло.

Баронъ А. А. Дельвигъ[2]).

Къ А. С. Пушкину.

Какъ? Житель гордыхъ Альпъ, надъ бурями парящій,
Кто кроетъ солнца ликъ развернутымъ крыломъ,
Услыша подъ скалой ехидны свистъ шипящій,
Раздвинулъ когти врозь и оставляетъ громъ?
Тебѣ ль, младой вѣщунъ, любимецъ Аполлона,
На лиру звучную потокомъ слезы лить,
Дрожать предъ завистью, и подъ косою Хрона
Склоняся, даръ небесъ въ безвѣстности укрыть?
Нѣтъ, Пушкинъ! Рокъ пѣвцовъ — безсмертье, не забвенье!
Пускай Арменіусъ, ученьемъ напыщенъ,
Въ архивахъ роется и пишетъ разсужденье,
Пусть въ академіяхъ почетный будетъ членъ, —

---

1) „Утренняя звѣзда“, М., 1831, стр. 95.
2) Сочиненія, С.-Пб., 1893, стр. 110—111.

Но вмѣстѣ съ нимъ умрутъ его творенья!
Ему ли быть твоихъ гонителемъ даровъ?
Брось на него ты взоръ — взоръ грознаго презрѣнья,
И въ малый сонмъ вступи божественныхъ пѣвцовъ.
И радостно тебѣ за Стиксомъ грянутъ лиры,
Когда отяготишь собою ты молву:
И я, простой пѣвецъ Либера и Темиры,
Предъ Фебомъ преклоня молящую главу,
Съ благоговѣніемъ ему возжгу куренье,
И воспою: „Хвала, кто съ нѣжною душой
Тобою посвященъ, о Фебъ, на пѣснопѣнье,
За геніемъ своимъ прямой идетъ стезей!
Что̀ зависть передъ нимъ, ползущая змѣею,
Когда съ богами онъ пируетъ въ небесахъ?
Съ гремящей лирою, съ любовью молодою
Онъ Хрона быстраго и не узритъ въ мечтахъ.
Но невзначай къ нему въ обитель постучится
Затѣйливый Эротъ младенческой рукой, —
Хоръ смѣховъ и харитъ въ пріютъ пѣвца слетится, —
И слава съ громкою трубой!“

С. П. Шевыревъ[1]).

Посланіе къ А. С. Пушкину.

Изъ гроба древности тебѣ привѣтъ!
Тебѣ сей гласъ, гласъ неокрѣплый, юный, —
Тебѣ звучатъ, нашъ камертонъ-поэтъ,
На ладъ твоихъ настроенныя струны.
Простишь меня великодушно въ томъ,
Когда твой слухъ взыскательный и нѣжный
Я оскорблю неслаженнымъ стихомъ
Иль риѳмою нестройной и мятежной.

---

[1]) „Денница“, М., 1831, стр. 107—114.

Но, можетъ-быть, порадуешь себя
Въ моемъ стихѣ своимъ же ты успѣхомъ, —
Что въ древній Римъ[1]) отозвалась твоя
Гармонія, хотя и слабымъ эхомъ.
Изъ Рима мой къ тебѣ несется стихъ,
Весь трепетный, но полный чувствомъ тайнымъ,
Пророчествомъ, невнятнымъ для другихъ,
Но для тебя не темнымъ, не случайнымъ.
Здѣсь, какъ въ гробу, грядущее виднѣй;
Здѣсь и слѣпецъ дерзаетъ быть пророкомъ;
Здѣсь мысль, полна преданія, смѣлѣй
Потьмы вѣковъ пронзаетъ орлимъ окомъ;
Здѣсь Дантовъ стихъ всю бездну исходилъ
Отъ дна земли до горняго эѳира;
Здѣсь Анжело, зря день послѣдній міра,
Пророчественной кистью гробы вскрылъ.
Здѣсь, расшатавшись отъ изнеможенья,
Въ развалины распался древній міръ,
И на обломкахъ начатъ новый пиръ,
Блистательный, во здравье просвѣщенья,
Куда, чредой, всѣ племена земли,
Избранники, сосуды принесли;
Куда и мы приходимъ, съ честью равной,
Послѣдніе, какъ древле Римъ пришелъ,
Да скажемъ нашъ рѣшительный глаголъ,
Да поднесемъ и свой сосудъ заздравный!
Здѣсь двухъ міровъ и гробъ и колыбель,
Здѣсь новаго святое зарожденье:
Предчувствіемъ объемлю я отсель
Великое отчизны назначенье!
Когда, крылатъ мечтою дивной сей,
Мой быстрый духъ родную Русь объемлетъ
И ей отсель прилежнымъ слухомъ внемлетъ,
Онъ слышитъ тамъ: со плесками морей,

[1]) Шевыревъ жилъ тогда въ Римѣ.

Внутри ея просторно заключенныхъ,
И съ воемъ рѣкъ, лѣсовъ благословенныхъ,
Гремитъ языкъ, созвучно вторя имъ,
Отъ бѣлыхъ льдовъ до водъ, біющихъ въ Крымъ,
Изъ свѣжихъ устъ могучаго народа,
Весь звуками богатый, какъ природа:
Душа кипитъ!...
Какой тогда хвалой гремлю я Богу,
Что сей языкъ онъ мнѣ вложилъ въ уста.
Но чьи изъ всѣхъ родимыхъ звуковъ мнѣ
Тѣснятся въ грудь неотразимой силой?
Все русское звучитъ въ ихъ глубинѣ,
Надежды всѣ и слава Руси милой,
Что̀ съ дѣтскихъ лѣтъ втвердилося въ слова,
Что̀ сердце жметъ и будитъ вздохъ заочный:
Твои — пѣвецъ, избранникъ Божества,
Любовію народа полномочный!
Ты — русскихъ думъ на всѣ лады органъ,
Помазанный Державинымъ предтечей,
Ты — колоколъ во славу россіянъ!
Кому жъ, пѣвецъ, какъ не тебѣ, открою
Вопросъ, въ умѣ раздавшійся моемъ
И тщетно въ немъ гремящій безъ покою:
Что̀ сдѣлалось съ россійскимъ языкомъ?
Что̀ онъ творитъ безумныя проказы?
Тебѣ странна, быть можетъ, рѣчь моя,
Но краткія его развёрнемъ фазы,
И ты поймешь, къ чему стремлюся я.
Сей богатырь, сей Муромецъ Илья,
Баюканный на льдахъ подъ вихремъ мразнымъ,
Во тьмѣ вѣковъ сидѣвшій сиднемъ празднымъ,
Сталъ на ноги умѣньемъ рыбаря[1])
И началъ пѣснь отъ Бога и царя.
Воскормленный средь сѣвернаго хлада

[1]) Ломоносовъ.

Родной зимы и льдистыхъ Альпъ пѣвцомъ[1]),
Окрѣпъ совсѣмъ и сталъ богатыремъ,
И съ нимъ гремѣлъ подъ бурю водопада.
Но, отгремѣвъ, онъ плавно рѣчь повелъ
И чистыми Карамзина устами
Намъ исповѣдь народную прочелъ, —
И рѣчь неслась широкими волнами:
Что далѣе — то глубже и свѣтлѣй.
Какъ въ зеркалѣ, вся Русь глядѣлась въ ней, —
И въ океанъ лишь только превратилась,
Какъ Нилъ въ пескахъ, внезапная сокрылась,
Сокровища съ собою унесла,
И тайнаго никто не смѣтилъ хода...
И что жъ теперь? Вдругъ лужею всплыла
Въ „Исторіи россійскаго народа“[2])!..
Межъ тѣмъ, когда изъ устъ Карамзина
Минувшее рѣкою очищенной
Текло въ народъ, священная война[3])
Звала языкъ на подвигъ современный.
Съ Жуковскимъ онъ, на отческихъ стѣнахъ
Развивъ съ Кремля воинственное знамя,
Вѣщалъ за Русь: пылали въ тѣхъ рѣчахъ
И духъ Москвы, и жертвенное пламя!
Со славой онъ родную славу пѣлъ,
И мира звукъ въ отвѣтъ мечу гремѣлъ.
Теперь кому жъ, коль не тебѣ, по праву
Грядущую вручитъ онъ славу?
Что жъ нынѣ сталъ нашъ мощный богатырь?
Онъ, гальскою діэтою замученъ[4]),
Весь испитой, сталъ блѣденъ, вялъ и скученъ,

---

[1]) Державинъ.

[2]) Н. Полевого, къ которому относился враждебно весь пушкинскій кружокъ.

[3]) Отечественная война.

[4]) Увлеченіе французскимъ классицизмомъ въ концѣ 20-хъ — началѣ 30-хъ годовъ (Катенинъ, М. Дмитріевъ и пр.).

И прихотливъ, какъ лакомый визирь,
Иль сибаритъ, на розахъ почивавшій,
Недужныя стенанья издававшій,
Когда подъ нимъ сминался лепестокъ.
Такъ нашъ языкъ: отъ слова ль праздный слогъ
Чуть отогнешь, небережно ли вынешь,
Тѣснѣе ль въ рѣчь мысль новую водвинешь, —
Ужъ боленъ онъ, не вынесетъ, кряхтитъ,
И мысль на немъ, какъ грузъ какой, лежитъ!
Лишь пѣсенки ему да брани милы;
Лишь только бъ умъ былъ тихо усыпленъ
Подъ риѳменный, отборный пустозвонъ.
Что̀, если бъ всталъ Державинъ изъ могилы,
Какую бъ онъ наслалъ ему грозу!
На то ли онъ его взлелѣялъ силы,
Чтобъ превратить въ лѣниваго мурзу?
Иль чтобъ ругалъ заѣзжій иностранецъ,
Какой-нибудь писатель-самозванецъ
Святую Русь россійскимъ языкомъ,
И насъ бранилъ, и нашимъ же перомъ?
Недужнаго иные врачевали,
Но тайнаго состава не узнали, —
Тянули изъ его разслабшихъ нѣдръ
Зазубренный спондеемъ гекзаме́тръ [1]),
Но онъ охрипъ...
                                        И кто жъ его оправитъ?
Кто отъ одра болящаго возставитъ?...
Тебѣ открытъ природный въ немъ составъ,
Тебѣ знако́мъ и звукъ его и нравъ.
Врачуй его: подъ хладнымъ русскимъ Фебомъ
Корми его почаще сытнымъ хлѣбомъ,
Отъ суетныхъ печалей отучи
И русскими въ немъ чувствами звучи,

---

[1]) Это не можетъ относиться ни къ гекзаметрамъ Жуковскаго, ни Гнѣдича, потому что они не зазубрены спондеями. *Авт.*

Да призови въ сотрудники поэта
На важныя иракловы дѣла,
Кого судьба, въ знакъ добраго привѣта,
По языку не даромъ назвала[1]):
Чтобъ богатырь стряхнулъ свой сонъ глубокій,
Далъ звукъ густой и сильный и широкій,
Чтобъ славою отчизны прогудѣлъ,
Какъ колоколъ, изъ мѣди литъ рифейской[2]), —
Чтобъ перешелъ за свой родной предѣлъ! 1830.

Кн. Шаликовъ (?).

Къ Пушкину-герою[3]) (Л. С.).

Поэзія и храбрость были
Всегда сестрами, и всегда
Другъ дружкѣ ревностно служили,
Не раздружались никогда,
И лишь для лавра вѣчно жили:
Такъ мудрено ли, что герой
Любимцу Феба братъ родной.

Б. Р. (М. А. Бестужевъ-Рюминъ?)[4]).

A Madame de NN., просившей меня прислать ей романъ А. С. Пушкина: Евгеній Онѣгинъ.

Хоть не съ охотою, но я,
Своей досады не тая,
Желанье Ваше исполняю,
И, вотъ, Онѣгина шесть главъ Вамъ доставляю.

---

1) Н. М. Языковъ.

2) Уральской.

3) „Сѣверный Меркурій“, 1830, № 112, стр. 136 изъ „Дамскаго Журнала“, 1830, № 35.

4) „Сѣверный Меркурій“, изд. М. Бестужевымъ-Рюминымъ, 1830, № 27, стр. 108.

Однакоже (прошу покорно извинить!)
Я долженъ Вамъ свою досаду объяснить:
Вѣдь Вы Онѣгина читали...
А Мавру Власьевну [1]) едва ли, —
И не хотите сдѣлать честь
Мнѣ, сочинителю, хоть разъ ее прочесть.
Межъ тѣмъ злой критикъ, самъ Булгаринъ
(Которому за то я очень благодаренъ),
Сказалъ въ своей „Пчелѣ", что для меня теперь
Не заперта Парнасса дверь, —
И что на немъ (вотъ такъ и прыгаетъ сердечко!)
Я долженъ получить укромное мѣстечко;
Что въ Маврѣ Власьевнѣ моей
Есть много остроты у пожилыхъ судей
(И Фрола Саввича онъ также хвалитъ съ ней!).
Вы мнѣ не вѣрите — не хвастаю, ей, ей...
Два нумера „Пчелы" возьмите сами.
Тамъ напечатано все этими словами:
Что Мавры Власьевны едва ли кто умнѣй,
Что Мавра Власьевна пребойкая старуха,
Что у нея языкъ свободенъ [2]), что у ней
Тьма сатирическаго духа, —
Стихи же... музыка для слуха!
Вы, не взирая на „Пчелу"
И на другихъ журналовъ похвалу,
Предпочитаете все Пушкина злодѣя!
Помилуйте! Да чѣмъ же онъ славнѣе?...
Мнѣ кажется, что я ничуть
Его не ниже на Парнассѣ:
Я также сла̀венъ чѣмъ-нибудь
И также состою поэтовъ въ первомъ классѣ.

---

[1]) *Бестужевъ-Рюминъ,* Мавра Власьевна Томская. Шуточная поэма въ стихахъ. С.-Пб. 1828.

[2]) Ужъ подлинно свободенъ: любитъ поговорить — Богъ съ ней.
Прим. корректора.

Твердитъ одно и то же цѣлый свѣтъ:
Все Пушкинъ, Александръ Сергѣичъ!
Помилуйте! Да чѣмъ же не поэтъ
Б(естуже)въ-Р(юми)нъ-то, М(ихайло) А(лексѣ)ичъ?..,
Я такъ же милъ въ стихахъ, какъ онъ:
Пою *Эраты нѣжный стонъ,*
И также, слѣдуя вліянью тяжкой моды,
Пишу гекзаметрами оды.
А что всего важнѣй — теперь моихъ сатиръ
Боится цѣлый міръ!
Чего жъ вамъ болѣе?... Однакожъ, какъ хотите,
А Мавру Власьевну съ вниманіемъ прочтите. 1830.

И Пушкинъ сталъ намъ скученъ[1]),
И Пушкинъ надоѣлъ:
И стихъ его не звученъ,
И геній охладѣлъ.
„Бориса Годунова“
Онъ выпустилъ въ народъ:
Убогая обнова —
Увы! — на новый годъ! 1831.

Безсмысловъ (Н. Полевой?)[2]).

Поэтъ.

(Посвящено Ѳ. Ѳ. Мотылькову.)

„Самовластительный губитель
Забавъ и доблестей своихъ,
То добрый геній, то мучитель,
Мертвецъ средь радостей земныхъ

---

[1]) Цитируетъ Бѣлинскій (соч., II, 1859, стр. 429), приписывая этотъ „плоскій пасквиль въ дурныхъ виршахъ“ какому-то „журналисту“. См. „Телескопъ“, 1831, I, 552; соч. Пушкина (литер. фонда), VII, 255—6.

[2]) „Московскій Телеграфъ“, 1832, VIII, 153—154. Пародія на „Чернь“ Пушкина. Въ концѣ гнусный намекъ на „Посланіе къ вельможѣ“ (Юсупову) Пушкина: „Въ передней у вельможи сѣлъ“...

И гость веселый на кладбищѣ, —
Поэтъ, скажи мнѣ: гдѣ жилище,
Гдѣ домъ твой, дивный чародѣй?
Небрежной лирою своей
Ты насъ то мучишь, то терзаешь,
То радуешь, то веселишь,
Къ ногамъ порока упадаешь,
Добро презрѣніемъ даришь;
То надъ неопытною дѣвой,
Какъ старый грѣшникъ, шутишь ты
И тратишь дикія мечты
. . . .
Скажи: зачѣмъ твои сомнѣнья,
Твои безумныя волненья,
Зачѣмъ въ тебѣ порокъ и зло
Блестящимъ даромъ облекло
Судьбы счастливой заблужденье?
Зачѣмъ къ тебѣ, суетъ дитя,
Вползли, вгнѣздилися пороки:
Лжи, лести, низости уроки
Ты проповѣдуешь шутя?
Съ твоимъ божественнымъ искусствомъ
Зачѣмъ, презрѣнной славы льстецъ,
Зачѣмъ предательскимъ ты чувствомъ
Мрачишь лавровый свой вѣнецъ?“
Такъ говорила чернь слѣпая,
Поэту дивному внимая.
Онъ горделиво посмотрѣлъ
На вопль и клики черни дикой,
Не дорожа ея уликой,
Какъ юный бодрственный орелъ,
Ударилъ въ струны золотыя,
Съ земли далеко улетѣлъ,
Въ передней у вельможи сѣлъ,
И пѣсни дивныя, живыя
Въ восторгѣ радости запѣлъ.

А. Фуксъ[1]).

На проѣздъ А. С. Пушкина чрезъ Казань.

Все покоилось въ природѣ,
И мой домъ спалъ крѣпкимъ сномъ;
Солнце красно на восходѣ
Насъ поздравило со днемъ.
Не успѣла я дремоту
Отрясти съ моихъ очей,
Не успѣла дать отчету
Я ни въ чемъ душѣ моей;
Тьмы пріятныхъ сновидѣній
Наяву мечтались мнѣ —
Вотъ какой-то чудный геній
Вдругъ явился въ тишинѣ
И сказалъ такъ торопливо,
Подаря меня вѣнкомъ:
„Какъ должна ты быть счастлива!
Кто же посѣтилъ твой домъ?
Тотъ поэтъ, чье посѣщенье
Праздникъ славный и у насъ.
Мы въ тотъ день всѣ въ восхищеньи,
И ликуетъ весь Парнассъ.
Съ поздравительнымъ привѣтомъ
Отъ боговъ къ тебѣ лечу
И таинственнымъ ихъ свѣтомъ
Озарить тебя хочу!“
„Мы теперь съ тобой не чужды“,
Говорилъ мнѣ геній мой:
„Въ знакъ моей вѣрнѣйшей дружбы
Вотъ подарокъ дорогой.

---

1) „Заволжскій Муравей“, 1834, I, стр. 15—18. Стихотворенія Александры Фуксъ. Казань 1834. Стр. 175—179.

Но я вижу, ты въ мечтаньи",
Давъ мнѣ лиру, онъ сказалъ:
„Ты смотри, въ очарованьи
Не запой ему похвалъ;
Ты не смѣешь и не должно,
Навсегда тебѣ совѣтъ:
То не пой, что невозможно, —
Онъ небесный нашъ поэтъ".
Въ честь его на Геликонѣ
Аполлонъ намъ пиръ давалъ;
Позабывъ вчера о тронѣ,
Самъ гостей онъ угощалъ;
Къ нашимъ геніямъ россійскимъ
Всѣхъ внимательнѣе былъ,
Какъ любимцамъ, сердцу близкимъ,
Самъ бокалы разносилъ.
А къ казанскимъ обращаясь
Взоромъ ласковымъ своимъ,
Поздравлялъ ихъ, улыбаясь,
Съ рѣдкимъ гостемъ, дорогимъ.
Чувствомъ дружбы и любови
Праздникъ всѣхъ очаровалъ;
Даже Марсъ, нахмуря брови,
Мнѣ по-дружески сказалъ:
„Право, такъ мои герои
Не пируютъ у боговъ,
По сожженьи самой Трои
Я не зналъ такихъ пировъ!
Видно, нѣтъ у васъ тревоги,
Не ведете вы войну?"
—„Есть она, но наши боги
Любятъ миръ и тишину".
За отвѣтъ мнѣ въ награжденье
Богъ Парнасса бросилъ взоръ;
Послѣ отдалъ повелѣнье
Въ честь его пѣть громкій хоръ;

Что тамъ было, все запѣло,
Гимны разнеслись въ горахъ;
Имя Пушкина гремѣло
Въ ихъ небесныхъ голосахъ.

Н. И. Гнѣдичъ.

А. С. Пушкину по прочтеніи сказки его о царѣ Салтанѣ и пр.

Пушкинъ, Протей
Гибкимъ твоимъ языкомъ и волшебствомъ твоихъ пѣснопѣній!
Уши закрой отъ похвалъ и сравненій
Добрыхъ друзей:
Пой, какъ поешь ты, родной соловей!
Байрона геній, иль Гёте, Шекспира —
Геній ихъ неба, ихъ нравовъ, ихъ странъ:
Ты же, постигнувшій таинство русскаго духа и міра,
Пой намъ по-своему, русскій Баянъ!
Небомъ роднымъ вдохновенный,
Вѣдь на Руси ты пѣвецъ *несравненный!* 1831(?).

С. Н. Глинка[1]).

Страннаго свѣта ты живописецъ;
Кистью рисуешь призракъ людей!...
Что твой *Онѣгинъ?* Онъ лѣтописецъ
Модныхъ безцвѣтныхъ, безжизненныхъ дней.
До 1837 г.

---

[1]) „Очеркъ жизни и избранныя сочиненія А. П. Сумарокова“, С.-Пб., 1841, 143: „Я чрезвычайно люблю и уважаю геній А. С. Пушкина, но *Онѣгинъ* — не представитель народнаго русскаго духа. При жизни еще нашего поэта я напечаталъ и самъ читалъ ему“... Намъ не удалось разыскать, гдѣ были напечатаны эти стихи.

В. К. Кюхельбекеръ[1]).

Посвященіе поэмы „Сирота“[2]) А. С. Пушкину.

Туда, въ обитель наслажденья,
Подъ кровъ, гдѣ ты — не рабъ суетъ —
Любовь и миръ и наслажденья
Изъ жизни черпаешь, поэтъ, —
Туда несется мой привѣтъ!
Тамъ ты на якорѣ — и бури
Ужъ не мрачатъ твоей лазури.
За друга и мои мольбы
Горѣ парили къ Пресвятому,
И внялъ Отецъ и Царь судьбы:
Будь слава Промыслу благому!
Изъ грозной, тягостной борьбы
Съ вѣнкомъ ты вышелъ. Что и грому
Гремѣть отнынѣ? Былъ свирѣпъ;
Но ты подъ ревъ его окрѣпъ.
Тотъ, на кого я уповаю,
Меня услышитъ! Данъ ты въ честь,
Въ утѣху данъ родному краю;
Въ подругѣ ангела обрѣсть
Умѣлъ ты — и, подобно раю,
Отнынѣ днямъ поэта цвѣсть.
Расторгъ ты козни вѣроломства...
Итакъ — впередъ, и въ слухъ потомства
Пролейся въ пѣсняхъ вѣковыхъ!
Талантъ, любимцу небомъ данный,
Въ унылой ночи нѣдръ земныхъ
Да не сокроется! Избра́нный!
Примѣръ и вождь пѣвцовъ младыхъ!
Въ эѳиръ свободный и просторный

[1]) Избранныя стихотворенія, Шо-де-фонъ, 1880, стр. 92—94.
[2]) Не была напечатана.

Полетъ тебѣ ли не знакомъ?
Впередъ же, доблестнымъ орломъ!
А я, надеждою одною
На мощь и силу друга смѣлъ,
Страшусь стремиться за тобою —
Не свѣтлый выпалъ мнѣ удѣлъ...
Но, братъ, и я хранимъ судьбою:
Вотще я трепеталъ и млѣлъ —
Цѣлебна чаша испытанья,
Восторга не зальютъ страданья!
Еще не вовсе я погасъ,
Не вовсе пѣсни мнѣ постыли,
И арфу я беру подчасъ,
Изъ гроба вызываю были,
И тѣло имъ даетъ мнѣ гласъ;
Мечты меня не позабыли:
Не пламень, не огонь мой даръ, —
Онъ подъ золою тихій жаръ.
Что нужды? Жаръ тотъ благодатенъ:
Я имъ питаемъ и живимъ!
И дружбѣ будетъ же пріятенъ
Смиренный свѣтъ, рожденный имъ.
Пусть будетъ голосъ мой невнятенъ
Сердцамъ, съ рожденія глухимъ, —
Не посвящаю пѣсни свѣту,
Но сердцу друга, но поэту!...

В. К. Кюхельбекеръ[1]).

19 октября 1836 года.

Шумитъ потокъ временъ. Ихъ темный валъ
Вновь выплеснулъ на берегъ жизни нашей
Священный день, который полной чашей
Въ кругу друзей и я торжествовалъ. —

[1]) Избранныя стихотворенія. Шо-де-фонъ. 1880. Стр. 43—45.

Давно. Европы страхъ — сѣдой Уралъ,
И Енисей, и степи, и Байкалъ
Теперь межъ нами. На крылахъ печали
Любовью къ вамъ несусь изъ темной дали.
Поминки нашей юности — и я
Ихъ праздновать хочу. Воспоминанья!
Въ лучахъ дрожащихъ тихаго мерцанья
Воскресните! Предстаньте мнѣ, друзья!
Пусть созерцаетъ васъ душа моя —
Всѣхъ васъ, Лицея нашего семья!
Я съ вами былъ когда-то счастливъ, молодъ —
Вы съ сердца свѣете туманъ и холодъ.
Чьи рѣзче всѣхъ рисуются черты
Предъ взорами моими? Какъ перуны
Сибирскихъ грозъ, его златыя струны,
Рокочутъ... Пушкинъ, Пушкинъ! *Это ты!*
Твой образъ — свѣтъ мнѣ въ морѣ темноты.
Твои живыя, вѣщія мечты
Меня не забывали въ ту годину,
Какъ пилъ и ты, уединенъ, кручину.
Тогда и ты, какъ нѣкогда Назонъ,
Къ родному граду простиралъ объятья,
И надъ Невой затрепетали братья,
Услышавъ гармоническій твой стонъ.
Съ сѣдого Пейпуса, волшебный, онъ
Раздался, прилетѣлъ и прервалъ сонъ,
Дремоту нашихъ мелкихъ попеченій —
И погрузилъ насъ въ волны вдохновеній.
О, братъ мой! Много съ той поры прошло,
Твой день прояснѣлъ, мой покрылся тьмою;
Я сталъ знакомъ съ Торкватовой судьбою.
И что жъ? Опять передо мной свѣтло:
Какъ сонъ тяжелый, горе протекло;
Мое свѣтило изъ-за тучъ чело
Вновь подняло — гляжу въ лицо природы:
Мнѣ отданы долины, горы, воды.

О, другъ! Хотя мой волосъ посѣдѣлъ,
Но сердце бьется молодо и смѣло.
Во мнѣ душа переживаетъ тѣло,
Еще мнѣ Божій міръ не надоѣлъ.
Что̀ ждетъ меня? Обманы нашъ удѣлъ,
Но въ эту грудь вонзилось много стрѣлъ;
Терпѣлъ я много, обливался кровью —
Что, если въ осень дней столкнусь съ любовью?

ОТДѢЛЪ II.

1837 г.

М. Ю. Лермонтовъ.

На смерть Пушкина.

Отмщенье, государь! отмщенье!
Паду къ ногамъ твоимъ:
Будь справедливъ и накажи убійцу,
Чтобъ казнь его въ позднѣйшіе вѣка
Твой правый судъ потомству возвѣстила,
Чтобъ видѣли злодѣи въ ней примѣръ.
(Изъ трагедіи.)

Погибъ поэтъ — невольникъ чести,
Палъ, оклеветанный молвой,
Съ свинцомъ въ груди и съ жаждой мести,
Поникнувъ гордой головой.
Не вынесла душа поэта
Позора мелочныхъ обидъ;
Возсталъ онъ противъ мнѣній свѣта
Одинъ, какъ прежде, — и убитъ!
Убитъ!... Къ чему теперь рыданья,
Пустыхъ похвалъ ненужный хоръ
И жалкій лепетъ оправданья?
Судьбы свершился приговоръ...
Не вы ль сперва такъ долго гнали
Его свободный, чудный даръ,
И для потѣхи возбуждали
Чуть затаившійся пожаръ?...

Что жъ? Веселитесь!... Онъ мученій
Послѣднихъ перенесть не могъ,
Угасъ, какъ свѣточъ, дивный геній,
Увялъ торжественный вѣнокъ.
Его убійца хладнокровно
Навелъ ударъ... Спасенья нѣтъ!
Пустое сердце бьется ровно, —
Въ рукѣ не дрогнетъ пистолетъ...
И что̀ за диво? Издалека,
Подобно сотнямъ бѣглецовъ,
На ловлю счастья и чиновъ
Заброшенъ къ намъ по волѣ рока,
Смѣясь, онъ дерзко презиралъ
Земли чужой законъ и нравы:
Не могъ щадить онъ нашей славы,
Не могъ понять въ сей мигъ кровавый,
На что̀ онъ руку подымалъ!

И онъ погибъ и взятъ могилой,
Какъ тотъ пѣвецъ, невѣдомый, но милый,
Добыча ревности нѣмой,
Воспѣтый имъ съ такою чудной силой,
Сраженный, какъ и онъ, безжалостной рукой.
Зачѣмъ отъ мирныхъ нѣгъ и дружбы простодушной
Вступилъ онъ въ этотъ свѣтъ, завистливый и душный
Для сердца вольнаго и пламенныхъ страстей?
Зачѣмъ онъ руку далъ клеветникамъ безбожнымъ?
Зачѣмъ повѣрилъ онъ словамъ и ласкамъ ложнымъ —
Онъ, съ юныхъ лѣтъ постигнувшій людей!...
И, прежній снявъ вѣнокъ, другой вѣнокъ, терновый,
Увитый лаврами, надѣли на его;
Но иглы тайныя сурово
Язвили славное чело...
Отравлены его послѣднія мгновенья
Коварнымъ шопотомъ безчувственныхъ невѣждъ,

И умеръ онъ съ глубокой жаждой мщенья,
Съ досадой тайною обманутыхъ надеждъ...
Замолкли звуки дивныхъ пѣсенъ,
Не раздаваться имъ опять;
Пріютъ пѣвца угрюмъ и тѣсенъ,
И на устахъ его печать.

А вы, надменные потомки
Извѣстной подлостью прославленныхъ отцовъ,
Пятою рабскою поправшіе обломки
Игрою счастія обиженныхъ родовъ! —
Вы, жадною толпой стоящіе у трона,
Свободы, генія и славы палачи,
Таитесь вы подъ сѣнію закона,
Предъ вами судъ и правда — все молчи!...
Но есть, есть Божій судъ, наперсники разврата,
Есть грозный судъ: онъ ждетъ,
Онъ недоступенъ звону злата,
И мысли и дѣла онъ знаетъ напередъ.
Тогда напрасно вы прибѣгнете къ злословью,
Оно вамъ не поможетъ вновь,
И вы не смоете всей вашей черной кровью
Поэта праведную кровь!

1837.

А. В. Кольцовъ.

Лѣсъ.

(Памяти А. С. Пушкина.)

Что, дремучій лѣсъ,
Призадумался?
Грустью темною
Затуманился?
Что Бова — силачъ
Заколдованный,
Съ непокрытою
Головой въ бою,
Ты стоишь — поникъ,
И не ратуешь
Съ мимолетною
Тучей-бурею?

Густолиственный
Твой зеленый шлемъ
Буйный вихрь сорвалъ
И развѣялъ въ прахъ;
Плащъ упалъ къ ногамъ
И разсыпался...
Ты стоишь — поникъ,
И не ратуешь.
Гдѣ жъ дѣвалася
Рѣчь высокая,
Сила гордая,
Доблесть царская?
У тебя ль, было,
Въ ночь безмолвную,
Заливная пѣснь
Соловьиная...
У тебя ль, было,
Дни — роскошество:
Другъ и недругъ твой
Прохлаждаются...
У тебя ль, было,
Поздно вечеромъ
Грозно съ бурею
Разговоръ пойдетъ;
Распахнетъ она
Тучу черную,
Обойметъ тебя
Вѣтромъ-холодомъ...
И ты молвишь ей
Шумнымъ голосомъ:
„Вороти назадъ!
Держи около!“
Закружитъ она,
Разыграется...
Дрогнетъ грудь твоя,
Зашатаешься;
Встрепенувшися,
Разбушуешься:
Только свистъ кругомъ,
Голоса и гулъ...
Буря всплачется
Лѣшимъ, вѣдьмою, —
И несетъ свои
Тучи зà море.
Гдѣ жъ теперь твоя
Мочь зеленая?
Почернѣлъ ты весь,
Затуманился...
Одичалъ, замолкъ...
Только, въ непогодь,
Воешь жалобу
На безвременье...
Такъ-то, темный лѣсъ,
Богатырь-Бова!
Ты всю жизнь свою
Маялъ битвами;
Не осилили
Тебя сильные,
Такъ дорѣзала
Осень черная.
Знать, во время сна,
Къ безоружному
Силы вражія
Понахлынули;
Съ богатырскихъ плечъ
Сняли голову —
Не большой горой,
А соломенкой... 1837.

А. И. Полежаевъ.

Вѣнокъ на гробъ Пушкина.

I.

Давно ль тебя, Россія, изъ нѣдръ пустыни полудикой
Возвелъ для бытія и славы Петръ Великій,
Какъ дѣву робкую, на тронъ?
Давно ли озарилъ лучами просвѣщенья
Съ улыбкою отца, любви и одобренья
Твой полуночный небосклонъ?
Подъ знаменемъ наукъ, подъ знаменемъ свободы
Онъ новые создалъ великіе народы,
Ихъ въ ризы новыя облекъ,
И ярко засіялъ надъ царскими орлами,
Вѣнчанными всегда побѣдными громами,
Младой поэзіи вѣнокъ...
Услыша зовъ Петра, торжественный и громкій,
Возникли: старина, грядущіе потомки,
И Кантемиръ, и Ѳеофанъ, —
И, наконецъ, во дни величія и мира,
Взгремѣла и твоя торжественная лира,
Нашъ холмогорскій великанъ!
И что за лира: жизнь! Ея златыя струны
Воспоминали вдругъ и битвы, и перуны
Стократъ великаго царя,
И кроткія твои дѣла, Елисавета!
И пѣли все онѣ въ услышаніе свѣта.
Подъ смѣлой дланью рыбаря
Открылась для ума невѣдомая сфера;
Любовь во все прекраснос зажглась,
И счастія заря, роскошно и привѣтно,
До скалъ и до степей Сибири многоцвѣтной
Отъ водъ Балтійскихъ разлилась!

Посѣяли тогда изящныя искусства,
Въ груди богатырей, возвышенныя чувства;
Окрѣпъ полміра властелинъ,
И обрекли его, въ воинственной державѣ,
Безсмертію вѣковъ, незакатимой славѣ —
Петровъ, Державенъ, Карамзинъ!

II.

Потомъ, когда неодолимый
Сынъ революцій — Бонапартъ
Вознесъ рукой непобѣдимой
Трехцвѣтный Франціи штандартъ;
Когда подъ сѣнь его эгиды
Склонились робко пирамиды
И дома куполъ золотой;
Когда смущенная Европа
Въ волнахъ кроваваго потопа
Страдала подъ его пятой;
Когда отважный, внѣ законовъ,
Какъ повелительное зло,
Онъ діадемою Бурбоновъ
Украсилъ дерзкое чело;
Когда, летая надъ землею,
Его орлы, какъ будто мглою,
Мрачили день и небеса;
Когда воинственные хоры
И гимны звучные пѣвцовъ
Ему читали приговоры
И одобренія вѣковъ,
И въ этомъ гулѣ осужденій,
Хулы, вражды, благословеній
Гремѣлъ, гремѣлъ, какъ дикій стонъ,
Неукротимый и избранный,
Подъ небомъ Англіи туманной,
Твой дивный голосъ, о Байронъ, —

Тогда, тогда въ садахъ Лицея,
Какъ юный русскій соловей,
Весенней жизнью пламенѣя,
Расцвѣлъ нашъ дивный корифей!
И гармоническіе звуки
Его младенческія руки
Умѣли рано исторгать.
Шутя перомъ, играя съ лирой,
Онъ Оссіановой порфирой
Хотѣлъ, казалось, обладать!
Онъ росъ, какъ пальма молодая
На Іорданскихъ берегахъ,
Главу высокую скрывая
Въ ему знакомыхъ облакахъ!
И, другъ волшебныхъ сновидѣній,
Онъ понялъ тайну вдохновеній,
Возсталъ, какъ новая стихія,
Могучъ и славенъ, и великъ, —
И изумленная Россія
Узнала гордый свой языкъ!

III.

И сталъ онъ пѣть, и все вокругъ него внимало;
Изъ радужныхъ цвѣтовъ вручилъ онъ покрывало
Своей поэзіи нагой.
Невинна и смѣла, таинственная дѣва
Отважному ему позволила безъ гнѣва
Себя обвить его рукой,
И странствовала съ нимъ, какъ вѣрная подруга,
По лаковымъ *парке* блистательнаго круга
Князей, вельможъ;
Входила въ кабинетъ ученыхъ и артистовъ
И въ залы, гдѣ шумятъ собранія софистовъ,
Мѣняя истину на ложь!
Смягчала иногда, какъ геній лучезарный,

Гоненія судьбы, то славной, то коварной;
Была въ тоскѣ и на пирахъ,
И никогда, нигдѣ его не покидала,
Какъ милое дитя, задумчиво играла
Или волной его кудрей,
Иль блѣдное чело, объятое мечтами,
Любила украшать небрежными перстами
Вѣнкомъ изъ лавровъ и лилей!
И были времена: унылый и печальный,
Прощался иногда онъ съ музой геніальной,
Искалъ покоя, тишины.
Но и тогда, какъ духъ, приникнувъ къ изголовью.
Она съ небесною любовью
Дарила неземные сны!
Когда же, утомясь минутнымъ упоеньемъ,
Всегдашнимъ торжествомъ, высокимъ наслажденьемъ,
Всегда юна, всегда свѣтла,
Красавица земли, она смыкала очи —
То было на цвѣтахъ, — а ихъ во мракѣ ночи,
Для ней рука его рвала, —
И въ эти времена невидимая Кліо
Слетала къ своему любимцу горделиво
Со дивной повѣстью вѣковъ, —
И пѣлъ великій мужъ великія побѣды,
И громко вызывалъ, о праотцы и дѣды,
Онъ ваши тѣни изъ гробовъ!

IV.

Гдѣ же ты, поэтъ народный,
Величавый, благородный,
Какъ широкій океанъ,
И могучій и свободный,
Какъ суровый ураганъ?
Отчего же голосъ звучный,
Голосъ съ славой неразлучный,

Своенравный и живой,
Ужъ не царствуетъ надъ скучной,
Охладѣлою душой,
Не владѣетъ нашей думой,
То отрадной, то угрюмой,
По внушенью твоему?
Не всегда ли безотчетно,
Добровольно и охотно
Покорялись мы ему?..
О такъ, о такъ, пѣвецъ Людмилы и Руслана,
Единственный пѣвецъ волшебнаго Фонтана,
Земфиры, невскихъ береговъ,
Пѣвецъ любви, тоски, страданій неизбѣжныхъ,
Ты мчалъ насъ, уносилъ по лону водъ мятежныхъ
Твоихъ плѣнительныхъ стиховъ!
И долго, превратясь въ безмолвное вниманье,
Прислушивались мы, когда ихъ рокотанье
Умолкнетъ съ отзывомъ громовъ!
Мы слушали, томясь пріятнымъ ожиданьемъ —
И вдругъ поражены невольнымъ содроганьемъ...
Высоко надъ главой поэзіи печальной
Вознесся не вѣнокъ, но факелъ погребальный,—
И Пушкинъ — трупъ, и Пушкинъ — прахъ!
Онъ прахъ! Довольно! Прахъ — и прахъ непробудимый!
Угасъ и навсегда, мильонами любимый,
Державы сѣверной Баянъ!
Онъ новыя пріялъ нетлѣнныя одежды
И къ небу воспарилъ, подъ радугой надежды,
Разсѣя вѣчности туманъ!...

V.

Совершилось! Дивный геній!...
Совершилось! Славный мужъ
Незабвенныхъ пѣснопѣній
Отлетѣлъ въ страну видѣній,

Съ лона жизни въ царство душъ!
Пиръ унылый и послѣдній
Онъ окончилъ на землѣ;
Но, безчувственный и блѣдный,
Носитъ онъ вѣнокъ побѣдный
На возвышенномъ челѣ.
О взгляните, какъ свободно
Это гордое чело!
Какъ оно въ толпѣ народной
Величаво, благородно
Новой жизнью расцвѣло!
Если гибельнымъ размахомъ
Безпощадная коса
Незнакомаго со страхомъ
Уравнять умѣла съ прахомъ,
То узрѣлъ онъ небеса!
Тамъ подъ сѣнію Благого,
Милосерднаго Творца,
Безъ печальнаго покрова
Встрѣтятъ жителя земного,
Знаменитаго пѣвца!
И святое Провидѣнье
Слово мира изречетъ,
И небесное прощенье,
Какъ земли благословенье,
На главу его сойдетъ...
Тогда, какъ духъ безплотный, величавый,
Онъ будетъ жить безсумрачною славой,
Увидитъ яркій, свѣтлый день,
И пробѣжитъ неугасимымъ окомъ
Мильонъ міровъ, въ покоѣ ихъ глубокомъ,
Его торжественная тѣнь!
И окружитъ ее надъ облаками
Тѣней, давно прославленныхъ вѣками,
Необозримый легіонъ —
Петрарка, Тассъ, Шенье — добыча казни,

И руку ей, съ улыбкою пріязни,
Подастъ задумчивый Байронъ...
И, между тѣмъ, когда въ Россіи изумленной
Оплакали тебя и старый и младой
И совершили долгъ послѣдній и священный,
Предавъ тебя землѣ холодной и нѣмой,
И блѣдная, въ слезахъ, въ печали безотрадной,
Поэзія грустить, надъ урною твоей,—
Невѣдомый пѣвецъ, но смѣлый, славы жадный,
О, Пушкинъ, преклонилъ колѣно передъ ней!
Душистые вѣнки великіе поэты
Готовятъ для нея, второй Анакреонъ!
Но вѣрю я: и мой, въ волнахъ суровой Леты,
Съ рожденіемъ его, не будетъ поглощенъ;
На пеплѣ золотомъ угаснувшей кометы
Несмѣлою рукой онъ съ чувствомъ положенъ!...

VI.

Надъ лирою твоей, разбитою, но славной,
Зажглася и горитъ прекрасная звѣзда!
Она облечена щедротою державной
Великодушнаго царя!

1837.

Ѳ. И. Тютчевъ.

На кончину Пушкина.

Изъ чьей руки свинецъ смертельный
Поэту сердце растерзалъ?
Кто сей божественный фіалъ
Разрушилъ, какъ сосудъ скудельный?
Будь правъ или виновенъ онъ
Предъ нашей правдою земною,
Навѣкъ онъ высшею рукою
Въ *цареубійцы* заклейменъ.

А ты, въ безвременную тьму
Вдругъ поглощенная со свѣта,
Миръ, миръ тебѣ, о тѣнь поэта,
Миръ свѣтлый праху твоему!..
На зло людскому суесловью,
Великъ и святъ былъ жребій твой:
Ты былъ боговъ орга́нъ живой,
Но съ кровью въ жилахъ... знойной кровью,
И сею кровью благородной
Ты жажду крови утолилъ,
И осѣненный опочилъ
Хоругвью горести народной.
Вражду твою пусть Богъ разсудитъ,
Кто слышитъ пролитую кровь...
Тебя жъ, какъ первую любовь,
Россіи сердце не забудетъ!

1837.

С. Стромиловъ[1]).

Пушкинъ.

Въ садахъ царей, въ садахъ Лицея,
Безвѣстный юноша гулялъ;
Читалъ охотно Апулея[2])
И музамъ отдыхъ посвящалъ.
Потомъ, на волѣ, полный силы,
Рѣкою звуковъ хлынулъ въ свѣтъ —
И подружилъ его съ Людмилой,
Съ дѣлами прошлыхъ, давнихъ лѣтъ.
И цѣлый міръ пѣвца Фонтана
Внималъ божественнымъ стихамъ,
Когда онъ пѣлъ въ шатрѣ цыгана,
Бродилъ по снѣжнымъ высотамъ, —
Когда героя-великана
Слѣдилъ въ Полтавѣ по пятамъ.

---

[1]) „Московскій Наблюдатель“, 1837, іюль, I, 343.
[2]) Стихъ Пушкина изъ VIII главы „Е. Онѣгина“.

Н. Вуичъ[1]).

На смерть А. С. Пушкина.

Свершилось! Рокъ неумолимый
Намъ грянулъ тяжкою бѣдой!...
Полночной музы жрецъ любимый
Сраженъ безжалостной судьбой.
Въ разгарѣ свѣтлыхъ вдохновеній,
Исполненъ творчества и силъ,
На ранній гробъ нашъ милый геній
Чело цвѣтущее склонилъ.
Давно ль звѣздою лучезарной
На русской славы небосклонъ
Явился онъ, пришлецъ избранный,
Высокой долѣ обреченъ?
Давно ль на лирѣ сладкогласной,
Какъ ропотъ волжскія струи,
Онъ пѣлъ роскошно и прекрасно
Намъ пѣсни дивныя свои?
Давно ль?—И вотъ могильный камень
Въ печальномъ образѣ креста[2]):
Подъ нимъ угасъ небесный пламень
И смолкли вѣщія уста.
И нѣтъ пѣвца, — въ пыли могилы
Цѣвница сирая молчитъ;
Съ ея струны звукъ сердцу милый
Къ намъ болѣ въ грудь не залетитъ;
Но мы внимали дивнымъ звукамъ,
Мы ими нѣжили сердца,
Такъ сохранимъ же нашимъ внукамъ
Даръ незабвеннаго пѣвца!

---

[1]) „Галатея", 1839, часть 5, 44, стр. 559—560.
[2]) На могилѣ Пушкина, какъ извѣстно, стоитъ каменный крестъ. *Авт.*

Даръ свѣтлый, пѣсни вдохновенны,—
Поэтъ въ тѣхъ пѣсняхъ не умретъ;
За нихъ ему вѣнецъ нетлѣнный,
Вѣнецъ безсмертья дастъ народъ! 1837.

Э. И. Губеръ[1]).

На смерть Пушкина.

Я видѣлъ гробъ его печальный,
Я видѣлъ въ гробѣ блѣдный ликъ,
И въ тишинѣ, съ слезой прощальной,
Главой на трупъ его поникъ.
Но пусть надъ лирою безгласной
Порвется тщетная струна,
И не смутитъ тоской напрасной
Его торжественнаго сна.
Послѣдній звукъ съ нея сорвется,
Послѣдній звукъ струны моей,
Какъ вѣстникъ смерти, пронесется
И, можетъ-быть, въ сердцахъ людей,
На тайный вздохъ онъ отзовется;
И міръ испуганный вздрогнетъ,
И въ тихій часъ, залогомъ славы,
Въ нѣмой тоскѣ, на гробъ кровавый
Слезу печали принесетъ.
Но тѣсный гробъ, добычи жадный,
Не выдастъ мертваго пѣвца:
Онъ спитъ; ему въ могилѣ хладной
Не нужно бреннаго вѣнца.
Молчитъ цѣвницы звукъ привѣтный,
Уснула сладкая мечта,
И, какъ могила, безотвѣтны
Его холодныя уста.

---

1) Сочиненія, I, С.-Пб., 1859, стр. 201—203. „Москов. Вѣд.“, 1857 № 136.

Въ нѣмой тоскѣ, вдали отъ свѣта,
Въ своей незнаемой глуши,
Я приношу на гробъ поэта
Смиренный даръ моей души —
Простой листокъ въ вѣнкѣ лавровомъ.
Простая дань души простой
Не поразитъ могучимъ словомъ,
Не тронетъ сердца красотой.
Нѣтъ! Въ грустный часъ томящей муки
Мнѣ сладкихъ пѣсенъ не дано;
Мнѣ облекать въ живые звуки
Моей тоски не суждено!
Но надъ могилою кровавой
Я брошу блеклый мой листокъ,
Пока сплететъ на гробѣ славы
Другой пѣвецъ — другой вѣнокъ.
А ты!... Нѣтъ, дѣвственная лира
Тебя, стыдясь, не назоветъ,
Но кровь пѣвца въ скрижали міра
На судъ вѣковъ тебя внесетъ.
Влачись въ пустынѣ безотрадной
Съ клеймомъ проклятья на челѣ!
Твоимъ костямъ въ могилѣ хладной
Не будетъ мѣста на землѣ!
Не знай надежды свѣтозарной,
Чуждайся нѣги сладкихъ сновъ
И въ глубинѣ души коварной
Таи проклятія вѣковъ!
Когда же горькими слезами
Въ предсмертной мукѣ принята,
Молитва грѣшными словами
Сойдетъ на грѣшныя уста, —
Тогда проникнетъ къ ложу муки
Нѣмая тѣнь во тьмѣ ночной
И окровавленныя руки
Судомъ подниметъ надъ тобой! 1837.

Кн. П. А. Вяземскій.

На память.

Въ края далекіе, подъ небеса чужія,
Хотите вы съ собой на память перенесть
О ближнихъ, о странѣ родной живую вѣсть,
Чтобъ стихъ мой сердцу могъ, въ минуты неземныя,
Какъ вѣрный часовой, откликнуться: Россія!
Когда бѣда придетъ, иль просто какъ-нибудь
Тоской по родинѣ заноетъ ваша грудь,
Не ждите отъ меня вы радостнаго слова:
Подъ свѣжимъ трауромъ печальнаго покрова,
Сложивъ съ главы своей вѣнокъ блестящихъ розъ,
Отъ рѣчи радостной, отъ пѣсни вдохновенной
Отвыкла муза: ей надъ урной драгоцѣнной
Отнынѣ суждено быть музой вѣчныхъ слезъ.
Одною думою, однимъ событьемъ полный,
Когда на чуждый брегъ васъ переносятъ волны,
И звуки родины должны въ послѣдній разъ
Печально врѣзаться и отозваться въ васъ,
На память и въ завѣтъ о прошломъ въ мірѣ новомъ,
Я васъ напутствую единымъ скорбнымъ словомъ, —
Затѣмъ, что скорбь моя превыше силъ моихъ,
И, вѣрный памятникъ сердечныхъ слезъ и стона,
Вамъ затвердитъ одно рыдающій мой стихъ:
Что яркая звѣзда съ родного небосклона
Внезапно сорвана средь бури роковой, —
Что пѣсни лучшія поэзіи родной
Внезапно замерли на лирѣ онѣмѣлой, —
Что палъ во всей порѣ красы и славы зрѣлой
Нашъ лавръ, нашъ вѣщій лавръ, услада нашихъ дней,
Который трепетомъ и сладкозвучнымъ шумомъ
Отъ сна воспрянувшихъ пророческихъ вѣтвей
Вѣщалъ глаголъ боговъ на сѣверѣ угрюмомъ, —
Что навсегда умолкъ любимый нашъ поэтъ,
Что скорбь постигла насъ, что Пушкина ужъ нѣтъ! 1837.

Д. Сушковъ[1]).

29 января 1837.

Видали ль вы, какъ окруженъ горами,
Воспрянувъ царственной главой,
Стоитъ Эльборусъ вѣковой,
Одѣтъ ледяною корой,
Покрытый вѣчными снѣгами?
Онъ на обломки дикихъ скалъ,
Надменный, съ гордостью взираетъ
И, какъ алмазъ, блеститъ, сверкаетъ
Его столь радужный кристаллъ;
Онъ Феба освѣщенъ лучами,
Его онъ пурпуромъ облитъ;
Чело увѣнчано громами,
Оледенѣлъ его гранитъ,
Великъ, могучъ! — Гигантъ державный
Стоитъ туманнымъ божествомъ;
Гроза иль тишь — онъ тотъ же славный,
Онъ превышаетъ всѣхъ челомъ!
Такъ и поэтъ! Передъ толпою
Онъ горделивъ и одинокъ,
Въ мечтахъ поникнувъ головою,
Какъ увядающій цвѣтокъ.
Вокругъ него народъ толпится,
Ему безсмысленно дивится;
То рукоплещетъ, то молчитъ,
То вдругъ, неистовый, свиститъ.
А онъ поетъ, — поетъ прекрасно,
И пѣсни звучныя его
Текутъ и стройно и согласно,
Полны сочувствій для него.

---

1) Стихотворенія. Первая книжка. С.-Пб., 1838, стр. 39—42.

Любовь, отчизна, вѣрность, слава —
Все отголосокъ въ немъ найдетъ, —
И на устахъ дрожитъ октава,
И, вдохновенный, онъ поетъ.
„О чемъ бренчитъ, чему насъ учитъ?“
Твердитъ толпа въ душѣ своей:
„Зачѣмъ сердца волнуетъ, мучитъ,
Какъ своенравный чародѣй?“
А онъ поетъ, и пѣсни льются,
Журчатъ, бѣгутъ, какъ бы потокъ,
И вдохновенія несутся,
Какъ легкій по морю челнокъ;
А онъ поетъ, и свѣтъ внимаетъ
Его напѣвамъ и страстямъ,
За нимъ въ міръ горній улетаетъ,
Какъ конь на волѣ, по степямъ;
А онъ поетъ — но вдругъ, прерванный,
Навѣки смолкнулъ дивный гласъ,
Пѣвецъ лежитъ ужъ бездыханный,
Пѣвца другого нѣтъ у насъ!
Скажи же ты, пѣвецъ погибшій,
Скажи, возвышенный пѣвецъ,
Кому ты передалъ вѣнецъ,
На головѣ твоей почившій?
Кто, кто наслѣдникъ нынѣ твой?
Кому державною рукой
Вручилъ ты скипетръ чудной власти —
Воспламенять живыя страсти?
Кому предъ смертью завѣщалъ
Чудесный даръ ты пѣснопѣнья,
И неземныя вдохновенья,
И поэтическій фіалъ?
Кто нынѣ избранный тобою?
Кому дивиться долженъ свѣтъ?
Предъ кѣмъ склониться головою?
Но тихо все! Отвѣта нѣтъ!...

А. Н. Креницынъ[1]).

Нѣтъ! Не до пѣсенъ мнѣ, сестра,
Когда поэтъ, кумиръ народный,
Еще подъ лаврами *вчера,* —
Увы! — *сегодня* трупъ холодный!
Могу ль я слезы удержать,
Пѣвца Полтавы вспоминая?
И какъ не плакать, не рыдать,
Когда рыдаетъ Русь святая?
О, сколько сладостныхъ надеждъ
И думъ завѣтныхъ, и видѣній,
На радость сильныхъ и невѣждъ,
Ты въ гробъ унесъ, могучій геній!
Во мракѣ ссылки былъ онъ твердъ,
На ложѣ счастья — благороденъ,
Съ временщикомъ и смѣлъ, и гордъ,
. . . .
Такъ, Пушкинъ! именемъ твоимъ
Гордиться русскій вѣчно будетъ!
Кого жъ теперь мы слѣпо чтимъ,
Потомство скоро позабудетъ.
И кто жъ убійца твой? Пришлецъ,
Барона[2]) пажикъ развращенный,
Порока жалкій первенецъ,
Французъ продажный и презрѣнный!
Да будетъ проклятъ онъ, французъ,
Да будетъ проклятъ мигъ кровавый,
Который насъ лишилъ и музъ,
И лучшей радости, и славы!

---

[1]) „Современныя извѣстія“, 1880, № 153. „Кіевлянинъ“, 1880, № 125. „Отеч. Зап.“, 1865, VIII, 286—287.

[2]) Жоржъ Дантесъ, убійца Пушкина, былъ усыновленъ голландскимъ посланникомъ при нашемъ дворѣ, барономъ Гекерномъ. *Авт.*

И нѣтъ его! Въ могилѣ онъ!
Ужъ нѣтъ народнаго кумира!
Поэта непробуденъ сонъ,
Замолкла пламенная лира... 1837

И. Бороздна[1]).

На смерть поэта.

Плачь, муза, плачь!
Пушкинъ (Андрей Шенье).

Ты перешелъ за край земного міра,
Очарователь нашъ, родной пѣвецъ,
Священныхъ музъ любимый жрецъ,
И златострунная осиротѣла лира!
О, какъ плѣнительно на ней,
Во славу родины своей,
Измлада полный откровенья,
Игралъ могучей ты рукой,
Роняя пламень вдохновенья
Въ грудь молодого поколѣнья,
Путеводимаго тобой!
И путь твой совершонъ! И гордая Россія
Ихъ сбережетъ, твои созданья вѣковыя,
Неисчерпаемый источникъ чувствъ и думъ!
Ты стариковъ питаешь строгій умъ,
Мечтателямъ даришь заманчивыя грезы,
Скорбящимъ — утѣшенья слезы;
Ты, какъ мудрецъ, разишь порокъ,
Величію даешь величія урокъ,
Волнуешь сердце юной дѣвы
Картиной жизни и страстей,

[1]) „Сынъ Отечества", 1837, CLXXXVII, 141—143. „Рус. Вѣст.", 1869, XI, 97—8.

И сладкорѣчіе любви внушаютъ ей
Твои волшебные напѣвы!
Всесильной думою своей
Давноминувшіе ты воскрешаешь годы:
Когда жъ живописуешь ты
И міра чудеса, и міра красоты,
Въ твоихъ стихахъ слышна гармонія природы!
О, звуки ихъ изъ рода въ роды
Стезею славы долетятъ!
Потомки поздніе ихъ жадно затвердятъ,
И будетъ яркою звѣздою
Сіять вѣнецъ, покинутый тобою!
Душа расторгнула вериги суеты,
И прахъ твой — тлѣнія добыча,
Но въ вѣчности ужель не будешь слышать ты
Ни плача музъ, ни вопля ихъ, ни клича,
Когда онѣ на гробъ къ тебѣ пойдутъ
И благодарную отчизну
На поэтическую тризну
Вслѣдъ за собою поведутъ?
О, если бъ высшій міръ по волѣ Провидѣнья,
Могъ вѣсти дольнему ниспосылать порой,
Какими бъ звуками, въ минуты откровенья,
Упоевалъ насъ голосъ твой!
Тогда на робкой нашей лирѣ
Иль онѣмѣла бы струна,
Или переняла бъ она
Тѣ гимны, что поютъ въ эѳирѣ!
А ты на новосельи неземномъ
Восторжествуй, нашъ бардъ великій!
На гробовомъ холмѣ твоемъ
Не порастутъ забвенья павилики, —
Зазеленѣетъ лавръ безсмертія на немъ!

А. С. Норовъ[1]).

На смерть А. Пушкина.

Погасъ лучъ неба, свѣтлый геній,
Великій бардъ полночныхъ странъ,
Чья слава въ сонмѣ поколѣній
Взрастетъ[2]) со славой россіянъ.
Найдутъ далекіе потомки[3])
Средь лавровъ царскаго вѣнца
Вплетенный миртъ тому[4]), чье око
Хранило бурный вѣкъ пѣвца;
Кто, озаботясь имъ, какъ сыномъ,
Послѣдній[5]) далъ пѣвцу привѣтъ[6])
Безъ скорби перейти въ тотъ свѣтъ
И умереть христіаниномъ! 1837.

Н. С. Теплова[7]).

На смерть А. С. Пушкина.

Смиритеся, отважныя мечтанья!
Здѣсь ничему свершиться не дано.
Великому — предначертанье,
Прекрасному — мгновеніе одно!
Еще твоихъ мы ждали пѣснопѣній...
Все кончено! Твой грозный часъ пробилъ,

---

1) „Русскій Архивъ", 1871, IV—V, 0948. „Русская Старина", 1887, IV, 250. „Соврем. Изв.", 1880, 153.

2) Вар.: пройдетъ.

3) Вар.: въ исторіи далекой.

4) Императоръ Николай I.

5) Вар.: отходный.

6) Вар.: ему совѣтъ.

7) „Литературныя Прибавленія къ Русскому Инвалиду", 1837, № 21, стр. 202. Стихотворенія Н. Тепловой. М. 1838, стр. 43. Въ „Современныхъ Извѣстіяхъ" 1880, № 153, приписаны Е. М. Хитрово.

Нашъ вѣковой поэтъ и геній,
Исполненный могущественныхъ силъ!
Такъ, и тебя судьба не пощадила!...
Задумчиво надъ урною твоей
Главу поэзія склонила —
Кто замѣнитъ утраченное ей?
Какъ важны были начинанья, —
Увы, какъ кратко бытіе!
Но имя славное твое
Вѣковъ грядущихъ достоянье!... 1837.

В. А. Жуковскій.

Покойнику (А. С. Пушкинъ).

Онъ лежалъ безъ движенья, какъ будто по тяжкой работѣ
Руки свои опустивъ; голову тихо склоня,
Долго стоялъ я надъ нимъ, одинъ, смотря со вниманьемъ
Мертвому прямо въ глаза; были закрыты глаза,
Было лицо его мнѣ такъ знакомо, и было замѣтно,
Что выражалось на немъ — въ жизни такого
Мы не видали на этомъ лицѣ. Не горѣлъ вдохновенья
Пламень на немъ; не сіялъ острый умъ, —
Нѣтъ! но какою-то мыслью, глубокой, высокою мыслью
Было объято оно: мнилося мнѣ, что ему
Въ этотъ мигъ предстояло какъ будто какое видѣнье,
Что-то сбывалось надъ нимъ; и спросить мнѣ хотѣлось:
что видишь? 1837.

А. И. Подолинскій[1]).

Переѣздъ черезъ Яйлу.

. . . .

Не много мнѣ[2]) твоихъ единокровныхъ

[1]) Сочиненія, I, С.-Пб., 1860, 105—110. „Соврем.", 1837, VII, 87.
[2]) Слова стараго проводника-татарина.

Случалось знать въ судьбѣ моей убогой,
Но одного еще я живо помню:
Онъ жилъ тогда въ Урсуфѣ, и меня
Онъ жаловалъ и бралъ проводникомъ.
Бывало, съ нимъ въ такую глушь заѣдемъ
Что мудрено и птицѣ залетѣть,—
Зато тебѣ и не приснятся виды,
Какіе намъ встрѣчалися порой...
И какъ тогда онъ былъ доволенъ, веселъ,
Онъ тѣшился отъ сердца, какъ дитя!
То погруженъ глубоко, долго въ думу,
Терялся весь въ забвеньи, въ созерцаньи,
То звалъ меня и заводилъ со мной
Душевную и умную бесѣду...

Путешественникъ.

А какъ давно все это было?

Проводникъ.

Не солгать бы,
Лѣтъ около пятнадцати, не больше,—
Мой первый внукъ женился въ этотъ годъ...

Путешественникъ.

И молодъ былъ твой спутникъ?

Проводникъ.

Какъ сказать?
Какъ ты — или моложе. Трудно
Опредѣлить его лѣта мнѣ было:
Съ улыбкою не соглашалось свѣжей
Чело его, наморщенное мыслью.

Путешественникъ.

Такъ это онъ! Я узнаю поэта!
Вездѣ любовь онъ по себѣ оставилъ...

Проводникъ.

Онъ другъ тебѣ или родной? Съ участьемъ
Особеннымъ ты говоришь объ немъ!

Путешественникъ.

Онъ мнѣ родной — онъ русскій, какъ и я!
А другомъ онъ былъ каждому, чья грудь
Сочувствовать душѣ его умѣла...
Когда бъ ты зналъ, какого человѣка
Ты дружбою гордиться можешь...

Проводникъ.

Кто жъ онъ?

Путешественникъ.

Отечества онъ слава и любовь!
Онъ избранникъ, увѣнчанный въ народѣ!
Въ его груди былъ пѣсенъ мощный ключъ,
Онъ чувствомъ простъ и мыслію могучъ, —
Все, что влечетъ, что радуетъ въ природѣ,
Въ своей душѣ глубоко заключилъ
И звукомъ мысль волшебнымъ облачилъ!...

Проводникъ.

Такъ вотъ зачѣмъ, бывало, по часамъ
Онъ одинокъ стоитъ подъ Аю-Дагомъ,
И я не смѣлъ приблизиться къ нему:
Сдавалось мнѣ — лицо его горѣло,
А въ зеркалѣ очей, недвижныхъ, яркихъ,
И отблескъ волнъ, и блескъ небесныхъ звѣздъ
Сіяніемъ сливались мимолетнымъ.
Порой изъ устъ какой-то стройный говоръ
Ласкалъ мой слухъ, и долго слушалъ я!
Глубоко въ грудь мнѣ падали тѣ звуки,
Хотя понять ихъ смысла я не могъ...

Путешественникъ.

И ты любилъ не даромъ звуки эти:
Твой Крымъ онъ пѣлъ, быть можетъ, въ эту пору...

Проводникъ.

Такъ родину почтилъ мою пѣвецъ!
О, какъ бы я хотѣлъ его услышать!
О, какъ бы я хотѣлъ его увидѣть!
Онъ не былъ гордъ, онъ ласковой улыбкой
По-старинѣ бъ меня, навѣрно, встрѣтилъ.
Но гдѣ же онъ? Ужели не захочетъ
Когда-нибудь взглянуть на этотъ край?
Вѣдь онъ любилъ и скалы здѣсь, и море...

Путешественникъ.

Жаль мнѣ тебя, мой старецъ, опечалить,
Но общая печаль еще свѣжа,
И ею грудь невольно говоритъ:
Угаснуло блестящее свѣтило,
Порвалася могучая струна —
Недавнею на сѣверѣ могилой...

Проводникъ.

Не продолжай! Мнѣ сердце досказало!
И вотъ кого оплакивать досталось!
Нѣтъ, чѣмъ-нибудь вы Бога прогнѣвили:
Быть можетъ, дни избранника Его
Вы завистью, вы злостью отравили,
И отнялъ Богъ любимца Своего!...

Путешественникъ.

О замолчи! Довольно, ради неба...

Проводникъ.

Что это? Слезы, слезы на глазахъ,
А ты спѣшишь отворотить лицо?

Не этихъ слезъ стыдиться человѣку!
Прости меня: суровой, тайной мыслью
Я, можетъ быть, твою обидѣлъ душу...
О, нѣтъ! Она любить еще способна,
Мнѣ за нее порукой эти слезы,
И я съ тобой мирюся отъ души!

Путешественникъ.

Пора, старикъ, поѣдемъ: скоро полдень...
(Бросается на коня и скачетъ впередъ.) 1837.

А. Керсновскій[1]).

На смерть Пушкина.

Облакъ черный, мглой одѣтый,
Ниспускается къ землѣ
И, лучами дня согрѣтый,
Брызжетъ молніей во мглѣ.
Такъ летѣла издалека
Къ намъ туманная молва...
Ближе, ближе, — вдругъ жестоко
Разразилася въ слова:
Нѣтъ поэта! Рокъ свершился,
Опустѣлъ родной Парнассъ,
Пушкинъ умеръ, Пушкинъ скрылся
И на вѣкъ покинулъ насъ.
Сѣверъ, сѣверъ! гдѣ твой геній?
Гдѣ пѣвецъ твоихъ чудесъ?
Гдѣ виновникъ наслажденій,
Гдѣ твой Пушкинъ? Онъ исчезъ...

---

[1]) „Опыты въ русской словесности воспитанниковъ гимназій бѣлорусскаго учебнаго округа“. Вильна. 1839. Стр. 3—4. Строфы 3—5 ходили по рукамъ и отдѣльно; списокъ ихъ есть у П. А. Ефремова (съ варіантомъ: „да, исчезъ“ — „такъ, исчезъ“).

Такъ, исчезъ онъ — духъ могучій,
И землѣ онъ измѣнилъ,
И вознесся выше тучи,
И взлетѣлъ туда, гдѣ жилъ!
Онъ наскучилъ жизнью бренной,
Разлюбилъ коварный міръ,
Съ мыслью смѣлой и надменной
Скрылся въ выспренній эѳиръ.

Ѳ. Н. Глинка[1]).

Воспоминаніе о піитической жизни Пушкина.

(Посвящена отцу поэта.)

I.

Я помню — въ дѣтскія онъ лѣта
Ужъ съ *музой важною* игралъ[2])
И, отрокъ, съ думою поэта,
Науку пѣсенъ заучалъ.
Я знаю: *граціи* слетали
Къ нему, оставя эмпирей,
И *невидимками* гуляли
Съ царемъ цѣвницъ, въ садахъ царей[3]);
Тамъ, уклонясь въ густыя тѣни
(Дитя ихъ сердцемъ узнавалъ!),
Онъ къ нимъ чело свое въ колѣни
И беззаботно засыпалъ, —
А рокъ его подстерегалъ!...

II.

Еще мнѣ памятнѣй тѣ лѣта,
Та радость русскія земли,

---

1) Москва, 1837, стр. 3—14. „Библіотека для чтенія“, 1837, XXI, стр. 85—91. Примѣчанія Глинки.

2) Это напоминаетъ пьесу Пушкина: „Муза“.

3) Пушкинъ воспитывался въ Царскосельскомъ Лицеѣ.

Когда къ намъ *юношу-поэта*
Камены за руку ввели —
И онъ, нашъ *вѣщій*, про Руслана,
Про старину заговорилъ!
Въ пѣвцѣ — поэта-великана[1])
Пѣвецъ Фелицы обличилъ! —
Какъ дружно вдругъ его напѣвы,
Какъ пышно хлынули рѣкой[2]),
Не разъ срывая сердце дѣвы,
Не разъ мутя души покой,
Какъ чаръ волшебныхъ обаянья;
И шумъ заслуженныхъ похвалъ,
Молву и трескъ рукоплесканья,
Слѣдя свой *дальній идеалъ*,
Поэтъ летучій обгонялъ!...
А рокъ его подстерегалъ! —

III.

Какъ часто роскошью пирушки
И лучшимъ гостемъ пировымъ
Бывалъ *кудрявый*[3]), бойкій Пушкинъ.
Не такъ *покалъ*[4]), воспѣтый имъ,
Отсвѣчивалъ звѣздящей влагой,
Какъ, въ заревыхъ своихъ лучахъ,
Поэтъ умомъ сверкалъ въ рѣчахъ
Скропленныхъ солью и отвагой;
Когда жъ вскипалъ страстей огнемъ,
Онъ, пылкій, былъ *Отелло* истый:
И живо обличались въ немъ
Примѣты Африки огнистой.

---

[1]) Державинъ, прочтя первые стихи Пушкина, понялъ будущаго поэта и сказалъ (С. Т. А—ву): „вотъ кто замѣнитъ Державина“.

[2]) Иные начинаютъ каплями... Поэзія Пушкина вдругъ хлынула рѣкой.

[3]) Въ портретѣ, въ первый разъ появившемся при Кавказскомъ плѣнникѣ Пушкина, онъ представленъ съ веселымъ лицомъ, съ кудрявою головою.

[4]) Бокалъ.

Но вихорь скоро пролеталъ,
И онъ опять смиренъ бывалъ!...
Палатной жизни съ тѣсной рамой
Поэтъ душою былъ не въ ладъ,
И въ ней *смѣшное* эпиграммой
Хлесталъ и мѣтко и впопадъ!
А между тѣмъ на лакъ паркета
Со всей воздушностью поэта
И самъ съ толпою поспѣшалъ;
Но въ блескѣ пышности и нѣги
Ужъ въ головѣ его *Онѣгинъ,*
Какъ плодъ подъ бурей, созрѣвалъ,—
А рокъ его подстерегалъ.

IV.

И вотъ изъ Сѣверной Пальмиры
Онъ бурей жизни унесенъ;
Непрочность благъ узналъ и онъ!...
И зазвенѣли струны лиры,
Подъ искушенною рукой,
Какой-то сладостной тоской.
На темя древняго *Кавказа*
Его взвела все та жъ тоска
И дивной прелестью разсказа,
Въ которомъ будетъ жить Кавказъ,
Онъ упоилъ, разнѣжилъ насъ!
Старинный блескъ жилища хана
Затмилъ онъ блескомъ юныхъ думъ:
Бахчисарайскаго фонтана
Не смолкнетъ долго, долго шумъ!...
Есть безпредѣльность — улеглася
Она, холмовъ обнявши цѣпь,
Какъ пѣснь, какъ дума развилася
Ковыльная, сѣдая *степь.*
Какъ шелковисты *тамъ* долины!
Какія чудныя картины

Тамъ путникъ видитъ подъ луной
Въ часы, какъ бѣлые туманы
Лобзаютъ древніе курганы,
Плывя то моремъ, то стѣной...
Вдругъ слышишь въ тишинѣ ночной,
За чащей свѣжаго бурьяна,
Трещатъ огни кругомъ кургана:
Друзья! то *стараго цыгана*
Кочуетъ пестрая семья:
Туда леталъ душою я!
И часто на степяхъ *Кагула*
Мнѣ пѣла пѣсни *Маріула,* —
И вамъ знакома пѣснь ея:
Цѣпной медвѣдь, кони, телѣги,
Вся эта жизнь безъ узъ, безъ нѣги,
Давно вамъ стала, *какъ своя.* —
Тамъ и воздушная *Земфира,*
Какъ призракъ, какъ мечта гоститъ:
Какъ сладко *Пушкина* намъ лира
Пропѣла весь *цыганій бытъ!*
Ахъ! эту дивную *поэму*
Съ отсвѣтомъ жизни кочевой
И страстно-пылкую *Зарему*
Чье сердце не слило съ собой?!
Нашъ Чильдъ-Гарольдъ, любя *Тавриду,*
Въ волнахъ зеленыхъ[1]), изъ-за скалъ,
Подстерегалъ намъ *Нереиду,* —
А рокъ его подстерегалъ!

V.

Своей Итакѣ возвращенный —
Нашъ другъ, нашъ новый Одиссей,
Сзываетъ вновь своихъ друзей
На день, свиданью посвященный;

[1]) Это выраженіе (зеленыя волны) самого Пушкина, напоминающее (ну изъ лучшихъ отдѣльныхъ его пьесъ — „Нереиду".

И сколько дивныхъ повѣстей
О жизни, о бояхъ страстей
Онъ сдалъ друзьямъ съ души своей
Въ разгарѣ дружбы говорливой!...
Но *кто то,* гость не пировой,
Былъ сумраченъ въ семьѣ игривой
И молча помавалъ главой,
Смѣясь разгульныхъ думъ свободѣ...
На все враждебно онъ глядѣлъ
„И ничего во всей природѣ
Благословить онъ не хотѣлъ!“ [1])
Таинственный, какъ часъ полночи,
Онъ огнедышущія очи
(Огонь *Мельмота* [2]) въ нихъ сіялъ)
Въ поэта съ умысломъ вперялъ —
И что-то въ немъ подстерегалъ...

VI.

Года летѣли чередою,
Телѣга жизни ходко шла;
Но въ душу мысль одна легла:
Душа просилася къ покою...
Свой идеалъ, свою мечту
Онъ разъ въ Москвѣ завѣтной встрѣтилъ
И запылалъ — едва примѣтилъ:
Какъ жадно обнялъ красоту!
Дотоль разгуломъ избалованъ,
Онъ вмигъ окованъ, очарованъ,
И счастливъ сталъ и ликовалъ...
А рокъ его подстерегалъ!...

---

[1]) Послѣдніе два стиха Пушкина изъ его пьесы: „Демонъ“. Эта прекрасная пьеса написана Пушкинымъ около того времени, про которое намекаемъ въ V-й строфѣ этого бѣглаго очерка піитической жизни Пушкина.

[2]) „Мельмотъ скиталецъ“ — романтическое произведеніе Матюрена.

В. К.

VII.

И вотъ отъ бурь устепененный,
По *сдѣлкѣ* съ жизнью *мировой,*
Поэтъ, отецъ и мужъ почтенный,
Онъ могъ бы задремать душой;
Его душа не задремала:
Бытописанія заря
Надъ нимъ прекрасная играла...
И разъ, о предкахъ говоря,
Его намъ муза разсказала,
Что онъ потомокъ Ганнибала,
Слуги царя-богатыря...
Такъ онъ, все съ тѣми же струнами,
Все вдохновеніемъ горя,
Все росъ талантомъ между нами;
И въ гриднѣ[1]) русскаго царя
Являлся нашихъ дней Баяномъ...
Но ядъ ужъ пьетъ *одна* стрѣла,
Разставшись съ гибельнымъ колчаномъ:
Ее таинственно взяла
Рука, обвитая туманомъ.
Какъ многаго, за дань похвалъ,
Въ его полуденныя лѣта
Отъ *бытописца* и *поэта*
Еще край русскій ожидалъ!
Но рокъ его подстерегалъ...

VIII.

И подстерегъ творца *Полтавы*
Сей рокъ враждебный, рокъ лукавый!...
Ахъ! сколько дара, сколько славы
Взяла минута тутъ одна!

---

[1]) Въ старинныхъ русскихъ стихотвореніяхъ говорится о свѣтлой гриднѣ (о дворѣ) краснаго солнышка русской земли — князя Владиміра.

Мы смотримъ — все глазамъ не вѣря —
Ужель народная потеря
Такъ неизбѣжна, такъ вѣрна?!...
Ужель ни искренность привѣта,
Ни свѣтлый взоръ царя-отца
Не воскресятъ для насъ поэта? —
Теперь, не лавры для вѣнца,
Несите кроткую молитву:
Друзья! Онъ кончилъ съ жизнью битву;
Едва ль о жизни воздохнувъ,
Сжалъ руку дружбы... И, уснувъ
Какимъ-то сномъ отрадно-сладкимъ[1]),
Теперь онъ *тамъ,* чтобъ снова *быть:*
Былыя здѣсь ему загадки
Тамъ разгадаютъ, можетъ-быть!...

IX.

Могила свѣжая холмится
Подъ легкой, ледяной корой,
Ночного мѣсяца игрой
Хрусталь холодный серебрится,
И строй воздушный бардовъ мчится,
Тѣней и звуковъ высь полна...
Но что тамъ ярче, чѣмъ луна
Вершину холма освѣтило?
То пѣснь поэта!... То она
Горитъ надъ раннею могилой!
Не плачь, растерзанный отецъ!
Онъ лишь смѣнилъ существованье:
Не умирая, какъ *преданье,*
Живутъ поэты для сердецъ! —
Какъ ни свята тоски причина,
Не сѣтуй за такого сына, —

[1]) „Пушкинъ въ гробу имѣетъ видъ очень спокойный: ни малѣйшаго слѣда мученій на лицѣ, какъ будто онъ сладко, крѣпко уснулъ“ (Изъ частнаго письма П. М. де Р....ти).

Онъ для Россіи не умретъ!
Теперь ужъ рокъ, изъ вѣроломства.
Пяты Ахилла не стрежетъ:
Въ защитной области потомства
Поэтъ безсмертенъ — и живетъ! 1837.

В. К. Кюхельбекеръ[1]).

19 октября 1837 года.

Блаженъ, кто палъ, какъ юноша Ахиллъ,
Прекрасный, мощный, смѣлый, величавый,
Въ срединѣ поприща побѣдъ и славы,
Исполненный несокрушенныхъ силъ!
Блаженъ! Лицо его, всегда младое,
Сіяніемъ безсмертія горя,
Блеститъ, какъ солнце, вѣчно золотое,
Какъ первая эдемская заря.
А я одинъ средь чуждыхъ мнѣ людей
Стою въ ночи, безпомощный и хилый,
Надъ страшной всѣхъ надеждъ моихъ могилой,
Надъ мрачнымъ гробомъ всѣхъ моихъ друзей!
Въ тотъ гробъ бездонный, молніей сраженный,
Послѣдній палъ родимый мнѣ поэтъ —
И вотъ опять Лицея день священный,
Но Пушкина уже межъ вами нѣтъ!
Не принесетъ онъ новыхъ пѣсенъ вамъ,
Отъ нихъ не затрепещутъ груди ваши,
Не выпьетъ съ вами онъ заздравной чаши —
Онъ воспарилъ къ заоблачнымъ друзьямъ.
Онъ нынѣ съ нашимъ Дельвигомъ пируетъ,
Онъ нынѣ съ Грибоѣдовымъ моимъ:
По нихъ, по нихъ душа моя тоскуетъ;

[1]) Избранныя стихотворенія, Шо-де-фонъ, 1880, стр. 46—47.

Я жадно руки простираю къ нимъ.
Пора и мнѣ! Давно судьба грозитъ
Мнѣ казнью нестерпимаго удара:
Она меня того лишаетъ дара,
Съ которымъ духъ мой неразлучно слитъ!
Такъ! перенесъ я годы заточенья,
Изгнаніе, разлуку, сиротство,
Но подъ щитомъ святого вдохновенья
И здѣсь во мнѣ пылало божество!
Теперь пора! Не пламень, не перунъ
Меня убилъ... Нѣтъ, вязну средь болота:
Горою давятъ нужды и забота,
И я отвыкъ отъ позабытыхъ струнъ!
Мнѣ ангелъ пѣсней рай въ темницѣ душной
Когда-то созидалъ изъ сновъ златыхъ;
Но безъ него не трупъ ли я бездушный
Средь труповъ, столь же хладныхъ и нѣмыхъ?[1])

---

[1]) Гаевскій, впервые напечатавшій эту лицейскую годовщину въ „Отеч. Зап.“ 1863, XI, 40, относитъ ее къ 1837 году; „Русская Старина, (1870, I, 293—4) пріурочиваетъ ее къ 1838 г.

Отдѣлъ III.

1837—80 гг.

М. Марковъ[1]).

Дума о Пушкинѣ.

Разбита урна золотая!...
Изсякъ гремучій водометъ!
Дождемъ алмазнымъ ниспадая,
Онъ болѣ міру не блеснетъ;
Не дастъ живительной прохлады;
Не дастъ больной душѣ отрады,
Ни сладкихъ чувствъ, ни пылкихъ думъ;
Не заколдуетъ звуковъ властью;
Не поцѣлуетъ сердца страстью;
Не заклеймитъ мечтою умъ!
Давно ли ты, черно-кудрявый,
Мѣдянолицый Феба жрецъ
Міръ оглушилъ своею славой
И съ торжествомъ надѣлъ вѣнецъ!
Давно ль, вслѣдъ музѣ прихотливой,
Восторженный, нетерпѣливый
Весь свѣтъ влачился за тобой:
Въ аулъ черкеса, въ садъ Гирея,
Или въ жилище Кочубея —
Изъ-подъ кибитки кочевой!
Вездѣ, всегда себя достойный,
Ты насъ, волшебникъ, изумлялъ:
Плѣнялъ ли ты картиной стройной,
Язвилъ ли ты, иль тосковалъ;

---

1) „Мечты и были“, ч. I. С.-Пб. 1838, стр. 15—17.

Являлся ли въ бесѣдѣ шумной
И, съ видомъ шутки, рѣчью умной
Лжемудрость варварски казнилъ,
Иль молньей быстраго отвѣта
Сжигалъ недоумѣнья свѣта —
И послѣ, какъ дитя, былъ милъ!
И сколько на тебѣ Россія
Надеждъ прекрасныхъ создала!
Тебя на подвиги святые
Она съ улыбкой обрекла.
Сквозь мракъ временъ, подобный ночи,
Одни твои сокольи очи
Могли прозрѣть, — и ты бъ прозрѣлъ...
Но вдругъ, — да будетъ Божья воля! —
Тебѣ дана иная доля...
И цѣлый міръ осиротѣлъ. 1837 (?).

Э. И. Губеръ[1]).

Посвященіе „Фауста" незабвенной памяти А. С. Пушкина.

Когда меня на подвигъ трудный
Ты, улыбаясь, вызывалъ,
Я вѣрилъ силѣ безразсудной
И трудъ могучій обѣщалъ.
Съ тѣхъ поръ одинъ, вдали отъ свѣта,
Отъ праздной нѣги бытія,
Благословеніемъ поэта
Въ ночныхъ трудахъ крѣпился я.
И грозный образъ исполина
Явился пламеннымъ мечтамъ,
И вскрылась дивная картина
Моимъ испуганнымъ очамъ.

---

[1]) Сочиненія, С.-Пб. 1859, II, стр. V—VI.

Тогда невѣдомыя муки
Глубоко въ грудь перелились,
И думы въ пламенные звуки,
Въ глаголы жизни облеклись.
Ты разбудилъ нѣмыя силы,
Ты завѣщалъ мнѣ новый свѣтъ, —
И я къ дверямъ твоей могилы
Несу незрѣлый, блѣдный цвѣтъ.
Въ нѣмой тоскѣ, вдали отъ свѣта,
Въ своей незнаемой тиши,
Я приношу на гробъ поэта
Смиренный даръ моей души —
Простой вѣнокъ въ вѣнкѣ лавромъ.
Простая дань души простой
Не поразитъ могучимъ словомъ
И не богата красотой.
Нѣтъ, въ грустный часъ томящей муки
Мнѣ громкихъ пѣсенъ не дано!
Мнѣ облекать въ живые звуки
Моей тоски не суждено!
Но надъ могилою кровавой
Я брошу блеклый мой листокъ,
Пока сплететъ на гробѣ славы
Другой пѣвецъ — другой вѣнокъ! 1838.

Гр. Е. П. Растопчина[1]).

Двѣ встрѣчи.

(П. А. Плетневу.)

Es giebt im Menschenleben ewige Minuten!...

Butterweck.

I.

Я помню, на гульбищѣ шумномъ,
Дыша веселіемъ безумнымъ,

1) Стихотворенія, С.-Пб., 1841, I, 141 – 144.

И говорлива и жива,
Толпилась нѣкогда Москва,
Какъ встарину любя качели,
Веселый даръ святой недѣли.
Въ одеждѣ праздничной, она,
Пестро и пышно убрана,
Слила, смѣшала безъ вниманья
Сословья всѣ, всѣ состоянья.
На день одинъ, на краткій часъ
Сошлись, другъ другу напоказъ,
Хмельной разгулъ простолюдина
Съ степеннымъ хладомъ знати чинной,
Міръ черни съ міромъ богачей
И старость съ рѣзвостью дѣтей.
И я, ребенокъ боязливый,
Смотрѣла съ робостью стыдливой
На этотъ незнакомый свѣтъ,
Еще на много, много лѣтъ
Мнѣ недоступный, и мечтала,
Приподымая покрывало
Съ грядущихъ дней, о той веснѣ,
Когда достанется и мнѣ
Вкусить забавы жизни свѣтской —
Ихъ нетерпѣньемъ думы дѣтской
Желала время ускорить,
Чтобъ видѣть, слышать, ощутить.
Народа волны протекали...
Однѣ другихъ онѣ смѣняли...
Но я не замѣчала ихъ,
Предавшись лету грезъ своихъ.
Вдругъ все стѣснилось, и съ волненьемъ,
Однимъ стремительнымъ движеньемъ
Толпа рванулася впередъ...
И мнѣ сказали: *онъ* идетъ!
„*Онъ,* нашъ поэтъ, *онъ* наша слава,
Любимецъ общій!...“ Величавый,

Но смѣлый, ловкій и живой,
Прошелъ *онъ* быстро предо мной.
И глубоко въ воображеньи
Напечатлѣлось выраженье
Его высокаго чела;
Я отгадала, поняла
На немъ и генія сіянье,
И знакъ высокаго посланья;
Имъ мысль моя была полна,
И долго, долго въ грезахъ сна
Арабскій профиль рисовался,
Взоръ вдохновенный загорался,
И мнѣ, сіяньемъ окруженъ,
Все представалъ, все зрѣлся *онъ*

II.

Я помню, я помню другое свиданье:
На балѣ блестящемъ, въ кипящемъ собраньи,
Гордясь кавалеромъ, и объ руку съ нимъ,
Вмѣшалась я въ танцы, и счастьемъ моимъ
Въ тотъ вечеръ прекрасный весь міръ озлащался.
Онъ съ нѣжнымъ привѣтомъ ко мнѣ обращался;
Онъ дружбой безъ лести меня ободрялъ;
Онъ думъ моихъ тайну развѣдать желалъ.
Ему разсказала молва городская,
Что, душу высокой мечтою питая,
Поэзіи чары постигла и я, —
И *онъ*, съ любопытствомъ смотря на меня,
Пѣснь женскаго сердца, пѣснь женскихъ страданій,
Всю повѣсть простую младыхъ упованій
Изъ устъ моихъ робкихъ услышать хотѣлъ.
Онъ выманить скоро довѣрье умѣлъ.
Въ душѣ геніальной есть что-то святое:
Она обѣщаетъ участье родное,
И свыкнуться съ нею намъ мнится легко,
Затѣмъ что паритъ она такъ высоко,

Что ей неизвѣстны въ ея возвышеньи
Взыскательныхъ дольнихъ умовъ осужденья.
Вниманьемъ поэта въ душѣ дорожа,
Подъ говоръ музыки, украдкой, дрожа,
Стихи безъ искусства ему я шептала
И взоръ снисхожденья съ восторгомъ встрѣчала.
Но *онъ,* вдохновенный, съ какой добротой —
Онъ исповѣдь слушалъ души молодой!
Какъ съ кроткимъ участьемъ, съ улыбкою друга,
Отъ раннихъ страданій, отъ злого недуга,
Отъ мрачныхъ предчувствій онъ сердце лѣчилъ
И жить его въ мирѣ съ судьбою училъ!...
Онъ пылкостью прежней тогда оживлялся,
Онъ къ юности знойной своей возвращался,
О ней говорилъ мнѣ, ее вспоминалъ...
Со мной молодѣя, *онъ* снова мечталъ.
Слова его въ душу свою принимая,
Ему благодарна всѣмъ сердцемъ была я...
И много минуло годовъ съ того дня,
И много узнала, извѣдала я...
Но живо и нынѣ о *немъ* вспоминанье, —
Но рѣчи поэта, его предвѣщанье
Я въ памяти сердца храню, какъ завѣтъ,
И ими горжусь... Хоть *его* уже нѣтъ!... 1838.

К. Петерсонъ[1]).

Сонетъ.

Ты царь: живи одинъ.
Пушкинъ.

Съ тоской и полный грустныхъ размышленій
Читаю я твой вдохновенный стихъ.
О, почему такъ рано ты затихъ,
Намъ всѣхъ своихъ не досказавъ видѣній!

¹) „Современникъ", 1839, I, 177.

Какъ много думъ еще таилось въ нихъ,
Какъ много неба тайныхъ откровеній!
Но ты замолкъ... Прости жъ, нашъ русскій геній:
Любовь Россіи на стихахъ твоихъ.
Гдѣ есть любовь — нѣтъ мѣста укоризнѣ.
Но русскому какъ не скорбѣть душой?
Ты — свѣтлый перлъ въ вѣнцѣ твоей отчизны.
Твои стихи — твой вѣчный мавзолей:
Ты отплатилъ за даръ недолгой жизни
Нетлѣнной славой, русскій соловей!

Гр. Е. П. Растопчина[1]).

Черновая книга Пушкина[2]).

В. А. Жуковскому.

Sic transit gloria mundi...
(Devise de Louis XIV.)

Смотрю съ волненіемъ, съ тоскою умиленной
На книгу-сироту, на бѣлые листы,
Куда усопшій нашъ рукою вдохновенной
Сбирался вписывать и пѣсни и мечты,
Куда фантазіи созрѣвшей, въ полной силѣ,
Созданья дивныя онъ помѣщать хотѣлъ...
И гдѣ, доставшійся безвременно могилѣ,
Онъ начертать ни слова не успѣлъ!...
Смотрю и думаю: судьбою легконравной
Какой удѣлъ благой, возвышенный и славный
Страницамъ симъ пустымъ назначенъ прежде былъ!

---

[1]) „Современникъ", 1839, т. XV, 137—138. Сочиненія гр. Е. П. Растопчиной, I, С.-Пб. 1890, стр. 48—49.

[2]) Пушкинъ заказалъ себѣ черновую книгу. Она, послѣ его смерти, перешла къ В. А. Жуковскому, который написалъ въ ней нѣсколько недоконченныхъ стихотвореній и потомъ подарилъ ее мнѣ съ наказомъ дополнить и докончить ее. *Авт.*

Какъ много творческихъ, высокихъ помышленій,
Какъ много свѣтлыхъ думъ, безцѣнныхъ откровеній
Онъ имъ повѣрилъ бы!...
И рокъ все истребилъ!...
Принявъ наслѣдіе утраченнаго друга,
Свидѣтель горестный и смерти и недуга,
Другой восторженный, мечтательный поэтъ
Болѣзненно взиралъ на сей нѣмой завѣтъ...
И сердце въ немъ стѣснялось отъ испуга.
„Давно ли", думалъ онъ: „давно ли предо мной
Онъ, въ полномъ цвѣтѣ силъ, здоровый, молодой,
Мечталъ о будущемъ, загадывалъ, трудился?...
И вотъ онъ навсегда отъ глазъ моихъ сокрылся!...
Нѣтъ! полно вдаль смотрѣть!... не подъ моимъ перомъ
Ты, книга, оживешь духовнымъ бытіемъ!..."
И мнѣ, и мнѣ сей даръ! Мнѣ слабой, недостойной,
Мой *сердца духовникъ* пришелъ его вручить, —
Мнѣ пѣснью робкою, неопытной, нестройной
Стихъ чудный Пушкина велѣлъ онъ замѣнить!
Но не исполнить мнѣ такого назначенья,
Но не достичь мнѣ геніальной вышины!...
Я женщина: во мнѣ и мысль и вдохновенье
Смиренной скромностью быть скованы должны. 1839.

В. К. Кюхельбекеръ[1]).

Три тѣни.

На дикомъ берегу Онона[2]) я сидѣлъ —
Я, чьей младенческой печали
Ижора и Нева задумчиво внимали;
Я (странный же удѣлъ?),

---

[1]) Избранныя стихотворенія, Шо-де-фонъ, 1880, стр. 118—121.
[2]) Рѣка Забайкальской области.

Кому рукоплескалъ когда-то градъ надменный[1]),
Соблазнъ и образецъ, гостиница вселенной, —
И кто въ Массиліи[2]) судьбу народовъ пѣлъ,
А вслѣдъ за тѣмъ, влекомый вѣщимъ духомъ,
Родоначальникомъ неизреченныхъ думъ,
Средь грозныхъ, мертвыхъ скалъ, склонялся жаднымъ слухомъ
На ревъ и грохотъ водъ, на вѣтра свистъ и шумъ,
На голосъ чадъ твоихъ, Кавказъ небогромитель —
И напослѣдокъ былъ темницы душной житель!
Свинцовыхъ десять лѣтъ, какъ въ гробѣ, протекло;
Однообразный бой часовъ безъ измѣненья
До срока инеемъ посыпалъ мнѣ чело
Въ глухихъ твердыняхъ заточенья...
Все обмануло, кромѣ вдохновенья!
Такъ! И судьбы неумолимый гнѣвъ
Не отнялъ у меня любви безсмертныхъ дѣвъ.
Слетали къ узнику священныя видѣнья.
Что жъ? Въ мірѣ положенъ всему предѣлъ:
За старымъ новое отвѣдалъ я страданье, —
Ужъ нынѣ не тюрьма мой жребій, а изгнанье...
На дикомъ берегу Онона я сидѣлъ
И вотъ раздумывалъ причудливую долю
Свою и тѣхъ, съ которыми ходилъ,
Во дни моей весны, по жизненному полю —

---

[1]) Избр. стихотв., l. c., стр. 4: „Въ Парижѣ Кюхельбекеръ свелъ знакомство съ нѣкоторымии либеральным литераторами и вздумалъ прочесть на французскомъ языкѣ лекцію въ Атене о литературѣ и политическомъ состояніи Россіи, проникнутую идеями, которыя тогда (въ 1820 году) были въ модѣ. Часть публики осталась равнодушною; другая рукоплескала его выходкамъ. Въ концѣ рѣчи онъ сдѣлалъ какое-то размашистое движеніе рукою, сшибъ свѣчу, стаканъ съ водою, хотѣлъ удержать — и самъ слетѣлъ съ каѳедры. Одинъ сѣдой якобинецъ, слушавшій его внимательно, поддержалъ его словами: „Ménagez-vous, jeune homme! Votre patrie a besoin de vous".

[2]) Марсель.

Питомцевъ близкихъ межъ собой свѣтилъ[1]).
Ихъ духъ отъ скорби опочилъ,
Но тѣни ихъ, моихъ клевретовъ,
Жертвъ сердца своего, страдальцевъ и поэтовъ,
Я вызывалъ изъ дальнихъ ихъ могилъ.
Угрюмый сынъ степей, хранительницъ Китая,
Роптал, утесами стѣсняемый, Ононъ,
Волнами тусклыми у ногъ моихъ сверкая,
И, мнилось, повторялъ *ихъ* передсмертный стонъ, —
И, словно факелъ *ихъ* унылыхъ похоронъ,
Горѣла нá небѣ луна нѣмая.
Былъ безпредѣльный сонъ на долахъ, на горахъ;
Тутъ нé спалъ только я съ своей живой тоскою...
Вдругъ — будто арфы вздохъ пронесся надъ рѣкою.
Таинственный меня обвѣялъ страхъ...
И что жъ? То былъ ли бредъ больного воображенья,
Или трепещутся и тамъ еще сердца,
И въ самомъ дѣлѣ другъ, податель утѣшенья,
Явиться можетъ намъ, расторгнувъ узы тлѣнья?
Почудилися мнѣ родныя три лица!
Я не слыхалъ шаговъ... Скользили привидѣнья,
Воды не возмущая, по водѣ.
Надъ каждымъ призракомъ дрожало по звѣздѣ,
И слѣдомъ каждаго была струя мерцанья.
Я вспрянулъ, облитый потокомъ содроганья,
И въ сладостномъ восторгѣ, какъ со сна,
Вскричалъ и произнесъ любезныхъ имена:
„Братъ Грибоѣдовъ, ты? ты, Дельвигъ? Пушкинъ, ты ли?"
Взглянулъ: ихъ нѣтъ — они ужъ вдаль уплыли!
Вотще я руки простиралъ къ друзьямъ:
Какъ прежде, все померкло и заснуло, —
Лишь только что-то будто бы шепнуло:
„Такъ вѣрь же, есть свиданье тамъ!"

---

[1]) Грибоѣдовъ, Дельвигъ и Пушкинъ.

Д. Т. Ленскій[1]).

Куплетъ о Пушкинѣ.

Кто постигать, какъ онъ, умѣетъ
Людей, природу и Творца?
И кто изъ русскихъ не жалѣетъ
О смерти юнаго пѣвца?
Хоть смерть его и не касалась,
Онъ бросилъ ей лишь свой скелетъ!...
Поэтовъ много намъ осталось,
Но Пушкина другого нѣтъ!

М. А. Дмитріевъ[2]).

Въ память Н. М. Языкову.

Умолкъ поэтъ живыхъ созвучій,
Пѣвецъ разгульныхъ юныхъ дней!
Изъ стаи Пушкина пѣвучей
Вспорхнулъ послѣдній соловей!
. . . . 1846.

М. А. Дмитріевъ[3]).

С. Т. Аксакову.

. . . .

Тогда жъ[4]) и Пушкинъ, цвѣтъ прелестный,
Зацвѣлъ, и съ первыхъ дней извѣстный,
Ревнуя опытнымъ орламъ,
Ужъ порывался къ облакамъ!

. . . .

---

1) „Репертуаръ“, 1841, II, 24.
2) Стихотворенія, I, М. 1865, стр. 166.
3) Стихотворенія, I, М. 1865, стр. 228.
4) Въ концѣ 10-хъ и въ началѣ 20-хъ годовъ.

Баронъ Е. Ѳ. Розенъ[1]).

Могила Пушкина.

Подъ сѣнію Орфеевой могилы,
Во Ѳракіи пустынной, соловей
Наитіемъ глубокой, чудной силы
Пѣлъ жалобнѣй, и слаще, и звучнѣй.
Я понимаю древнее преданье:
Трагическая смерть пѣвца, въ глуши
Смиренный гробъ... Здѣсь глубже воздыханье
Моей тоски! Въ сей мертвенной тиши
Не громче ль имя славнаго поэта —
И чувствуешь живѣй утрату свѣта,
И сладкозвучнѣй жалоба души!...

Н. А. Некрасовъ[2]).

Блаженъ незлобивый поэтъ,
Въ комъ мало желчи, много чувства:
Ему такъ искрененъ привѣтъ
Друзей спокойнаго искусства;
Ему сочувствіе въ толпѣ,
Какъ ропотъ волнъ, ласкаетъ ухо;
Онъ чуждъ сомнѣнія въ себѣ —
Сей пытки творческаго духа;
Любя безпечность и покой,
Гнушаясь дерзкою сатирой,
Онъ прочно властвуетъ толпой
Съ своей миролюбивой лирой.

---

[1]) „Сынъ Отечества", 1847, III, 1—2.

[2]) Полное собраніе стихотвореній, С.-Пб. 1884, стр. 22. Повидимому, противоположеніе Пушкина и Гоголя. Стихотвореніе написано на смерть Гоголя.

Дивясь великому уму,
Его не гонятъ, не злословятъ,
И современники ему
При жизни памятникъ готовятъ...
Но нѣтъ пощады у судьбы
Тому, чей благородный геній
Сталъ обличителемъ толпы,
Ея страстей и заблужденій.
Питая ненавистью грудь,
Уста вооруживъ сатирой,
Проходитъ онъ тернистый путь
Въ своей карающею лирой.
Его преслѣдуютъ хулы:
Онъ ловитъ звуки одобренья
Не въ сладкомъ ропотѣ хвалы,
А въ дикихъ крикахъ озлобленья.
И вѣря и не вѣря вновь
Мечтѣ высокаго призванья,
Онъ проповѣдуетъ любовь
Враждебнымъ словомъ отрицанья, —
И каждый звукъ его рѣчей
Плодитъ ему враговъ суровыхъ,
И умныхъ, и пустыхъ людей,
Равно клеймить его готовыхъ.
Со всѣхъ сторонъ его клянутъ,
И только трупъ его увидя,
Какъ много сдѣлалъ онъ, поймутъ,
И какъ любилъ онъ — ненавидя! 1852.

В. Бенедиктовъ[1]).

Воспоминаніе.

(Посвящено памяти Жуковскаго и Пушкина.)

И Жуковскій отлетѣлъ отъ міра;
Кончена молитва этой жизни;

[1]) Стихотворенія, II, С.-Пб., 1884, 165—172.

Пережитъ онъ нами — чудный старецъ,
Вѣчно юный. Онъ былъ представитель
Чистаго стремленія души
Къ неземной, божественной отчизнѣ:
Взоръ его сіялъ тѣмъ кроткимъ свѣтомъ,
При которомъ такъ просторно мыслямъ,
Такъ отрадно сердцу, такъ тепло;
На челѣ задумчивость святая
Тихо почивала; райской гостьей
Прилетала на уста поэта
Мирная улыбка, чтобъ на нихъ
Отдохнуть подъ свѣжей тѣнью грусти —
Вѣстницы другого назначенья,
На лицѣ его напечатлѣнной.
Рѣчь его таинственно текла
Изъ душевной глубины, подъемлясь
Легкимъ паромъ мощнаго вулкана,
Въ думу погруженнаго, который
Скрылъ свой пламень въ потаенныхъ нѣдрахъ,
Чтобъ, земли напрасно не колебля,
Лишь слегка дымящимся дыханьемъ
Возвѣщать ей о великой силѣ,
Самовластно сжавшей свой порывъ,—
Тихимъ звукомъ намекать о громѣ,
Намъ неслышномъ. — Помню я собранья
Подъ его гостепріимнымъ кровомъ —
Вечера субботніе: рѣкою
Наплывали гости, и являлся
Онъ — чернокудрявый, огнеокій,
Пламенный Онѣгина создатель,
И его веселый, громкій хохотъ
Часто былъ шаговъ его предтечей;
Мѣткій умъ сверкалъ въ его разсказѣ;
Быстродвижныя черты лица
Измѣнялись непрерывно; губы,
И въ молчаньи, жизненнымъ движеньемъ

Обличали вѣчную кипучесть
Зоркой мысли. Часто ѣдкой злостью
Остріе играющаго слова
Оправлялъ онъ; но и этой злости
Было прямодушіе основой —
Благородство творческой души,
Мучимой, тревожимой, язвимой
Низкими явленьями сей жизни.

Какъ теперь гляжу на нихъ обоихъ —
На того и этого. *Одинъ*
Весь проникнутъ таинствомъ мечтанья,
Не легко могъ ладить съ этой жизнью,
Съ этою существенностью, гдѣ
Иногда вмѣняютъ въ преступленье
И мечту святую. Оторваться
Трудно было жертвоносцу музы
Отъ завѣтной думы, отъ приманки
Тайной мысли — даже и тогда,
Какъ бывалъ онъ въ чинной рамѣ свѣта,
Гдѣ поэту надо спрятать душу,
Чтобъ спастись порою отъ насмѣшки
Жалкой и тупой, но ядовитой.
Въ мірѣ, гдѣ и добродѣтель даже
Не всегда терпима и умѣстна, —
Въ этомъ мірѣ, гдѣ она должна
Время знать и появляться кстати,
Неизбѣжны тяжкія боренья
Для души, прекраснымъ увлеченной.
Но пѣвецъ Ундины[1]) могъ за то
Ладить самъ съ собою: въ глубинѣ
Теплой вѣры, съ глазу на глазъ съ сердцемъ,
Будучи земли сей милымъ гостемъ,
Онъ умѣлъ и здѣсь, въ гостяхъ, быть дома, —

---

[1]) Жуковскій.

И сгущенный мракъ земной невзгоды
Въ мощной ширинѣ души поэта
Долженъ былъ рѣдѣть и уясняться,
Разрѣшаяся въ туманъ прозрачный,
Озаренный радугой фантазій.
Страсть его въ молитву обращалась,
Въ ѳиміамъ и жертву Божеству.
А *другой* — стать властелиномъ жизни
Былъ способенъ, силой крѣпкой воли
Отрѣшиться отъ мечты порою
И взглянуть на вещи мѣткимъ взоромъ,
Проницающимъ и самый камень,
Свѣтомъ называемый: зато
Совладать съ собою было трудно
Этому гиганту; — съ бурнымъ чувствомъ —
Съ этимъ африканскимъ ураганомъ —
Онъ себя не могъ преодолѣть.

Но земное рѣзкое несходство
Двухъ поэтовъ — ихъ не удаляло
Другъ отъ друга: общій признакъ Бога —
Вдохновенье[1]) — ставило ихъ рядомъ
Подъ одно божественное знамя,
Братской дружбой руки ихъ смыкая. —
Отчего жъ, я думаю порой,
Межъ людьми горятъ вражда и злоба?
Ратники несходныхъ вѣръ и мнѣній,
Разныхъ силъ, въ вооруженьяхъ разныхъ —
Развѣ не должны они, какъ братья,
Узнавать другъ друга по призванью,
Ясному въ значеньи человѣка?
Не одно ль надъ ними вѣетъ знамя —
Божье знамя? Не къ одной ли битвѣ
Противъ зла — единаго врага —
Ополчилъ ихъ вѣчный Вождь небесный?

---

1) Выраженіе Пушкина въ „Разговорѣ книгопродавца къ поэтомъ".

Помню: уѣзжая въ край далекій,
Гдѣ ждала невѣста молодая
Нашего Жуковскаго, онъ молвилъ:
„Вотъ — нашелъ я музу на землѣ.
Ѣду къ ней подъ золотое небо,
Тамъ я кончу поприще земное.
Вспоминайте обо мнѣ! Простите!“
Онъ уѣхалъ. Много дней промчалось.
Тамъ — въ Германіи — полуродной
Нашему мечтателю, въ отчизнѣ
Шиллера, котораго намъ, русскимъ,
Возсоздалъ онъ, что живую душу
Изъ своей всеемлющей души
Перелилъ въ доступное намъ слово, —
Тамъ, въ бесѣдѣ съ мудрецомъ Гомеромъ,
Жилъ онъ, и, божественнаго старца
Воспріемля вѣщіе разсказы,
Отражалъ ихъ намъ въ волшебныхъ звукахъ
Русскаго гекзаметра и вѣялъ
Въ сердце наше греческою жизнью.
Такъ себя онъ продолжалъ и кончилъ.

Тотъ — кипучій, прежде отлетѣвшій
Въ лучшій міръ, безвременною смертью
Сорванъ былъ, когда поэта геній
Лишь вполнѣ развилъ свою могучесть.
Онъ широкимъ, львинымъ перескокомъ
Въ вѣчность перенесся, до конца
Вѣрный быстротѣ своихъ движеній.
Вдругъ сказалъ онъ: „кончено“, — и, бросивъ
Намъ свой прахъ, душой воспрянулъ къ небу.
Этотъ — отъ своихъ единоземцевъ
Въ удаленьи долго испарялся,
Чистымъ воздымаясь ѳиміамомъ.
Онъ, вдали, какъ призракъ свѣтоносный,
Болѣе и болѣе терялся

Въ глубинѣ безоблачнаго неба,
И, какъ звукъ, Эоловою арфой
Изнесенный, замирая сладко,
Утихалъ онъ, — и — конца не слышно:
Онъ, и исчезая, продолжился.

Тотъ хотѣлъ какъ будто бъ самой смертью
Вдругъ расторгнуть вѣчную преграду,
Что живыхъ отъ мертвыхъ отдѣляетъ,—
Распахнуть намъ настежь эти двери
И открыть надъ міромъ въ полномъ блескѣ
Неба свѣтозарнаго пучину.
Этотъ, мнится, возносясь, хотѣлъ лишь
Отодвинуть только край завѣсы,
Между небомъ и землей простертой,
Чтобъ не вдругъ сіяніемъ безмѣрнымъ
Поразить намъ немощныя очи,
Къ сумраку привыкшія земному.

И его не стало... Нѣтъ обоихъ!
Ихъ не стало; но святые звуки
Лиръ ихъ сладкострунныхъ вѣчно живы.
Тотъ намъ въ душу пламенные ямбы
Мечетъ и, упругой сталью слова
Проводя глубокія бразды
По сердцамъ, оледенѣть готовымъ,
Вспахиваетъ почву, обжигая
Корни закоснѣлые, и зерна
Взбрасываетъ мысли плодотворной
И живого трепетнаго чувства
Въ этотъ прахъ, побѣги вызывая
Чудной жизни изъ юдольной грязи.
Этотъ — льется звучными слезами,
Жаркими, истекшими изъ сердца,
Гдѣ горитъ огонь неугасимый,
Но, въ земной прохладной атмосферѣ

Освѣжаясь, падаютъ онѣ,
Какъ роса, на грудь земли несчастной,
Чтобъ ее, изсохшую, увлажить,
Умягчить и утолить ей жажду,
А потомъ онѣ восходятъ снова
Легкимъ паромъ, смѣшаннымъ съ дыханьемъ
Ими орошенныхъ злаковъ дольнихъ
И цвѣтовъ, въ свое родное небо —
Къ вѣчному истоку своему. 1852.

Кн. П. А. Вяземскій.

Поминки. Пушкинъ.

Поэтической дружины
Смѣлый вождь и исполинъ!
Съ дѣтства твой полетъ орлиный
Достигалъ крутыхъ вершинъ.
Помню я младую братью,
Милый цвѣтъ грядущихъ дней:
Отрокъ съ огненной печатью,
Съ тайнымъ заревомъ лучей
Вдохновенья и призванья
На пророческомъ челѣ,
Полномъ думы и мечтанья —
Крыльевъ нашихъ на землѣ —
Вѣщій отрокъ, отрокъ славы,
Отдѣлившись отъ другихъ,
Хладно смотритъ на забавы
Шумныхъ сверстниковъ своихъ.
Но гроза зажжетъ ли блескомъ
Почернѣвшій неба сводъ,
Волны ль однозвучнымъ плескомъ
Пробудятся въ лонѣ водъ;
Вѣтромъ тронутый, тоскуя
Запоетъ ли темный лѣсъ,

Какъ Мемнонова статуя
Подъ златымъ лучомъ небесъ;
За вѣтвистою палаткой
Соловей ли въ тьмѣ ночной,
Съ свѣжей нѣгой, съ грустью сладкой,
Изливаетъ говоръ свой;
Взоръ красавицы ль случайно
Нѣжно проскользнетъ на немъ, —
Сердце разгорится тайно
Преждевременнымъ огнемъ;
Чуткій отрокъ затрепещетъ,
Молча сердце дастъ отвѣтъ,
И въ младыхъ глазахъ заблещетъ
Поэтическій разсвѣтъ.
Тамъ, гдѣ царскосельскихъ сѣней
Сумракъ манитъ въ знойный день,
Гдѣ надъ роемъ славнымъ тѣней
Вьется царственная тѣнь;
Гдѣ владычица полміра
И владычица сердецъ,
Притаивъ на лонѣ мира
Ослѣпительный вѣнецъ,
Отрѣшась отъ пышной скуки
И тщеславья не любя,
Умъ, искусства и науки
Угощала у себя;
Гдѣ являлась не царицей[1])
Предъ восторженнымъ пѣвцомъ,
А безсмертною Фелицей
И державнымъ мудрецомъ;
Гдѣ въ мѣстахъ, любимыхъ ею,
Память такъ о ней жива,
И дней славныхъ эпопею
Внукамъ предаетъ молва:

---

[1]) Въ подлинникѣ, повидимому, описка: *царящей*.

Тамъ таинственные громы,
Словно битвъ далекихъ гулъ,
Повторяютъ намъ знакомый
Окликъ: Чесма и Кагулъ.
Той эпохи величавой
Блескъ еще тамъ не потухъ,
И поэзіей и славой
Все питало юный духъ.
Тамъ поэтъ въ родной стихіи
Стихъ златой свой закалилъ,
И для славы и Россіи
Онъ расцвѣлъ въ избыткѣ силъ.
Вѣкъ блестящій пережившій,
Пережившій самъ себя,
Взоръ, отъ лѣтъ полуостывшій, —
Славу юную любя,—
На преемникѣ цвѣтущемъ
Старецъ-Бардъ остановилъ,
О себѣ вздохнувъ, — въ грядущемъ
Онъ пѣвца благословилъ.
Брата обнялъ въ немъ Жуковскій,
И съ сочувствіемъ роднымъ,
Съ властью, нѣжностью отцовской,
Карамзинъ слѣдилъ за нимъ...
Какъ прекрасно надъ тобою
Утро жизни расцвѣло;
Раннимъ лавромъ, взятымъ съ бою,
Ты обвилъ свое чело.
Свѣтъ холодный, равнодушный
Былъ тобою пробужденъ,
И, волшебнику послушный,
За тобой увлекся онъ.
Предъ тобой соблазны пѣли,
Уловляя въ плѣнъ сѣтей,
И въ младой груди кипѣли
Страсти *Африки твоей*.

Ты съ отвагою безумной
Устремился въ быстроту[1]), —
Жизнью бурной, жизнью шумной
Ты пробился сквозь волну.
Но души не опозорилъ
Бурь житейскихъ мутный валъ:
За тебя твой геній спорилъ
И святыню отстоялъ.
Отъ паденья, жрецъ духовный,
Думъ и творчества залогъ —
Пламень чистый и верховный —
Ты въ душѣ своей сберегъ.
Все яснѣй, все безмятежнѣй
Развивался свѣтъ въ тебѣ,
И все строже, все прилежнѣй
Съ обольщеньями въ борьбѣ.
На таинственныхъ скрижаляхъ
Повѣсть сердца ты читалъ
Въ радостяхъ его, въ печаляхъ
Вдохновеній ты искалъ.
Ты внималъ живымъ глаголамъ
Поучительныхъ вѣковъ,
Чуждый распрямъ и расколамъ... 1853

С. П. Шевыревъ[2]).

14 и 18 ноября.

Пушкинъ! встань, проснись изъ гробу!
Гдѣ твой голосъ и языкъ?
Поражай вражду и злобу,
Зачинай побѣдный кликъ!

---

[1]) Должно быть: быстрину.

[2]) „Москвитянинъ" 1853, № 23; стр. 163—166. На начало Крымской войны.

И ты спишь, умолкъ Жуковскій!
Міръ нашъ нѣмъ, какъ стихшій громъ,
Будто колоколъ кремлевскій
Съ отлетѣвшимъ языкомъ.
Помнишь годъ, какъ наши войски,
Молодцы родной земли,
Перешедъ Балканъ геройски,
Миръ Царьграду принесли;
И теперь, упорнымъ миромъ,
Вѣры любящей сыны,
Долго медля браннымъ пиромъ,
Знамя подняли войны.
Загорѣлась брань святая,
Снова слышенъ громъ и стонъ,
И поганый брегъ Дуная
Кровью русской окрещенъ.
Идутъ рати, словно тучи,
Съ нашихъ сѣверныхъ сторонъ:
Бой кровавый, бой могучій
Надъ Царьградомъ вознесенъ.
За ключи дверей пригробныхъ
Господа Царя Христа,
За сыновъ одноутробныхъ
Вѣры, Церкви и креста,
За царя, родную славу,
За алтарь и за престолъ,
За великую державу
Воинъ нашъ въ походъ пошелъ.
Если вѣстники къ вамъ въ гости
Прилетаютъ съ нашихъ странъ:
О, твои играютъ кости,
Словно радостный органъ.
Слышалъ, сколько супостатовъ
Побѣжало передъ нимъ,
Какъ турецкихъ семь фрегатовъ
Разлетѣлось въ прахъ и дымъ!

Воинъ нашъ — душѣ отрада —
Грозенъ, дивенъ и великъ:
Безоружному — награда,
Вооруженнымъ — грудь и штыкъ.
Ангелъ славы въ горни страны
Приметъ ихъ святую кровь,
Ихъ сіяющія раны,
Вѣру, мужество, любовь.
Но кому жъ побѣды грянуть?
Нѣтъ златыхъ твоихъ стиховъ!
А кому грозой воспрянуть,
Поразить клеветниковъ?
Ужъ теперь нашъ врагъ упорный
Силенъ сталъ не въ клеветахъ:
Жало ненависти черной
Западъ шевелитъ въ устахъ.
Содрогнешься, житель тлѣнья:
Англичанинъ и французъ
Тамъ, во имя просвѣщенья,
Съ туркомъ празднуютъ союзъ!
Побраталися заочно
Славный Западъ и исламъ,
Въ роковой борьбѣ восточной
Дружны ненавистью къ намъ!
Подъ броней похвалъ виновныхъ
И ругаясь о Христѣ,
Турки братьевъ нашихъ кровныхъ
Распинаютъ на крестѣ.
Мѣры нѣтъ враждѣ и злобѣ,
Мысль ихъ кровью не сыта:
Мать, носящая въ утробѣ,
Имъ въ младенцѣ не свята.
Боже! Всѣхъ опредѣленій
Взялъ Ты вѣки и часы,
А для нашихъ дѣлъ и мнѣній
Держишь Ты одинъ вѣсы.

Боже! Царь возвеселится
Лишь о имени Твоемъ,
О Тебѣ не постыдится:
Отъ Тебя побѣды ждемъ. 1853.

А. Н. Майковъ[1]).

Отрывокъ изъ поэмы „Земная комедія".

(Памяти Пушкина.)

Надъ прахомъ генія свершать святую тризну
Народъ притекъ. Кто холмъ цвѣтами украшалъ,
Кто звучные стихи усопшаго читалъ,
Гдѣ радовался онъ и плакалъ за отчизну.
И было сладко всѣмъ. Однимъ въ его стихахъ
Все новая краса и сила открывалась;
Въ тѣхъ — къ родинѣ любовь сильнѣе разгоралась,
И всякій повторялъ съ слезами на глазахъ:
„Да, чувства добрыя онъ пробуждалъ въ сердцахъ!"
Но вдругъ, среди толпы, я крикъ ужасный внемлю.
То наземь кинулся, какъ жердь, сухой старикъ.
Онъ корчился, кусалъ и рылъ ногтями землю,
И пѣну ярости точилъ его языкъ.
. . . .
Его никто не зналъ. Но старшіе въ народѣ
Припомнили, что то былъ старый клеветникъ,
Изъ тѣхъ, чья ненависть и немощная злоба
Шли слѣдомъ за пѣвцомъ, не смолкли и у гроба,
Дерзая самый судъ потомства презирать.
И вотъ, поднявшися и бормоча безъ связи,
На холмъ могильный сталъ кидать онъ комья грязи.
Народъ, схвативъ его, готовъ былъ растерзать.

---

[1]) „Современникъ", 1855, XII, 284. На Кс. Полевого, за его инсинуаціи въ статьѣ о Пушкинѣ.

Но вождь мой удержалъ. „Вашъ гнѣвъ пѣвца обидитъ“,
Сказалъ: „стекайтеся, какъ прежде, совершать
Поэту память здѣсь и гробъ его вѣнчать,
А сей несчастный — пусть живетъ и видитъ!“

А. И. Подолинскій[1]).

Во время войны.

(Памяти Пушкина и Жуковскаго.)

Поэтовъ, мнѣ родныхъ, прославленныя тѣни!
Взошелъ великій день для вашихъ пѣснопѣній,
А вы безмолвны, вы подъ сѣнью гробовой...
О если бъ вы могли невидимой рукой
Моихъ коснуться струнъ съ волшебной вашей силой,
Высокихъ вашихъ чувствъ согрѣть ихъ теплотой,
Воспламенить нашъ духъ тревожный и унылый
И Русь съ конца въ конецъ на смертный двинуть бой.
Мольба напрасная!... Но тихо вашъ отвѣтъ
Шепнулъ моей душѣ Россіи мощный геній, —
Одинъ, всегда живой, предъ кѣмъ ничто поэтъ,
Кто правитъ тайною народныхъ помышленій,
И кто прочелъ давно во глубинѣ сердецъ,
Что на святой Руси, единствомъ чувства твердой,
Предъ полчищемъ враговъ рѣшительной и гордой,
На вызовъ славныхъ дѣлъ не надобенъ пѣвецъ! 1855.

Е. П. Гребенка[2]).

. . . .
Вотъ весенній вѣтеръ вѣетъ,
Чистъ и ясенъ сводъ небесъ,
И душисто зеленѣетъ
Молодой кудрявый лѣсъ;

---

[1]) Сочиненія, С.-Пб. 1860, стр. 219—220.
[2]) Сочиненія, Кіевъ 1862, 111.

Развернулся лугъ цвѣтами,
Зажурчалъ опять ручей,
И опять между кустами,
Будто Пушкина стихами,
Хвалитъ Бога соловей.
. . . .

Я. К. Гротъ[1]).

Царское Село.

Какъ чуденъ ты, пріютъ царей,
Въ красѣ садовъ твоихъ зеленыхъ
И ихъ озеръ и лебедей
Вокругъ чертоговъ золоченыхъ!
Но отчего жъ души моей
Знакомый видъ не услаждаетъ,
И весь твой блескъ волшебный въ ней
Одно унынье пробуждаетъ?
Брожу съ невольною тоской
Я по тропамъ уединеннымъ,
Когда-то славною стопой
Екатерины освященнымъ.
Стоите вы на зло годамъ,
Столпы, воздвигнутые ею
Во славу доблестнымъ вождямъ;
Предъ вами я благоговѣю,
Но мыслью грустною смущенъ:
Ищу, гдѣ памятникъ тотъ славный,
Который былъ сооруженъ
Другою волею державной, —
Вашъ младшій братъ, тотъ храмъ наукъ,
Который здѣсь задумалъ мирно
Екатерины кроткій внукъ?
Своей имперіи обширной

¹) *Гротъ*, Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники, С.-Пб. 1887, стр. 290—292. „Русская Бесѣда“, 1859, II, стр. 6—8.

Здѣсь онъ готовилъ новый свѣтъ
Подъ кровомъ самаго престола,
Чтобъ легче въ ней изгладить слѣдъ
Невѣдѣнья и произвола.
Гдѣ жъ этотъ храмъ, гдѣ нашъ Лицей?
Тамъ въ тишинѣ, вблизи къ природѣ,
Семья веселая друзей
Росла и зрѣла на свободѣ.
Какъ дружно мы, рука съ рукой,
Шли къ предназначенной намъ цѣли!
Какой любовію святой
Мы всѣ къ прекрасному горѣли!
Какъ вѣрный сынъ родной земли
Хранитъ отцовскія сказанья,
Мы, какъ святыню, берегли
Лицея милыя преданья,
И въ нихъ, какъ дорогой завѣтъ,
Сіялъ намъ образъ величавый:
То былъ безсмертный нашъ поэтъ
Въ лучахъ своей грядущей славы.
Тамъ отрокомъ игралъ онъ, тамъ
Онъ росъ, какъ богатырь народный,
Не по годамъ, а по часамъ,
А съ нимъ и стихъ его свободный.
Подъ сѣнью тѣхъ садовъ густыхъ,
Надъ тѣми свѣтлыми водами
Впервые чудный этотъ стихъ
Пропѣтъ былъ вѣщими устами.
Казалось, тамъ, гдѣ нашъ поэтъ
Прошелъ когда-то вдохновенный,
Не исчезалъ горячій слѣдъ,
Его ногой напечатлѣнный,
И въ тайномъ шорохѣ аллей
Еще жило какъ будто эхо
Его пророческихъ рѣчей,
Его ребяческаго смѣха.

И что же? Тамъ, гдѣ цвѣлъ Лицей
И жизнію кипѣлъ когда-то,
Гдѣ намъ давно минувшихъ дней
Воспоминанье было свято, —
Теперь и пусто, и мертво:
Въ родныхъ стѣнахъ не сохранилось
Отъ жизни прежней ничего.
Тѣнь Александра омрачилась!
Среди дряхлѣющихъ дворцовъ
Забытый храмъ стоитъ уныло
Безъ алтаря и безъ жрецовъ,
Какъ бы скорбя о томъ, что *было!* 1858.

Н. А. Некрасовъ[1]).

. . . .

„Чай, и счетъ потерялъ[2]) въ литераторахъ!
Коихъ помню — пожалуй, скажу,
При царицѣ, при трехъ императорахъ
Къ нимъ ходилъ... При четвертомъ хожу:
Зналъ Булгарина, Греча, Сенковскаго,
У Воейкова долго служилъ,
Въ шепелевскомъ[3]) сыпалъ у Жуковскаго
И у Пушкина въ Царскомъ[4]) гостилъ.
Походилъ я къ Василью Андреичу[5]),
Да гроша отъ него не видалъ,
Не чета Александру Сергѣичу —
Тотъ частенько на водку давалъ.
Да зато попрекалъ все цензурою:
Если красные встрѣтитъ кресты,

---

[1]) Стихотворенія, I, С.-Пб. 1879, стр. 279: О погодѣ, до сумерокъ.

[2]) Разсказъ ведется отъ лица „старинушки“—„разсыльнаго Миная съ корректурами“.

[3]) Дворецъ, гдѣ долго жилъ Жуковскій.

[4]) Царское Село, гдѣ живалъ Пушкинъ.

[5]) Жуковскому.

Такъ и пуститъ въ тебя корректурою:
„Убирайся, молъ, ты!“
Глядя, какъ человѣкъ убивается,
Разъ я молвилъ: „сойдетъ-де и такъ!“
— Это кровь, говоритъ, проливается, —
Кровь моя — ты дуракъ!...“ 1858—1859.

Апухтинъ[1]).

19 октября 1858.

(Памяти Пушкина.)

Я видѣлъ блескъ свѣчей, я слышалъ скрипокъ вой,
Но мысль была чужда напѣвамъ безтолковымъ,
И тѣнь забытая носилась предо мной
Въ своемъ величіи суровомъ.
Курчавымъ мальчикомъ, подъ сѣнь иныхъ садовъ
Вошелъ онъ въ первый разъ, исполненный смущенья:
Онъ помнилъ этотъ день среди своихъ пировъ,
Среди невзгодъ и заточенья.
Я вижу: дремлетъ онъ при свѣтѣ камелька,
Онъ только вѣтра свистъ да голосъ бури слышитъ;
Онъ плачетъ, онъ одинъ... и жадная рука
Привѣтъ друзьямъ далекимъ пишетъ.
Увы! гдѣ тѣ друзья? Увы! гдѣ тотъ поэтъ?
Невинной жертвою палъ трупъ его кровавый...
Пируйте жъ, юноши: его межъ вами нѣтъ,
Онъ не смутитъ васъ дерзкой славой!

Requiem[2]).

Куда сокрылись вы, друзья,
Краснорѣчивые, живые —
Родныхъ писателей семья,
Которыхъ вся прочла Россія:

---

[1]) „Кіевлянинъ“ 1880, № 127. „Современникъ“ 1859, XI, 221—222.
[2]) „Русская Правда“, Кіевъ 1860, стр. 105—106.

Лермонтовъ, Пушкинъ, Полевой,
Гребенка, Гоголь и Марлинскій,
Кольцовъ, Давыдовъ удалой
И ты, Евгеній Баратынскій?
На вѣчный отдыхъ прилегли,
Безъ всякаго лицепріятья,
Въ объятьяхъ матери земли
Усопшіе отцы и братья...
И не разбудитъ васъ ни шумъ
Журнальныхъ жаркихъ словопреній,
Ни порицанье вашихъ думъ,
Ни слава вашихъ пѣснопѣній!
Вамъ все равно: хвала иль брань,—
Смѣется публика, иль плачетъ...
Переступивши жизни грань,
Вамъ все ужъ кажется иначе...
Таинственно-святая даль!...
Другіе виды, отношенья!...
И, можетъ-быть, вамъ очень жаль
Вспоминать свои творенья...
Когда бъ вамъ нынѣ прочитать
Ихъ можно было въ корректурѣ...
Что было бы тогда? какъ знать?...
Бѣда была бъ литературѣ!...

Я. К. Гротъ[1]).

Памяти Пушкина.

Живемъ мы, дюжинные люди,
А генія давно ужъ нѣтъ,
И рвется тяжкій вздохъ изъ груди
При мысли о тебѣ, поэтъ!

---

[1]) *Гротъ*, Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники, С.-Пб. 1887, стр. 292—294. „Русскій Вѣстникъ“ 1861, IX, 300 слѣд.

Какъ скромный пиръ нашъ былъ бы громокъ,
Когда бъ тебя въ своемъ дому
Сегодня встрѣтилъ твой потомокъ,
И руку бъ ты пожалъ ему!
Но многіе ль на зовъ Лицея
И изъ товарищей твоихъ,
Душою снова молодѣя,
Сошлися въ память дней былыхъ?
О сколькихъ дѣдовъ, сколькихъ братій
Ужъ смерти ранній зовъ увлекъ
Изъ нашихъ дружескихъ объятій,
И сколькихъ жизненный потокъ!
И повторимъ мы стихъ поэта:
Кто не пришелъ? кого изъ насъ
Увлекъ мертвящій холодъ свѣта?
И чей умолкъ навѣки гласъ?
Онъ не пришелъ, пѣвецъ нашъ славный,
На нашъ полустолѣтній пиръ,
Чтобъ новой пѣснію заздравной
Вдругъ огласить весь русскій міръ.
О, какъ бы шли ему сѣдины!
Какъ былъ бы ясенъ и глубокъ
Подъ ними взоръ его орлиный,
И строгихъ думъ полетъ высокъ!
Какъ въ нашу странную эпоху,
Гдѣ вмѣстѣ съ жаждою добра
Мы видимъ мыслей суматоху,
Недостаетъ его пера!
Какъ онъ умѣлъ бы мѣткимъ словомъ
То разъяснить благую цѣль,
То въ пустозвонѣ безтолковомъ
Щелчкомъ разсѣять блажь и хмель;
Смирить надменнаго невѣжду,
Лжеца позоромъ заклеймить,
Иль у глупца отнять надежду
Законы міра измѣнить.

И въ пробужденный духомъ вѣка
Животрепещущій вопросъ:
Раба возвысить въ человѣка —
Какъ много свѣта онъ бы внесъ!
Но своенравенъ пылкій геній,
И страсть, источникъ огневой
Мятежныхъ сердца треволненій,
Грозила Пушкину бѣдой:
Властитель вдохновенный слова,
Онъ съ жизнію не совладалъ,
И отъ удара рокового
Какъ дубъ, сраженный молньей, палъ.
Одною съ нимъ судьбой отмѣченъ
Былъ имъ прославленный Лицей:
Онъ былъ, какъ ты, недолговѣченъ,
Пѣвецъ его начальныхъ дней!
Другой Лицей теперь пируетъ
Въ другихъ стѣнахъ; но помнитъ онъ
Все то, что прежній знаменуетъ;
Твоей онъ славой осѣненъ.
Благослови же, гость незримый,
Но здѣсь въ сердцахъ у всѣхъ живой,
Еще разъ твой Лицей родимый,
И старый вмѣстѣ, и младой!
Благослови, чтобъ цвѣлъ онъ сѣнью
Живой науки и труда,
Чтобъ скука съ праздностью и лѣнью
Ему осталася чужда;
Чтобъ старой жизни новой вѣтвью
Въ немъ молодежь для дѣлъ росла
И обновленному столѣтью
Плоды сторицей принесла! 1861.

Кн. П. А. Вяземскій.

Байронъ.

. . . .

Покойникъ былъ большой проказникъ,
Причудамъ не было конца.
Но что за шумъ былъ, что за праздникъ,
Когда раздастся пѣснь пѣвца!
Ея заслушивались страстно,
Съ ума сводилъ онъ цѣлый міръ,
Толпой игралъ онъ самовластно,
Ея и деспотъ, и кумиръ.
Нашъ вѣкъ, два поколѣнья наши
Имъ бредили. И старъ и младъ
Пилъ изъ его волшебной чаши
Струею сладкій медъ и ядъ.
Всѣ, кто растрепанный, кто блѣдный,
Въ *Корсары* лѣзъ, — но море гдѣ?
И, за неимѣньемъ моря, бѣдный
Барахтался въ своемъ прудѣ.
Съ нимъ каждый былъ суровъ и хладенъ,
Таинственъ и непостижимъ,
Разочарованъ, безпощаденъ,
И другъ людей, и нелюдимъ.
Борьба страстей и взоръ пытливый,
Чтобъ съ таинствъ всѣхъ покровъ совлечь,
И сердца вопль краснорѣчивый,
И саркастическая рѣчь:
Во всѣхъ романахъ и поэмахъ
Его клеймо носилъ герой, —
Все пѣснь его на разныхъ темахъ,
Все тѣ же краски и покрой.
И Пушкинъ, въ юности грѣховной
Къ нему поддѣлавшись, хромалъ,

Пока, не сбросивъ гнетъ условный,
Самъ твердымъ шагомъ зашагалъ.
А чуднымъ пламенемъ кипѣли
Тѣ незабвенные года!
Любили, вѣровали, пѣли
Жрецы прекраснаго труда;
Мечтой возвышенною жили
И, отрѣшась отъ узъ земныхъ,
Предъ чистымъ алтаремъ служили,
И чисты были жертвы ихъ.
Самонадѣянно, незрѣло
Рвалась, быть можетъ, молодежь,
Но сердце въ ней добромъ горѣло,
Прочь отженя корысть и ложь.
Все свѣтлое имъ было близко,
И все прекрасное сродни...
. . . . 1864.

Кн. П. А. Вяземскій.

Замѣтки.

Поэты стараго почета
Съ вершинъ своихъ сойти должны:
Намъ некогда, намъ не охота
Честить кумиры старины.
Ихъ наша молодая школа
Похоронила навсегда.
Вотъ перечень изъ протокола
Ея верховнаго суда:
„Нѣтъ — Пушкинъ не поэтъ народный,
Народности въ Жуковскомъ нѣтъ;
Ихъ стихъ, жеманный и холодный,
Родной струею не согрѣтъ.
Имъ нужно въ зыби идеальной
Искать къ прекрасному слѣда;

Природы ультра-натуральной
Имъ фотографія чужда.
Они брезгливы, недотроги,
И, чинно разбирая путь,
Боятся и запачкать ноги,
И палецъ въ омутъ обмокнуть.
Изъ захолустья сора, хламу
И дряни съ задняго двора
Они не сваливаютъ въ яму,
Какъ мы, лопаткою пера!
Аристократы, бѣлоручки,
Имъ только, чтобъ цвѣтки срывать,
Но жемчугъ средь навозной кучки
Чутьемъ пронюхать не подъ стать.
Пожалуй, братьямъ сострадая,
Они отъ скорби ихъ не прочь,
И, духъ ихъ павшій ободряя,
Готовы немощи помочь.
Они возвысить жизнь хотѣли,
Любовь къ прекрасному возжечь
И силой слова къ высшей цѣли
Толпу безумную привлечь.
Что жъ! Все реторики туманы!
Но не видать, чтобъ кто изъ нихъ
Цѣдилъ и кровь, и гной изъ раны
По каплямъ въ фельдшерскій свой стихъ;
Чтобъ всѐ, что̀ низко,—все, что̀ гнусно,
Что̀ отвратительно другимъ,
Особенно имъ было вкусно
И чѣмъ-то лакомо-роднымъ;
Чтобы развратомъ любовались,
Его возстановляя честь,
Чтобы въ грязи они купались,
Затѣмъ, что грязь въ природѣ есть.
Великосвѣтскихъ нравовъ узы
Ихъ мысли и полетъ гнетутъ,

Съ подбитымъ глазомъ пьяной музы
Они въ кабакъ не заведутъ.
Гдѣ жъ ихъ народность? Стихъ кроили
Не на родномъ они станкѣ,
Да и по-русски говорили
Не на ямщицкомъ языкѣ". 1864.

И. Завалишинъ[1]).

. . . .
Что за скромный крестъ, подъ сѣнью ивъ плакучихъ,
Надъ нимъ простершихся, виднѣетъ у стѣны
Въ святой обители? Чьихъ дней потокъ кипучій
Иль мирный ручеекъ прикрылъ онъ? Тишины
Иль бури скрытъ здѣсь слѣдъ? Кто хладною главой,
Приникши здѣсь къ землѣ, окончилъ путь земной?
О, преклонись съ мольбой надъ симъ крестомъ смиреннымъ!
Подъ нимъ нашъ Пушкинъ спитъ[2]), окончивъ бурный путь,
Застигнутый грозой и молніей сраженный
Дубъ у корня, въ тотъ мигъ, какъ вѣтви распахнуть
Сбирался надъ землей въ красѣ и силѣ. Бренный
И жалкій человѣкъ! Приди сюда взглянуть
На хладный черепъ сей, зарытый въ семъ пескѣ
И, какъ Гамлетъ спроси, „to be or not to be?" [3])
Пѣвцу лишь счастье есть въ души его святынѣ,
Незваный гость всегда онъ на пиру земномъ,
Онъ посреди людей бредетъ, какъ бы въ пустынѣ,
И нѣтъ мыслямъ его сочувствія ни въ комъ!
Хвалебный кликъ толпы суетной, милостыня
Однихъ, и злость другихъ... И всюду, и ни въ чемъ

[1]) Эпопея тысячелѣтія, М., 1866, стр. 64—65. „Самарскій Справочный Листокъ", 1880, № 109.

[2]) Пушкинъ убитъ на дуэли въ 1837 г. Онъ похороненъ въ Святогорскомъ Успенскомъ монастырѣ, въ 40 верстахъ отъ города Опочки (въ Псковской губерніи). Сія обитель основана въ 1569 г. *Авт.*

[3]) „Быть иль не быть?"

Той сердца теплоты, которая живитъ
И согрѣваетъ. Нѣтъ! Счастливѣй, кто молчитъ!
Но слава Господу! И Пушкинъ, незабвенный
Пророкъ грядущаго, ужъ статуи себѣ
За пѣсни дождался[1]), которыя безцѣнный
Кладъ для Россіи суть. Пройдя всю жизнь въ борьбѣ
Съ страстьми и временемъ, порою озаренный
Идеей будущихъ дней Руси и къ судьбѣ
Ея пытавшійся найти желанный ключъ,
Онъ жилъ то въ молніяхъ, то въ тяжкомъ мракѣ тучъ!...
За Святогорскою обителью, гдѣ нынѣ
Пѣвецъ Руслана спитъ, Шелонь сверкнула намъ
Струей лѣнивою...

. . . .

Кн. П. А. Вяземскій.

Проѣздомъ чрезъ Кишиневъ.

За поэтическую удаль
Пѣвцу показано за Прутъ;
Не зналъ онъ, навсегда ль, покуда ль,
Но зналъ, что въ Кишиневъ запрутъ.
Здѣсь, какъ Овидій, нашъ изгнанникъ
Заброшенъ былъ въ глухую даль;
Но року непослушный данникъ
Не хныкалъ онъ свою печаль.
Его тюремщикъ, добрый Инзовъ,
Отцомъ ему и другомъ былъ:
Хоть генералъ изъ разночинцевъ,
Но благородно поступилъ.
Честь воздадимъ ему по праву,
Что разгадалъ онъ въ шалунѣ

---

[1]) Подписка на сооруженіе статуи Пушкина открыта въ Россіи въ 1862 г. *Авт.*

Россіи будущую славу,
И не давилъ ея въ зернѣ.
И вотъ прослывшій *бѣсъ арабскій*,
Нашъ поэтическій пострѣлъ,
Невольный житель бессарабскій,
Здѣсь вольно жилъ и вольно пѣлъ.
Съ молвы стоустой Кишинева
Его стиховъ, его проказъ
Отъ одного въ уста другого
По всей Россіи шелъ разсказъ.
Его затверживали сразу,
И каждый шагъ, и каждый стихъ
Вносились, словно по заказу,
Въ легенду сплетней городскихъ.
Всѣмъ въ радость были эти гости:
Его цыганская артель,
И шутки мимолетной злости,
Такъ мѣтко трафившія въ цѣль.
Кто не любилъ его медвѣдя?
Кто, какъ Алеко, т.-е. онъ,
Въ его Земфиру, ею бредя,
Самъ не былъ по уши влюбленъ?
Онъ молодъ былъ! И слава Богу!
Не бойтесь, старость не уйдетъ,
Когда съ житейскаго порогу
Смерть спозаранку не столкнетъ.
Тогда была пора иная,
Пора веселій и любви,
И знала юность удалая,
Что есть огонь въ ея крови.
Тогда въ волненьи лихорадки
Бывала юность молода,
Хоть въ комъ и чуялись задатки
Въ свой часъ грядущаго труда.
Кипучей силою сочились
Тѣ упоительные дни,

Но послѣ сухо отрезвились,
Какъ хмель остывшій, и они.

. . . .
. . . .

О, Пушкинъ! Подъ удушьемъ прозы
Свой міръ не распозналъ бы ты:
Утилитарности морозы
Побили прежніе цвѣты.
Тебя ищу я въ Кишиневѣ,
И въ Петербургѣ я ищу:
Но мѣсто пусто, жизнь суровѣй,
И *бывшій о быломъ грущу.*
Для прежней жизни вѣкъ нашъ жутокъ,
Весь міръ — все тотъ же Кишиневъ:
Нѣтъ Пушкинскихъ стиховъ, ни шутокъ,
Ни геніальныхъ шалуновъ. 1867.

Кн. П. А. Вяземскій[1]).

Бахчисарай.

. . . .

Вотъ стѣны темнаго гарема!
Отъ страстныхъ думъ не отрѣшась,
Еще здѣсь носится Зарема,
Загробной ревностью томясь.
Она еще простить не можетъ
Младой соперницѣ своей,
И тѣнь ея еще тревожитъ
Живая скорбь минувшихъ дней.
Невольной роковою страстью
Несется тѣнь ея къ мѣстамъ,
Гдѣ жадно предавалась счастью
И сердца ненадежнымъ снамъ, —
Гдѣ такъ любила, такъ страдала,

1) „Складчина“, С.-Пб. 1874, стр. 5—7.

Гдѣ, на любовь ея въ отвѣтъ,
Любви измѣна и опала
Ее скосили въ цвѣтѣ лѣтъ...
Во дни счастливыхъ вдохновеній
Тревожно посѣтилъ дворецъ
Страстей сердечныхъ и волненій
Самъ и страдалецъ и пѣвецъ.
Онъ слушалъ съ трепетнымъ вниманьемъ,
Рыданьемъ прерванный не разъ
И дышащій еще страданьемъ,
Печальный повѣсти разсказъ.
Онъ понялъ раздраженной тѣни
Любовь, познавшую обманъ,
Ея и жалобы и пени,
И боль неисцѣлимыхъ ранъ.
Предъ нимъ Зарема и Марія —
Сковала ихъ судьбы рука —
Грозы двѣ жертвы роковыя,
Два опаленные цвѣтка.
Онъ плакалъ надъ Маріей бѣдной:
И образъ узницы младой,
Тоской измученный и блѣдный,
Но свѣтлый чистой красотой,
И непорочность и стыдливость
На дѣвственномъ ея челѣ,
И безутѣшная тоскливость
По милой и родной землѣ,
Ея молитва предъ иконой,
Чтобы отъ гибели и зла
Небесъ Царица обороной
И огражденьемъ ей была —
Все понялъ онъ! Ему не ново
И вчужѣ сознавать печаль,
И пояснять намъ слово въ слово
Сердечной повѣсти скрижаль.
Маріи дѣвственныя слезы,

Какъ чистый жемчугъ, онъ собралъ,
И свѣжій кипарисъ и розы
Въ вѣнокъ посмертный ей связалъ.
Но вмѣстѣ и Заремы гнѣвной
Любилъ онъ ревность, страстный пылъ,
И отголосокъ задушевный
Въ себѣ ихъ воплямъ находилъ.
И въ немъ борьба страстей кипѣла,
Душа и въ немъ отъ юныхъ лѣтъ
Страдала, плакала и пѣла, —
И подъ грозой созрѣлъ поэтъ.
Онъ передалъ намъ вѣщимъ словомъ
Всѣ впечатлѣнія свои,
Все, что прозрѣлъ онъ за покровомъ,
Который скрылъ былые дни.
Тѣнь и его здѣсь грустно бродитъ,
И онъ, нашъ Данте молодой,
И насъ по царству тѣней водитъ,
Даруя образъ имъ живой.
Подъ плескъ фонтана сладкозвучный
Здѣсь плачется его напѣвъ,
И онъ сопутникъ неразлучный
Младыхъ бахчисарайскихъ дѣвъ. 1867.

Кн. П. А. Вяземскій.

Кн. А. М. Горчакову.

. . . .

Поэзія въ нашъ вѣкъ — поблекшее преданье:
Цвѣтокъ увялъ, но есть еще благоуханье.
Немногимъ избраннымъ дается сознавать
И святость свѣтлыхъ думъ, и пѣсней благодать.
Но алтарей ужъ нѣтъ: низвержены кумиры,
И струны сорваны съ священно-вѣщей лиры.
Рапсодамъ мѣста нѣтъ, но въ очередь свою

Перо вливаетъ въ насъ поэзіи струю.
Перо священствуетъ и поучаетъ смѣло,
И съ Пушкинымъ оно въ садахъ лицейскихъ пѣло,
И умиляло насъ, и волновало грудь,
Изъ тѣсныхъ рамъ земныхъ намъ разрѣшая путь
Въ обѣтованный міръ духовнаго простора,
Гдѣ съ мыслью строгой нѣтъ у чувства перекора,
Гдѣ, обновляясь, жизнь въ святынѣ красоты
Мирится съ истиной подъ вымысломъ мечты.
. . . . 1867.

Памятнику А. С. Пушкина[1]).

Exegi monumentum. *Горацій.*
Я памятникъ воздвигъ себѣ нерукотворный. *Пушкинъ.*

Родное сердцу объявленье!...
Готовятъ *памятникъ* въ Москвѣ
Тому, чьи дивныя творенья
Въ народной не умрутъ молвѣ —
Изъ всѣхъ любимому *поэту*
И, впрямь, свѣтилу изъ свѣтилъ,
Что былъ въ Москвѣ дарованъ свѣту,
Что самъ Москву душой любилъ,
О ней тепло такъ говорилъ:
„Ахъ, братцы! какъ я былъ доволенъ,
Когда церквей и колоколенъ,
Садовъ, чертоговъ полукругъ
Открылся предо мною вдругъ!
Какъ часто въ горестной разлукѣ
Въ моей блуждающей судьбѣ,
Москва, я думалъ о тебѣ!
Москва... какъ много въ этомъ звукѣ

---

1) С.-Пб. 1871, стр. 1–7.

Для сердца русскаго слилось,
Какъ много въ немъ отозвалось!“ [1])
О Пушкинъ, Пушкинъ незабвенный,
Хвала и честь родной землѣ!...
Увидимъ мы твой ликъ безцѣнный
На высотахъ Москвы, въ Кремлѣ!...
Тебѣ, пѣвцу отчизны славной,
И славѣ русскаго пера
Пріютъ подъ сѣнію державной
Первопрестольнаго двора,
Гдѣ теремъ царскій знаменитый,
Гдѣ колокольня-богатырь,
Гдѣ вѣетъ древностью маститой
Смиренный Чудовъ монастырь,
Гдѣ Вознесенская обитель
Безмолвныхъ инокинь стоитъ,
И гдѣ Москвы пришлецъ и житель
Не налюбуется на видъ —
Роскошный видъ Замоскварѣчья,
Которому подобныхъ нѣтъ!...
Въ Москвѣ... въ Кремлѣ, безъ разнорѣчья,
Увѣковѣчится поэтъ,
Какъ въ самомъ сердцѣ русской славы,
Межъ храмовъ Божьихъ и дворцовъ,—
Въ оградѣ царской, величавой,
Съ каймою башенъ и зубцовъ!...
Заранѣе беретъ охота —
Въ Москву и въ Кремль ея святой,—
Съ непокровенной головой
Проѣхать въ Спасскія ворота
И памятникъ увидѣть твой,
Отрада юности и дѣтства,
И зрѣлыхъ, и преклонныхъ лѣтъ,
Для всѣхъ оставившій наслѣдство,
Неподражаемый поэтъ!...

[1]) „Евг. Онѣг.“ гл. 7, строфа 36.

Да! Всѣ твои произведенья —
Во всѣхъ родахъ — равно полны
Ума и мысли и значенья —
Достоинству ихъ нѣтъ цѣны!...
Кого изъ насъ не восхищали
И впредь не будутъ восхищать
Твоей поэзіи скрижали?...
На нихъ нетлѣнія печать!...
Твои безсмертныя творенья
Лучами генія горятъ
И умъ читателя живятъ
Волшебной силой пѣснопѣнья!
На всероссійскомъ ты раздольѣ —
Своимъ чарующимъ стихомъ -
Въ какомъ углу, въ какой юдоли,
Кому не сдѣлался знакомъ,
Гдѣ не оставилъ громкой славы?...
Твоя *Людмила и Русланъ,*
Твои *Цыганы и Полтава,*
Бахчисарайскій твой *фонтанъ*
И твой *Онѣгина* романъ,
Въ которомъ *триста девяносто*
Пера плѣнительнаго строфъ.
Набросанныхъ легко и просто —
Краса ихъ выше всякихъ словъ!...
А *Плѣнникъ* твой, а *Всадникъ мѣдный,*
Гдѣ ты являешь намъ Петра...
На берегу пустынныхъ волнъ
Стоялъ онъ думъ великихъ полнъ...
А гласъ *Клеветникамъ* побѣдный!...
Теперь твоя пришла пора,
Часъ воздаянія насталъ!...
Вездѣ — *отъ Перми до Тавриды,*
И вплоть *до пламенной Колхиды,*
Отъ потрясеннаго Кремля
До стѣнъ недвижнаго Китая,

Тебя, твои стихи читая,
Вся знаетъ *русская земля,*
И вся съ душевной ждетъ отрадой
И съ благодарностью къ судьбѣ,
Чтобъ *всенародною наградой*
Былъ созданъ *памятникъ тебѣ!...*
Итакъ, *ты не умрешь: душа въ завѣтной лирѣ*
Твой прахъ переживетъ и тлѣнья убѣжитъ —
И будешь славенъ ты во всемъ подлунномъ мірѣ,
Съ отчизною ничто тебя не разлучитъ:
Гдѣ бъ ни былъ *памятникъ* великаго *поэта —*
Народная тропа къ нему не зарастетъ...
Любимому пѣвцу имперіи полсвѣта
Всегда признателенъ останется народъ!...
Слухъ о тебѣ пройдетъ по всей Руси великой,
И назоветъ тебя всякъ сущій въ ней языкъ:
И гордый внукъ славянъ и финнъ, и нынѣ дикій
Тунгузъ, и другъ степей калмыкъ.
И будешь ты всегда народу тѣмъ любезенъ,
Что чувства добрыя въ немъ лирой пробуждалъ,
Что прелестью живой стиховъ былъ всѣмъ полезенъ,
И милость къ падшимъ призывалъ.
Такъ оправдается твое стихотворенье
На *Памятникъ*. Въ немъ есть еще одинъ куплетъ,
Гдѣ музѣ ты своей и всѣмъ далъ наставленье,
Изъ жизни опытной спасительный совѣтъ:
Велѣнью Божію, о муза, будь послушна!
Обиды не страшись, не требуй и вѣнца;
Хвалу и клевету пріемли равнодушно
И не оспаривай глупца.
Совѣтъ поистинѣ премудрый, благотворный!
Ты самъ не требовалъ: прійми жъ отъ насъ вѣнецъ —
Вѣнецъ таинственный, вѣнецъ нерукотворныи,
Сплетаемый изъ чувствъ признательныхъ сердецъ!...
Но нѣтъ! Твой памятникъ вполнѣ украшенъ будетъ
Тобой, однимъ тобой!... Сомнѣнья нѣту въ томъ,

Что геній твой надъ нимъ невидимо пребудетъ
Неувядаемымъ безсмертія вѣнкомъ!...
И русскій, подойдя, москвичъ иль житель дальній,
Смотря на памятникъ, душой произнесетъ:
„Вотъ славный нашъ поэтъ, пѣвецъ нашъ геніальный!“
И имя Пушкина съ любовью назоветъ. 1871

Н. А. Некрасовъ[1]).

Русскія женщины (Княгиня М. Н. Волконская).

. . . .
. . . Что было въ Москвѣ повиднѣй,
Что въ ней мимоѣздомъ гостило,
Все вечеромъ съѣхалось къ Зинѣ моей[2]).
Артистовъ тутъ множество было,
Пѣвцовъ-итальянцевъ тутъ слышала я,
Что были тогда знамениты,—
Отца моего сослуживцы, друзья
Тутъ были, печалью убиты, -
Тутъ были родные ушедшихъ туда,
Куда я сама торопилась[3]),
Писателей группа, любимыхъ тогда
Со мной дружелюбно простилась:
Тутъ былъ и Одоевскій, Вяземскій; былъ
Поэтъ вдохновенный и милый,
Поклонникъ кузины, что рано почилъ,
Безвременно взятый могилой[4]).
И Пушкинъ тутъ былъ... Я узнала его...
Онъ другомъ былъ нашего дѣтства,

---

[1]) „Полное собраніе стихотвореній“, С.-Пб. 1884, стр. 220—222.

[2]) Разсказъ ведется отъ лица кн. М. Н. Волконской, жены декабриста; Зина — знаменитая кн. Зинаида Волконская, центръ литературнаго кружка, въ которомъ вращались: Пушкинъ, кн. Вяземскій, Веневитиновъ, Мицкевичъ и мн. другіе.

[3]) Въ Сибирь.

[4]) Веневитиновъ.

Въ Юрзуфѣ онъ жилъ у отца моего.
Въ ту пору проказъ и кокетства
Смѣялись, болтали мы, бѣгали съ нимъ,
Бросали другъ въ друга цвѣтами.
Все наше семейство поѣхало въ Крымъ,
И Пушкинъ отправился съ нами.
Мы ѣхали весело. Вотъ, наконецъ,
И горы, и Черное море!
Велѣлъ постоять экипажамъ отецъ,
Гуляли мы тутъ на просторѣ.
Тогда уже былъ мнѣ шестнадцатый годъ.
Гибка, высока не по лѣтамъ,
Покинувъ семью, я стрѣлою впередъ
Умчалась съ курчавымъ поэтомъ;
Безъ шляпки, съ распущенной длинной косой,
Полуденнымъ солнцемъ палима,
Я къ морю летѣла, — и былъ предо мной
Видъ южнаго берега Крыма!
Я радостнымъ взоромъ глядѣла кругомъ,
Я прыгала, съ моремъ играла;
Когда удалялся приливъ, я бѣгомъ
До самой воды добѣгала,
Когда же приливъ возвращался опять,
И волны грядой подступали,
Отъ нихъ я спѣшила назадъ убѣжать,
А волны меня настигали!...
И Пушкинъ смотрѣлъ... и смѣялся, что я
Ботинки мои промочила:
„Молчите! идетъ гувернантка моя!"
Сказала я строго... (Я скрыла,
Что ноги промокли)... Потомъ я прочла
Въ „Онѣгинѣ" чудныя строки.
Я вспыхнула вся — я довольна была...
Теперь я стара, такъ далеки
Тѣ красные дни! Я не буду скрывать,
Что Пушкинъ въ то время казался

Влюбленнымъ въ меня... но, по правдѣ сказать,
Въ кого онъ тогда не влюблялся!
Но, думаю, онъ не любилъ никого
Тогда, кромѣ музы: едва ли
Не больше любви занимали его
Волненья ея и печали...
Юрзуфъ живописенъ: въ роскошныхъ садахъ
Долины его потонули,
У ногъ его море, вдали Аю-дагъ...
Татарскія хижины льнули
Къ подножію скалъ; виноградъ выбѣгалъ
На кручу лозой отягченной,
И тополь мѣстами недвижно стоялъ
Зеленой и стройной колонной.
Мы заняли домъ подъ нависшей скалой,
Поэтъ наверху пріютился, —
Онъ намъ говорилъ, что доволенъ судьбой,
Что въ море и горы влюбился.
Прогулки его продолжались по днямъ
И были всегда одиноки,
Онъ у моря часто бродилъ по ночамъ.
По-англійски бралъ онъ уроки
У Лены, сестры моей: Байронъ тогда
Его занималъ чрезвычайно.
Случалось сестрѣ перевесть иногда
Изъ Байрона что-нибудь — тайно;
Она мнѣ читала попытки свои,
А послѣ рвала и бросала.
Но Пушкину кто-то сказалъ изъ семьи,
Что Лена стихи сочиняла:
Поэтъ подобралъ лоскутки подъ окномъ
И вывелъ все дѣло на сцену.
Хваля переводы, онъ долго потомъ
Конфузилъ несчастную Лену...
Окончивъ занятья, спускался онъ внизъ
И съ нами дѣлился досугомъ.

У самой терассы стоялъ кипарисъ,
Поэтъ называлъ его другомъ,
Подъ нимъ заставалъ его часто разсвѣтъ,
Онъ, съ нимъ, уѣзжая, прощался...
И мнѣ говорили, что Пушкина слѣдъ
Въ туземной легендѣ остался:
Къ поэту леталъ соловей по ночамъ,
Какъ въ небо луна выплывала,
И вмѣстѣ съ поэтомъ онъ пѣлъ — и, пѣвцамъ
Внимая, природа смолкала!
Потомъ соловей — повѣствуетъ народъ —
Леталъ сюда каждое лѣто:
И свищетъ, и плачетъ, и словно зоветъ
Къ забытому другу поэта!
Но умеръ поэтъ прилетать пересталъ
Пернатый пѣвецъ... Полный горя,
Съ тѣхъ поръ кипарисъ сиротою стоялъ,
Внимая лишь ропоту моря...
Но Пушкинъ надолго прославилъ его:
Туристы его навѣщаютъ,
Садятся подъ нимъ и на память съ него
Душистыя вѣтки срываютъ...
Печальна была наша встрѣча. Поэтъ
Подавленъ былъ истиннымъ горемъ.
Припомнилъ онъ игры ребяческихъ лѣтъ
Въ далекомъ Юрзуфѣ, надъ моремъ.
Покинувъ привычный насмѣшливый тонъ,
Съ любовью, съ тоской безконечной,
Съ участіемъ брата напутствовалъ онъ
Подругу той жизни безпечной!
Со мной онъ по комнатѣ долго ходилъ,
Судьбой озабоченъ моею.
Я помню, родные, что онъ говорилъ,
Да такъ передать не сумѣю:
„Идите, идите! Вы сильны душой,
Вы смѣлымъ терпѣньемъ богаты;

Пусть мирно свершится вашъ путь роковой,
Пусть васъ не смущаютъ утраты!
Повѣрьте, душевной такой чистоты
Не стоитъ сей свѣтъ ненавистный!
Блаженъ, кто мѣняетъ его суеты
На подвигъ любви безкорыстной!
Что свѣтъ? опостылѣвшій всѣмъ маскарадъ!
Въ немъ сердце черствѣетъ и дремлетъ,
Въ немъ царствуетъ вѣчный, разсчитанный хладъ
И пылкую правду объемлетъ...
Вражда умирится вліяньемъ годовъ,
Предъ временемъ рухнетъ преграда,
И вамъ возвратятся пенаты отцовъ
И сѣни домашняго сада!
Цѣлебно вольется въ усталую грудь
Долины наслѣдственной сладость,
Вы гордо оглянете пройденный путь
И снова узнаете радость.
Да, вѣрю! не долго вамъ горе терпѣть,
Гнѣвъ царскій не будетъ же вѣчнымъ...
Но если придется въ степи умереть,
Помянутъ васъ словомъ сердечнымъ:
Плѣнителенъ образъ отважной жены,
Явившей душевную силу,
И въ снѣжныхъ пустыняхъ суровой страны
Сокрывшейся рано въ могилу!
Умрете, но вашихъ страданій разсказъ
Поймется живыми сердцами,
И за-полночь правнуки ваши о васъ
Бесѣды не кончатъ съ друзьями.
Они имъ покажутъ, вздохнувъ отъ души,
Черты незабвенныя ваши,
И въ память прабабки, погибшей въ глуши,
Осушатся полныя чаши!...

. . . .

Но что я?... Дай Богъ вамъ здоровья и силъ

А тамъ и увидѣться можно:
Мнѣ царь „Пугачева" писать поручилъ,
Пугачъ меня мучитъ безбожно,
Расправиться съ нимъ я на славу хочу,
Мнѣ быть на Уралѣ придется.
Поѣду весной, поскорѣй захвачу
Что путнаго тамъ соберется,
Да къ вамъ и махну, переѣхавъ Уралъ..."
Поэтъ написалъ „Пугачева",
Но въ дальніе наши снѣга не попалъ.
Какъ могъ онъ сдержать это слово?
. . . . 1871—2.

А. А. Фетъ[1]).

Къ памятнику Пушкина.

Свободнаго стиха прославленный творецъ!
Услышана твоя молитва, другъ народа:
По манію царя взошла заря-свобода,
И солнце озаритъ твой бронзовый вѣнецъ!

А. Лонгиновъ[2]).

19 октября 1875 года.

(Памяти Пушкина.)

Стеклись друзья на пиръ осенній
Во имя братства и любви...
Явись же ты, нашъ свѣтлый геній,
И праздникъ нашъ благослови.
Скажи свое святое слово,
Пусть твой восторженный привѣтъ
Насъ вдохновитъ на подвигъ новый...
Дай увѣнчать тебя, поэтъ!

[1]) „Заря", 1872, I, стр. 250.
[2]) „Кіевлянинъ", 1880, № 127. „Русскій Вѣстникъ", 1875, X, 718.

Но нѣтъ его. То вопль безсильный,
Давно умолкъ родной пѣвецъ...
Туда, гдѣ холмъ его могильный,
Мы понесемъ его вѣнецъ, —.
И тамъ, безмолвною толпою
Склонясь на камнѣ гробовомъ,
Молитвой теплой и слезою
Тебя мы, Пушкинъ, помянемъ.

А. Н. Майковъ[1]).

Ваятелю.

(Что долженъ выражать памятникъ Пушкину?)

Изобрази ты въ немъ — поэта,
Чтобъ — въ царствѣ мысли царь — онъ былъ
Исполненъ внутренняго свѣта,
Да имъ и насъ бы охватилъ!

---

1) „Кругозоръ", 1876, I, стр. 1.

Отдѣлъ IV.

1880 г.

А. М. Жемчужниковъ.

Памятникъ Пушкину.

Изъ вольныхъ мысли сферъ къ намъ вѣтеръ потянулъ
Въ міръ душный чувствъ нѣмыхъ и думъ, объятыхъ
тайной;
Въ честь слова на Руси, какъ колокола гулъ,
Пронесся къ торжеству призывъ необычайный.
И рады были мы увидѣть ликъ пѣвца,
Въ комъ духа русскаго живутъ краса и сила;
Великолѣпная фигура мертвеца
Насъ, жизнь влачащихъ, оживила.
Теперь узналъ я все, что̀ тамъ произошло.
Хоть не было меня на праздникѣ народномъ,
Но сердцемъ былъ я съ тѣмъ, кто честно и свѣтло,
Кто рѣчью смѣлою и разумомъ свободнымъ
Поэту памятникъ почтилъ въ стѣнахъ Москвы;
И пусть бы онъ въ толпѣ хвалы не вызвалъ шумной,
Лишь былъ привѣта бы достоинъ этой умной,
Къ нему склоненной головы.
Но конченъ праздникъ... Что жъ! гость пушкинскаго
пира
Въ грязь жизни нашей вновь ужель сойти готовъ?
Мнѣ дѣло не до нихъ, дѣтей суровыхъ міра,
Сказавшихъ напрямикъ, что имъ не до стиховъ,
Пока есть на землѣ бѣднякъ, просящій хлѣба.

Такъ пахарь-труженикъ, желающій дождя,
Не станетъ пѣть, въ пыли за плугомъ вслѣдъ идя,
Красу безоблачнаго неба.
Я спрашиваю васъ, цѣнители искусствъ:
Откройтесь же и вы, какъ тѣ, безъ отговорокъ.
Вотъ ты хоть, напримѣръ, отборныхъ полный чувствъ,
Въ комъ тонкій вкусъ развитъ, кому такъ Пушкинъ
дорогъ;
Ты, въ комъ рождаютъ пылъ возвышенной мечты
Стихи и музыка, статуя и картина,—
Но до сѣдыхъ волосъ лишь въ чести гражданина
Не усмотрѣвшій красоты.
Или вотъ ты еще... Но васъ теперь такъ много,
Насъ поучающихъ прекрасному писакъ!
Вы совѣсть, родину, науку, власть и Бога
Кладете подъ перо и пишете вы такъ,
Какъ удержалъ бы стыдъ писать порою прошлой...
Но нашъ читатель добръ: онъ ужъ давно привыкъ,
Чтобы языкъ родной, чтобъ Пушкина языкъ
Звучалъ такъ подло и такъ пошло.
Вы всѣ, въ комъ такъ любовь къ отечеству сильна,
Любовь, которая все лучшее въ немъ губитъ,—
И хочется сказать, что въ наши времена
Тотъ — честный человѣкъ, кто родину не любитъ...
И ты особенно, кѣмъ дышитъ клевета,
И чья такая жъ роль въ событьяхъ свѣтлыхъ міра,
Какъ рядомъ съ дѣйствіемъ высокимъ у Шекспира
Роль злая мрачнаго шута...
О, докажите же, разсѣявъ всѣ сомнѣнья,
Что славный тризны день въ васъ вызвалъ честь и стыдъ!
И смолкнутъ голоса укора и презрѣнья,
И будетъ старый грѣхъ отпущенъ и забытъ...
Но если низкая еще васъ гложетъ злоба,
И мигъ раскаянья исчезнулъ безъ слѣда,—
Пусть васъ народная преслѣдуетъ вражда,
Вражда безъ устали до гроба!

1880.

А. Н. Яхонтовъ[1]).

Памяти Пушкина.

Ты въ сердцѣ родины увидѣлъ Божій свѣтъ,
И памятникъ тебѣ въ томъ сердцѣ создается:
Ты слышишь ли, какой оно любовью бьется
Къ тебѣ, родной, народный нашъ поэтъ?

* * *

За чуждымъ свѣточемъ мы шли тропою узкой,
Но смѣло поднялъ ты свободное чело,
И путь открылъ иной: въ потокѣ жизни русской
Твой духъ обрѣлъ широкое русло.

* * *

Ты, къ матери-землѣ припавши чуткимъ ухомъ,
Услышалъ мощные, живые звуки въ ней,
И Русь проникнулась твоимъ могучимъ духомъ:
Ты далъ сознанье силы ей.

* * *

Далеко жизненной волной тебя взметало:
„И свѣтъ не пощадилъ, и рокъ тебя не спасъ!“[2])
Ты палъ съ свинцомъ въ груди въ неотвратимый часъ...
Въ Россіи Пушкина не стало!

* * *

Чего не досказалъ родимой ты странѣ?
Кто знаетъ: пламенемъ души твоей согрѣты,
Какія волны думъ осталися на днѣ,
Какія пѣсни не допѣты?

* * *

---

[1]) Стихотворенія, С.-Пб., 1884, стр. 229—230.
[2]) Слова Лермонтова.

Безмолвно тамъ въ землѣ покоится твой прахъ,
Гдѣ ты въ изгнаньи жилъ, свой подвигъ совершая.
Но пѣснь твоя слышна отъ края и до края,
Въ равнинахъ, дебряхъ и горахъ.

* * *

Благословенъ глаголъ души твоей свободной!
Онъ въ сердцѣ русскаго безслѣдно не замретъ,
Онъ будитъ въ насъ любовь и помыслъ благородный,
Онъ къ жизни духа насъ зоветъ!

* * *

Въ великую пору народной жизни новой
Твой — въ сердцѣ каждаго запечатлѣнный — ликъ,
На лонѣ матери-Москвы семивѣко́вой,
Народной волею возникъ.

* * *

Онъ вѣченъ — времени законамъ непокорный —
И вторитъ за тобой несмѣтная толпа:
„Ты памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный,
Къ нему не зарастетъ народная тропа!“

А. Н. Плещеевъ.

Памяти А. С. Пушкина.

Да здравствуетъ солнце, да скроется тьма!
Пушкинъ.

Пока надеждою горимъ,
Пока сердца для чести живы,
Мой другъ, отчизнѣ посвятимъ
Души прекрасные порывы!
Пушкинъ.

Мы чтить тебя привыкли съ юныхъ лѣтъ,
И дорогъ намъ твой образъ благородный.
Ты рано смолкъ, но въ памяти народной
Ты не умрешь, возлюбленный поэтъ!

Безсмертенъ тотъ, чья муза до конца
Добру и красотѣ не измѣняла;
Кто волновать умѣлъ людей сердца
И въ нихъ будить стремленье къ идеалу;
Кто сердцемъ чистъ средь пошлости людской,
Средь лжи кто вѣренъ правдѣ оставался,
И кто берегъ ревниво свѣточъ свой,
Когда на міръ унылый мракъ спускался.
И все еще горитъ намъ свѣточъ тотъ,
Все геній твой пути намъ освѣщаетъ:
Чтобъ духомъ мы не пали средь невзгодъ, —
О красотѣ и правдѣ онъ вѣщаетъ.
Всѣ лучшіе порывы посвятить
Отчизнѣ ты зовешь насъ изъ могилы;
Въ продажный вѣкъ, вѣкъ лжи и грубой силы
Зовешь добру и истинѣ служить.
Вотъ почему, возлюбленный поэтъ,
Такъ дорогъ намъ твой образъ благородный;
Вотъ почему неизгладимый слѣдъ
Тобой оставленъ въ памяти народной! 1880.

Я. П. Полонскій.

А. С. Пушкинъ.

I.

Пушкинъ, это — возрожденье
Русской музы, воплощенье
Нашихъ трезвыхъ думъ и чувствъ,
Это — незапечатлѣнный
Ключъ поэзіи, священный
Въ свѣтлой области искусствъ.
Это — эллиновъ стремленье
Къ красотѣ и лицезрѣнье
Ихъ божествъ безъ покрывалъ.
Это — голосъ Немезиды,

Это — дѣвы Эвмениды
Окровавленный кинжалъ[1]).
Это — вѣщаго баяна
Струнный говоръ, свистъ Руслана..
И русалокъ голоса...
Это — арфа серафима,
Въ часъ, когда душа палима
Жаждой вѣры въ небеса.
Это — старой няни сказка,
Это — молодости ласка,
Огонекъ въ степной глуши...
Это — слезы умиленья...
Это — смутное влеченье
Вѣчно жаждущей души...

II.

Свой въ столицахъ, на пирушкѣ,
Въ саклѣ, въ таборѣ, въ лачужкѣ,
Пушкинъ чуткою душой
Слышитъ друга голосъ дальній —
Пѣсню Грузіи печальной,
Бредъ цыганки кочевой...
Слышитъ крикъ орла призывный,
Слышитъ ропотъ заунывный
Океана въ бурной мглѣ,
Видитъ небо безъ лазури
И, — что̀ краше волнъ и бури, —
Видитъ дѣву на скалѣ...
Знаетъ горе намъ родное,
И разгулье удалое,
И сердечную тоску...
Но не падаетъ усталый

---

[1]) Онъ пѣлъ Маратовымъ жрецамъ
Кинжалъ и дѣву Эвмениду...

И какъ путникъ запоздалый,
Самъ стучится къ мужику.
Ничего не презирая,
Въ дымныхъ избахъ изучая
Духъ и складъ родной страны,
Чуя русской жизни трепетъ,
Пушкинъ — правды первый лепетъ,
Первый проблескъ старины...

III.

Пушкинъ — это эхо славы
Отъ Кавказа до Варшавы,
Отъ Невы до всѣхъ морей.
Это — сѣятель пустынный,
Другъ свободы, неповинный
Въ лжи и злобѣ нашихъ дней.
Это — генiй, все любившiй,
Все въ самомъ себѣ вмѣстившiй —
Сѣверъ, Западъ и Востокъ...
Это — тотъ „ничтожный мiра“,
Чтò, когда бряцала лира,
Жегъ сердца намъ, какъ пророкъ.
Это — врагъ гордыни праздной,
Въ жертву сплетни неотвязной
Свѣтомъ преданный, — враждой,
Словно тернiемъ, повитый,
Оскорбленный и убитый
Святотатственной рукой...
Поэтическiй Мессiя
На Руси, онъ, какъ Россiя, —
Всеобъемлющъ и великъ...
Нынѣ мы поэта славимъ —
И на пьедесталѣ ставимъ
Прославляющiй насъ ликъ...

1880.

А. Н. Майковъ.

Пушкину.

Русь сбирали и скрѣпляли
И ковали броню ей
Всѣхъ чиновъ и званій люди
Подъ рукой ея царей;
Люди Божьи, проникая
Въ глушь и дикія мѣста,
Въ духъ народный насаждали
Образъ чистаго Христа...
Что жъ взойдетъ на общей нивѣ?...
Русь ужъ многое дала,
Въ царство выросши подъ сѣнью
Византійскаго орла...
Что взойдетъ? Виссонъ и злато
Только мелкихъ душъ кумиръ!
Лишь созданья духа вѣчны,
Вѣченъ въ нихъ живущій міръ;
Не пройдутъ вовѣкъ побѣды
Въ свѣтломъ царствѣ красоты,
Звуки пѣсенъ полны правды
И сердечной чистоты...
Пушкинъ! ты въ своихъ созданьяхъ
Первый намъ самимъ открылъ,
Что̀ таится въ духѣ русскомъ
Глубины и свѣжихъ силъ!
Во всеміромъ Пантеонѣ
Твой уже воздвигся ликъ;
Ужъ тебя честитъ и славитъ
Всякъ народъ и всякъ языкъ, —
Но, юнѣйшіе въ народахъ,
Мы, узнавшіе себя
Въ первый разъ въ твоихъ твореньяхъ,
Мы привѣтствуемъ тебя —

Нашу гордость — какъ задатокъ
Тѣхъ чудесъ, что, можетъ-быть,
Намъ въ расцвѣтѣ нашемъ полномъ
Суждено еще явить!

Гр. А. А. Голенищевъ-Кутузовъ[1]).

27 мая 1880 года.

Въ расцвѣтѣ силъ, ума и вдохновенья,
Съ неконченною пѣсней на устахъ,
Могучій сынъ больного поколѣнья —
Онъ палъ въ борьбѣ, онъ былъ низвергнутъ
въ прахъ.
Орлиныя его погасли очи,
Горѣвшія въ потьмахъ духовной ночи,
Какъ мысли путеводные огни;
Замолкъ поэтъ — и громъ великой славы,
Какъ праздный шумъ наскучившей забавы,
Въ толпѣ утихъ...
И понеслися дни.
Смѣнялись имена, событья, лица;
То спѣшной, то лѣнивой чередой
Предъ вѣчно изумленною толпой
Ихъ пестрая влеклася вереница.
Прошедшему вершился быстрый судъ
Средь похоронъ и празднествъ новоселья;
И рѣдко лишь сквозь шумъ житейскихъ смутъ,
Тревогъ и дѣлъ, потѣхи и бездѣлья
Звукъ имени священнаго порой
Вновь пролеталъ печально надъ отчизной
То съ робкою, оглядчивой хвалой,
То съ громкою и дерзкой укоризной!

* * *

[1]) „Русская Мысль", 1880, V, 1—2. Сочиненія, I, С.-Пб. 1894, стр. 97—99.

Но свѣтлыхъ думъ и чудныхъ пѣсенъ кладъ,
Безцѣнный кладъ, толпою позабытый,
Въ холодный склепъ минувшаго сокрытый, —
Въ немъ не истлѣлъ! Годовъ пронесся рядъ,
Часъ миновалъ урочнаго отлива,
И, какъ на гласъ знакомаго призыва,
Въ обратный бѣгъ, раскаянья полна,
Вновь понеслась народная волна!
Красы, добра и правды идеалы
Блеснули вновь, какъ утра чистый свѣтъ,
И помянулъ народъ — въ борьбѣ усталый,
Заблудшій въ тьмѣ и духомъ обнищалый —
Что у него великій есть поэтъ.
И захотѣлъ (народъ) передъ собою
Его могучій образъ воскресить,
Почтить пѣвца безсмертною хвалою,
Его вознесть высоко надъ толпою
И памятникъ ему соорудить.
Онъ захотѣлъ прозрѣть и обновиться,
Прочь отогнать печальной ночи сны,
Забытымъ кладомъ вновь обогатиться,
Его красѣ нетлѣнной поклониться,
Какъ свѣту возвратившейся весны!

* * *

И день насталъ — исполнилось желанье:
Стоитъ предъ нами Пушкинъ, какъ живой!
Вокругъ него народа ликованье
И славное гремитъ именованье
Его, какъ громъ надъ русскою землей!
Вновь расцвѣли земли родной просторы;
Веселье, плескъ и пѣсни безъ конца!
Гремитъ весна, гремятъ живые хоры
Прилетныхъ птицъ на праздникѣ пѣвца;

А онъ стоитъ и смотритъ съ возвышенья
Съ привѣтомъ жизни, съ гордостью въ очахъ,
Какъ будто снова полный вдохновенья,
Какъ будто съ пѣсней новой на устахъ!
Онъ смотритъ вдаль и видитъ предъ собою
Сквозь многихъ дней таинственный туманъ,
Какъ движется пучиною живою
Грядущаго безбрежный океанъ.
И знаетъ онъ, что плещущія воды
Къ его стопамъ покорно притекутъ,
Что всей Руси языки и народы
Ему дань славы вѣчной принесутъ! 1880.

А. А. Фетъ[1]).

Къ памятнику Пушкина, 26 мая 1880 года.

(Сонетъ.)

Исполнилось твое пророческое слово;
Нашъ старый стыдъ взглянулъ на бронзовый твой ликъ, —
И легче дышится, и мы дерзаемъ снова
Всемірно возгласить: ты геній, ты великъ!
Но, зритель ангеловъ, гласъ чистаго, святого,
Свободы и любви живительный родникъ, —
Заслыша нашу рѣчь, нашъ вавилонскій крикъ,
Что̀ въ нихъ нашелъ бы ты завѣтнаго, родного?
На этомъ торжищѣ, гдѣ — гамъ и тѣснота,
Гдѣ здравый русскій смыслъ примолкъ, какъ сирота, —
Всѣхъ громогласнѣй — тать, убійца и безбожникъ,
Кому печной горшокъ — всѣхъ помысловъ предѣлъ,
Кто плюетъ на алтарь, гдѣ твой огонь горѣлъ,
Толкать дерзая твой незыблемый треножникъ. 1880.

---

1) Лирич. стихотв., С.-Пб. 1894, II, стр. 251.

Н. С. Курочкинъ[1]).

На открытіе памятника Пушкину.

Русь память чествуетъ великаго пѣвца!
Немного у людей торжествъ, когда сердца,
Влеченью чувствъ однихъ свободному послушны,
У всѣхъ, въ комъ свѣтитъ мысль, стучатъ единодушно:
Переживаемъ мы сегодня день такой!
Поэтъ, безвременно скончавшій путь земной,
Витавшій между насъ лишь тѣнью величавой,
Всталъ вновь среди живыхъ — „извáянною славой!"
Бездушной глыбою лежавшій монолитъ
Теперь о Пушкинѣ въ вѣкахъ заговоритъ,
Въ подножье обратясь фигуры благородной
Поэта, гордостью служащаго народной.
Надъ нимъ и Пушкинъ самъ; скульпторомъ воскрешенъ,
Изъ бронзы прочное обличье принялъ онъ,
Чтобъ чтущему его народу показаться
И больше съ родиной своей не разставаться.
Увидятъ правнуки лица его черты,
Хранящаго печать той высшей красоты,
Какою отличенъ въ минуты вдохновеній
Лишь тотъ, кто сердцемъ простъ, а помыслами геній!
И скажутъ правнуки: былъ дѣдами почтенъ
Безсмертный Пушкинъ — какъ поэтъ, за то, что онъ
Изящнымъ образовъ и звуковъ сочетаньемъ
Всѣхъ[2]) наполнялъ сердца святымъ очарованьемъ;
Что къ родинѣ своей любовью былъ великъ,
Что гармоническій онъ выковалъ языкъ,
Что въ жизни создавалъ своей легко и просто
Онъ формы новыя для русской мысли роста,

---

[1]) „Молва", 1880, № 154. Отдѣльно: „6-го іюня 1880 г.", С.-Пб. 1880.
[2]) Вар.: имъ.

Что, генію его послушно, русскій стихъ
Оправой яркою сталъ[1]) лучшихъ чувствъ людскихъ.
Вотъ въ чемъ навѣкъ былъ слѣдъ[2]) оставленъ благотворный
Создавшимъ памятникъ себѣ нерукотворный!
Пришла пора воздать его заслугамъ честь
И лавры свѣжіе въ вѣнокъ поэта вплесть,
Чтобъ получилъ онъ въ нихъ за гробомъ воздаянье,
За терніи въ вѣнцѣ его существованья!
Зевесъ немилостивъ къ судьбѣ земли дѣтей,
Огонь похитившихъ съ небесъ, какъ Прометей;
И Пушкина отъ злыхъ обидъ не охранила
Свѣтло горѣвшая въ немъ творческая сила.
Не мало горести онъ въ жизни испыталъ,
И въ дни тяжелые онъ „мыслилъ и страдалъ";
Среди земныхъ заботъ, тревоги и волненій
Не зналъ свободы онъ для гордыхъ вдохновеній,
И мысли молодой неудержимый пылъ
Годами скорбнаго изгнанья искупилъ;
Душою чистый, онъ всю жизнь не зналъ покоя
Отъ зависти враговъ своихъ — друзей застоя,
И палъ отравленный безстыдной клеветой
Въ борьбѣ за честь свою съ „ничтожной пустотой"!
Любовь заката дней его не озарила,
И современникамъ укоръ — его могила!
Но, встрѣтивъ столько золъ и пошлости кругомъ,
Провидѣлъ счастіе свое поэтъ въ другомъ
И, жаждою томимъ къ свободному глаголу,
Въ нѣмомъ молчаніи, потупивъ очи долу,
Онъ гордо сознавалъ, что часъ его придетъ,
Что будетъ знать о немъ въ Россіи весь народъ,
Что будутъ память чтить его въ подлунномъ мірѣ,
И прахъ переживетъ душа въ завѣтной лирѣ, —
Что пѣсенъ золотыхъ его и складъ и духъ
Надолго услаждать потомкамъ будутъ слухъ,

[1]) Вар.: яркой сталъ.
[2]) Вар.: навѣки слѣдъ.

И долго будетъ тѣмъ онъ „родинѣ любезенъ,
Что прелестью живой стиховъ онъ былъ полезенъ,
Что чувства добрыя онъ лирой возбуждалъ
И къ падшимъ, къ гибнущимъ онъ милость призывалъ“;
Что былъ отзывчивъ онъ и далъ отвѣтъ, какъ эхо,
На все, что находилъ достойнымъ слезъ иль смѣха!
Гостепріимною являлась искони
Москва... и, вѣрится, она и въ наши дни
Согрѣетъ ласкою сердечнаго привѣта
Гостить пришедшаго къ ней сына и поэта,
И, памяти его чарующей вѣрна,
Избыткомъ „добрыхъ чувствъ“ проявится она,
Задумавшись отъ всей души, несуетливо
Надъ смысломъ „милости“ и „къ падшему“ призыва.
Вотъ чѣмъ мы можемъ всѣ воздать поэту честь
И лавры пышные, какъ дань величью, сплесть
Съ эмблемой кроткаго незлобья — павиликой,
Въ день честный праздника для всей Руси великой!

Д. Д. Минаевъ[1]).

Съ невскаго берега.

(6-го іюня 1880 года.)

Пускай Москва пируетъ нынѣ
По праву родины пѣвца
И на торжественной udinѣ
Въ цвѣты и лавры безъ конца
Поэта памятникъ вѣнчаетъ, —
Пусть въ день такого торжества
Своимъ поэта величаетъ.
Но не уступимъ первенства

---

[1]) „Суфлеръ“, 1880, № 42, стр. 6. „Современность“, 1880, № 9[…] изъ „Страны“ 1880, № 44.

Мы въ выраженіи привѣта
И здѣсь у царственной Невы
Не отдадимъ Москвѣ поэта:
Онъ нашъ не менѣе Москвы!
Пусть тамъ, близъ береговъ Яузы,
Его качалась колыбель,
Но здѣсь ему вручили музы
Свою волшебную свирѣль,
Здѣсь приводилъ всѣхъ въ изумленье
Могучей силы ранній всходъ,
И первый лепетъ вдохновенья,
И первый генія полетъ;
Здѣсь пѣсня первая имъ спѣта,
И онъ кумиромъ сталъ молвы...
Нѣтъ, мы не отдадимъ поэта:
Онъ нашъ не менѣе Москвы!
Его съ Петрополемъ сближали —
Плеяда вѣрная друзей,
Любви волненья и печали,
И прочность нравственныхъ связей.
Сіяньемъ славы восходящей
Отсюда Русь онъ ослѣпилъ;
Пѣвца, у гроба прорицавшій,
Державинъ здѣсь благословилъ,
Прозрѣвъ лучи иного свѣта
Вкругъ еще юной головы...
Такъ намъ ли уступать поэта?
Онъ нашъ не менѣе Москвы!
Онъ нашъ, въ величіи единый,
И въ роковой зловѣщій часъ,
Съ послѣдней пѣсней лебединой
Онъ здѣсь безвременно угасъ,
Какъ жертва лжи и злобы черной...
Не будемъ поминать мы ихъ, —
Но памятникъ нерукотворный
Его — вкругъ насъ и въ насъ самихъ.

Имъ наша молодость согрѣта,
Онъ — гордость лучшая Невы...
Нѣтъ, не уступимъ мы поэта:
Онъ нашъ не менѣе Москвы!

А. Д. Львова (Шидловская)[1]).

Ко дню открытія памятника А. С. Пушкину.

„Я памятникъ воздвигъ себѣ нерукотворный,
Къ нему не зарастетъ народная тропа!“
Такъ восклицалъ пѣвецъ, Баянъ нашъ чудотворный,
Когда вокругъ него завистниковъ толпа
Плоды высокихъ думъ безсмысленно топтала,
И съ злобою тупой ихъ славу отвергала.
Да! то былъ вѣщій крикъ, могучее сознанье,
Сознанье генія въ избыткѣ гордыхъ силъ,
То заповѣдь была, святое завѣщанье,
Которое народъ лелѣялъ и хранилъ.
Полвѣка ужъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ нѣтъ поэта.
Какъ палъ безвременно онъ жертвой роковой
Бездушной клеветы испорченнаго свѣта...
Но дышитъ между насъ онъ славою живой.
И пробѣгутъ года, и протекутъ столѣтья,
Но имя Пушкина вѣка переживетъ:
Изъ пѣсенъ чудныхъ онъ сплеталъ вѣнецъ безсмертья,
И свято тотъ вѣнецъ потомство сбережетъ.
Орломъ онъ съ высоты взиралъ на всю природу,
Онъ Русь свою постигъ, преданья старины
Народнымъ языкомъ разсказывалъ народу,
А моднымъ барынямъ — влюбленной дѣвы сны[2]).
Онъ мыслью пережилъ всѣ страсти и волненья:
Великаго Петра великія мечты,

---

[1]) Поэмы и пѣсни, С.-Пб. 1890, стр. 3—5.
[2]) Варіантъ: Народнымъ геніемъ стихи его полны.

Отрепьева обманъ, Мазепы преступленья,
Жуана тщетное исканье красоты;
Мученья адскія Бориса Годунова,
Сальери ненависть, Онѣгина любовь,
Надъ грудой золота терзанія Скупого,
Цыгана дикаго разнузданную кровь!
Онъ все прочувствовалъ, во все онъ вникъ душою:
Съ Кавказскимъ Плѣнникомъ томился и скучалъ,
Съ черкешенкой онъ плакалъ молодою,
Съ своей Зюлейкою безумно ревновалъ;
Съ безумцемъ бредилъ онъ, грозясь и проклиная,
Предъ Мѣднымъ Всадникомъ, надъ бѣшеной рѣкой;
Съ Татьяной томною, мечтательно вздыхая,
Признаніе писалъ дрожащею рукой.
Онъ прелесть находилъ на Сѣверѣ угрюмомъ,
Въ прозрачномъ сумракѣ задумчивыхъ ночей,
У финскихъ береговъ, гдѣ взморье плещетъ съ шумомъ,
Гдѣ ночи коротки, гдѣ солнце безъ лучей.
Онъ обезсмертилъ все безсмертными стихами:
Украинскую ночь, державную Неву,
И Бессарабію съ зелеными степями,
И моря южнаго густую синеву;
Природу скудную россійской деревушки,
Убогость бѣдныхъ юртъ, и внутренность шатра,
И келью скромную, и розсказни старушки,
Съ которой проводилъ вдвоемъ онъ вечера.
Хоть онъ „не дорожилъ любовію народной",
Хоть пѣлъ онъ „для себя", какъ соловей весной,
Не требуя наградъ за подвигъ благородный,
Но передъ нимъ въ долгу считался край родной.
И вотъ пришла пора! Въ Москвѣ его родимой,
Тамъ, гдѣ качалася поэта колыбель,
Гдѣ „музой нѣжною, наставницей любимой",
Ребенку вручена „волшебная свирѣль",—
На тризну славную великаго рожденья,
Россія памятникъ воздвигла наконецъ!

Прости же насъ, прости за годы промедленья,
И родину за то не осуди, пѣвецъ!
Пусть тѣнь твоя слетитъ на праздникъ повсемѣстный,
Пусть генія крыло коснется нашихъ лиръ!
И хоть ничтоженъ гимнъ[1]), что смѣлъ поэтъ безвѣстный
Принесть, какъ слабый даръ на твой великій пиръ,
Но чувство общее любви и восхищенья
Старался онъ тебѣ съ любовью передать...
Прими жъ его, прими съ улыбкой снисхожденья,
И лаврами дозволь чело твое вѣнчать! 1880.

Д. Н. Садовниковъ[2]).

На открытіе памятника Пушкину.

Въ отрадный часъ[3]) желаннаго рожденья,
Все, что въ наслѣдство передалъ апрѣль,
Послѣдній даръ весенняго цвѣтенья, —
Весна тебѣ кидала въ колыбель.
Май отцвѣталъ, идя навстрѣчу лѣта,
И думалъ онъ, переходя ко сну:
„Я встрѣтилъ день рожденія поэта, —
Онъ воскреситъ увядшую[4]) весну“.
Ты оправдалъ святыя ожиданья[5]):
Заслышавъ[6]) пѣсни первыя твои,
Въ отжившемъ[7]) сердцѣ ожили желанья,
Въ нѣмомъ лѣсу запѣли[8]) соловьи.

---

[1]) Вар.: даръ.
[2]) „Послѣ Пушкина“. М. 1890, стр. 383. „Огонекъ“, 1880, стр. 561—562.
[3]) Вар.: мигъ.
[4]) Вар.: умершую.
[5]) Вар.: упованья.
[6]) Вар.: заслыша.
[7]) Вар.: усталомъ.
[8]) Вар.: проснулись.

Но мы любили[1]) спорною любовью, —
Давно ль у насъ топтали твой вѣнокъ?...
Но ты простишь минутному злословью,
Сознаніемъ прекраснаго высокъ, —
Простишь ты намъ, что рѣчь, тебѣ родная,
Вплела шипы въ лавровый[2]) твой вѣнецъ.
Теперь мы всѣ сошлись на праздникъ мая —
Твой первый день привѣтствовать, пѣвецъ.
И въ честь тебя, поэта-чародѣя,
Пѣвца святой[3]) любви и красоты,
Весна, какъ встарь, кидаетъ, не жалѣя,
Къ твоимъ ногамъ душистые[4]) цвѣты! 1880.

П. Быковъ[5]).

Памяти поэта.

Они всегда ему кричали:
„Дай отдыхъ силамъ молодымъ,
Будь хладнокровенъ — и печали
Твои разсѣются, какъ дымъ.
Имѣй къ пороку снисхожденье,
И гнетъ страдальческихъ цѣпей
Стряхни съ себя, и наслажденья
Безпечно, полной чашей пей!
Ты пѣсней, полною рыданій,
Напрасно нашъ терзаешь слухъ:
На свѣтѣ столько мукъ, страданій,
Что къ нимъ невольно станешь глухъ.

---

1) Вар.: любили мы, но...
2) Вар.: цвѣтущій.
3) Вар.: живой.
4) Вар.: послѣдніе.
5) „Дѣло“, 1880, VIII, стр. 48—49.

Да развѣ было бы возможно
Законъ природы свергнуть прочь?..
О, отрѣшись отъ мысли ложной
Всѣхъ осчастливить, всѣмъ помочь...
Твои слова о жизни новой —
Забавный, юношескій бредъ
И рѣчью смѣлою, громовой
Ты принесешь себѣ лишь вредъ.
Заставятъ глупыя химеры
Тебя страдать лишь безъ конца"...
Такъ разсуждали лицемѣры,
Смутить пытаясь духъ пѣвца.
Но онъ остался бодрымъ, твердымъ,
Лелѣя прежнія мечты, —
Поэтъ несъ крестъ съ сознаньемъ гордымъ
Своей глубокой правоты.
Держа карающую лиру,
Какъ прежде, мощною рукой,
Вѣщалъ святую правду міру
И къ свѣту звалъ онъ родъ людской.
И разъ избравъ свою дорогу,
Онъ неуклонно шелъ по ней,
Будя отъ спячки, — билъ тревогу,
Клеймилъ пороки нашихъ дней.
И не былъ гласомъ вопіющимъ
Въ пустынѣ стихъ живой пѣвца:
Внушая страхъ злодѣямъ сущимъ,
Бодрилъ онъ честныя сердца!
И вѣрилъ онъ: настанетъ время,
Когда минетъ пора невзгодъ,
Когда имъ брошенное сѣмя
Взойдетъ и дастъ хорошій плодъ, —
И родъ людской, величья полный,
Не будетъ жить, какъ червь въ пыли,
И смоютъ новой жизни волны
И грязь и ветошь всю съ земли!

Н. Голубевъ[1]).

На открытіе памятника А. С. Пушкину.

Средь пыли морозной, и мглы, и тумана
Раздался надъ Русью ударъ роковой,
И выстрѣлъ смертельный и тяжкая рана
Тебя уложили на вѣчный покой.
Но вотъ — смѣнились поколѣнья,
И общій ходъ народныхъ хвалъ
Отъ сна могильнаго и тлѣнья
Тебя къ безсмертію воззвалъ.
Ты нынѣ снова между нами!
Сіяетъ ликъ вѣнчанный твой
Неизгладимыми чертами,
Неувядаемой красой.
Высоко, на твердой основѣ гранита,
Тебя златоверхая видитъ Москва,
И вновь вдохновенія свѣтомъ облита
Родного пѣвца дорогая глава.
На Русь ты снова поспѣшаешь
Очами генія взглянуть
И какъ бы вновь намъ возвѣщаешь
И жизни смыслъ и правды путь...
Но что жъ черты твои унылы,
Глава склонилась, грустенъ взоръ?
Ужели ты изъ-за могилы
Несешь намъ горестный укоръ?
Иль поздній привѣтъ нашъ тебя угнетаетъ,
Безвременныхъ лавровъ загробная честь?
Иль ранняя смерть твою душу смущаетъ,
Какъ зависти адской презрѣнная месть?

---

[1]) „Петербургская Газета", 1880, № 107.

Но ты при жизни насладился
Хвалой возвышенныхъ сердецъ;
За генiй смертью поплатился,
Прiялъ, какъ мученикъ, вѣнецъ;
Въ тебѣ, своемъ достойномъ сынѣ,
Россiя славу обрѣла,
И Святогорская святыня[1])
Всегда намъ свѣточемъ была.
Нѣтъ! Духъ твой скорбитъ о душѣ человѣка...
Холопствомъ умовъ возмущаешься ты,
Безправiемъ музъ, безыдейностью вѣка,
Продажностью дряблой, безцвѣтной мечты!
Поклонникъ чистаго искусства,
Его ты не находишь въ насъ:
Межъ нами пламень сердца, чувства,
Высокихъ помысловъ угасъ,
И цѣли нѣтъ передъ тобою,
Исхода нѣтъ для скорбныхъ думъ,
И вновь томитъ тебя тоскою
Бездушной жизни пошлый шумъ!...
Но подвигъ свершился... Безсмертный твой генiй
И духъ указалъ намъ и цѣль бытiя:
Глаголомъ народныхъ, живыхъ вдохновенiй
Гремѣла могучая лира твоя.
Отъ классицизма ледяного
Ты нашу мысль освободилъ:
Родную жизнь, родное слово,
Родныя грезы воскресилъ!
Въ тебѣ, пѣвецъ нашъ незабвенный,
Себя Россiя поняла
И даръ великiй, драгоцѣнный
Народной правды обрѣла.

---

[1]) Пушкинъ погребенъ въ Святогорскомъ монастырѣ.

П. М.[1])

На открытіе памятника А. С. Пушкину.

Трепещетъ духъ и замираетъ...
Торжественный несется кликъ:
Въ восторгѣ, въ радости встрѣчаетъ
Вся Русь давно желанный мигъ...
    Тотъ мигъ насталъ, мигъ незабвенный!...
    По всей Москвѣ кличъ пролетѣлъ, —
    И людъ колѣнопреклоненный
    Черты любимыя узрѣлъ...
Дрожитъ слеза... Благоговѣнья
Всю душу трепетъ охватилъ
Къ тому, кто силой пѣснопѣнья
Русь къ жизни новой воскресилъ...
    Кто, вѣренъ долгу, вѣренъ чувству,
    „На падшихъ милость призывалъ“,
    И честно кто служа искусству
    Добро въ народѣ пробуждалъ...
Нашлись враги... Но геній понятъ
И оцѣненъ ужъ былъ давно.
И кто теперь главы не склонитъ
Передъ величіемъ его!.
    Пускай святынею насъ мира
    Поэта имя осѣнитъ,
    Пусть у подножія кумира
    Вражда и злоба замолчитъ!...

Ф. Ивановъ[2]).

А. С. Пушкину.

(По случаю открытія ему памятника.)

Мы память празднуемъ твою,
Любимый музами поэтъ.
Прошло не мало долгихъ лѣтъ,
Какъ въ честномъ, рыцарскомъ бою

---

[1]) „Петербургская Газета“, 1880, № 110. [2]) М., 1880.

Сложилъ ты голову свою.
Съ тѣхъ поръ родная сторона
Успѣла много пережить,
Именъ, талантовъ позабыть;
Но о тебѣ, поэтъ, она
Все свѣжей памятью полна!
Въ тѣ дни, когда родился ты,
Родной поэзіи потокъ
Былъ не широкъ и не глубокъ:
То были слабые цвѣты,
То былъ лишь отблескъ красоты;
Когда жъ ты съ лирою своей,
Полетомъ смѣлымъ, въ первый разъ,
Явился, дивный, между насъ,
Ты, какъ могучій чародѣй,
Увлекъ умы, сердца людей.
Увлекъ — и въ чувствѣ ты одномъ
Всѣхъ согласилъ въ краю родномъ:
Заговорила въ сердцѣ кровь,
Зажглась къ поэзіи любовь
И въ старикѣ и въ молодомъ.
И рѣчью пламенной, живой
Съ тѣхъ поръ ты много пробудилъ
Еще дремавшихъ, свѣжихъ силъ:
Поэтовъ новыхъ цѣлый рой
Явился слѣдомъ за тобой.
Ума, таланта, красоты
Не мало видимъ мы у нихъ...
Но кто, — избранникъ между нихъ, —
Достигъ той дивной высоты,
Гдѣ, нашъ орелъ, летаешь ты?
О, пусть идутъ себѣ года!
Но быстрый времени полетъ
И тяжесть жизненныхъ заботъ
Стереть не могутъ никогда
Твоей поэзіи слѣда!

Ѳ. Пономарева.[1])

Памяти Пушкина.

Безсмертный талантомъ, увѣнчанный славой,
Стоитъ передъ Русью могучій поэтъ,
И Русь, передъ бюстомъ, въ Москвѣ златоглавой,
Приноситъ поэту хвалу и привѣтъ.
Кто жъ онъ, этотъ геній, страной оцѣненный,
Любившій, прославившій русскій языкъ?
Онъ Пушкинъ... Народъ нашъ, предъ нимъ преклоненный,
Пѣвцомъ самороднымъ гордиться привыкъ.
Воскресли предъ Русью поэта творенья:
Зарема, Мазепа, Русланъ, Пугачовъ —
И лучшія силы его вдохновенья:
Евгеній Онѣгинъ, Борисъ Годуновъ.
Поэтъ онъ правдивый, всегда вдохновенный,
Блеститъ его геній, какъ солнечный лучъ;
Ни въ чемъ неподкупный, себѣ неизмѣнный,
Онъ простъ, но онъ силенъ, великъ и могучъ.
Онъ полонъ поэзіи, нѣги и страсти;
Въ немъ бездна таланта, и жизни, и чаръ;
Карая пороки, бичуетъ онъ власти,
Божественной силой проникнутъ въ немъ даръ.
И всѣмъ онъ доступенъ; спокойно и ясно
Мечты его льются блестящей струей, —
То нѣжно, то грустно, насмѣшливо, страстно;
То стихъ его веселъ, то брызжетъ слезой.
Онъ простъ, но глубоки по смыслу творенья,
Глубоко онъ понялъ людскія сердца...
И Русь, предъ поэтомъ, въ нѣмомъ умиленьѣ,
Прославила геній родного пѣвца...

---

[1]) Стихотворенія, М. 1882, стр. 29—30. „Тверской Вѣстникъ“, 1880, № 37, стр. 10.

Пусть будетъ же Пушкинъ безсмертенъ въ отчизнѣ,
Пусть вѣчно потомство оцѣнитъ его,
Какъ нынѣ вся Русь рукоплещетъ на тризнѣ,—
Пусть чтитъ она память творца своего. 1880.

П. Новиковъ[1]).

Памяти А. С. Пушкина.

Пѣвецъ поэзіи народной
Давно заснулъ глубокимъ смерти сномъ,
Но звукъ тѣхъ пѣсенъ благородный
Еще гремитъ въ отечествѣ родномъ.
Твой геній здѣсь живетъ межъ нами
И льетъ въ науку дивный знанья свѣтъ,
Живетъ,—и нашими сердцами
Владѣешь ты, родной Руси поэтъ!

Н. Гейнце[2]).

Открытіе памятника А. С. Пушкину.

(Іюня 6 дня 1880 года.)

Москва! Какъ много въ этомъ словѣ
Для сердца русскаго слилось!
А. Пушкинъ.

Завѣса пала. Предъ толпою
Съ привычной думой на челѣ,
Съ поникшей долу головою,
Въ своемъ обыденномъ плащѣ,
Какъ бы отъ міра отрѣшенный
Возсталъ поэтъ — и въ этотъ мигъ,
Увидя образъ вдохновенный,
Восторженный раздался кликъ

---

1) „Нева“, 1880, № 24, стр. 385.
2) „Русская Газета“, 1880, № 68.

Толпы, у ногъ его стоявшей:
Предъ ней явился сынъ Москвы,
Объ ней съ любовію слагавшій
Свои безсмертные стихи.
Свинцомъ безсмысленнымъ на мѣстѣ
Сраженный въ цвѣтѣ думъ и лѣтъ,
Онъ рано палъ, „невольникъ чести"...
Погибъ безвременно поэтъ.
Но пѣсни дивныя остались
Въ наслѣдье будущимъ вѣкамъ;
Ужъ поколѣнья воспитались,
Внимая сладостнымъ стихамъ
Пѣвца, у ногъ кого лишь нынѣ
Шумитъ восторженно толпа...

Н. Гейнце[1]).

Памяти А. С. Пушкина.

Поэтъ, не дорожи любовію народной!
А. Пушкинъ.

Живетъ поэтъ... И часто слухъ народный
Не внемлетъ голосу живущаго пѣвца,
И онъ, обиженный судомъ толпы холодной,
Не жаждетъ для себя лавроваго вѣнца,
А въ думы дивныя всецѣло погруженный,
Сдружившись съ музою, довольный самъ собой,
Онъ для себя поетъ; но голосъ вдохновенный
Не даромъ прозвучитъ надъ бѣдною толпой.
Пройдутъ года... истлѣетъ прахъ поэта,
Но пѣсни дивныя его переживутъ,
И то, чего живой онъ не искалъ у свѣта,
То мертвому ему достойно воздадутъ.

---

[1]) „Газета Гатцука", 1880, № 21, стр. 355.

Въ потомкахъ той толпы презрительной, холодной,
„Свободы, генія и славы палачей",
Зажжетъ огонь любви, добра пѣвецъ народный,
Въ дѣтяхъ враговъ найдетъ себѣ друзей...
Вотъ думы тѣ, что въ головѣ роятся
Предъ изваяніемъ великаго пѣвца.
Въ столѣтье разъ, быть можетъ, геніи родятся,
Достойные его лавроваго вѣнца.
Во цвѣтѣ силъ, въ дань предразсудкамъ свѣта,
Отдавши жизнь богатую, онъ палъ:
Не стало русскаго народнаго поэта,
И звучный лиры гласъ навѣки замолчалъ.
Прошли года, и въ наши дни Москва,
Какъ сердце русское, съ сердечнымъ ликованьемъ
Предъ нами чествовать готовится пѣвца
Передъ его достойнымъ изваяньемъ.

Маркяронъ[1]).

Ты памятникъ себѣ воздвигнулъ превосходный,
На пьедесталъ его сумѣлъ, какъ геній, стать.
Своей фантазіей могучей, благородной
Ты все могъ воспринять и многое создать.
Ты зналъ, что въ будущемъ всѣ русскіе постигнутъ,
Какъ Пушкинъ былъ великъ, какой имѣлъ онъ даръ...
Сегодня памятникъ въ Москвѣ тебѣ воздвигнутъ,
Чтобъ вѣчно видѣли тебя и младъ и старъ.
Ты зналъ, что въ будущемъ тотъ славный день придетъ,
Когда учителя найдетъ въ тебѣ народъ,
На статуѣ изъ бронзы онъ тебя увидитъ,
Въ твоихъ произведеньяхъ онъ тебя пойметъ.
Сошлись теперь мы всѣ въ одной и той же цѣли,
Тебя стремясь тріумфомъ окружить...
Безвременно погибъ, поэтъ, ты на дуэли,
Но въ памяти у всѣхъ ты вѣчно будешь жить.

1) „Правда", 1880, № 146.

М.[1])

Предъ памятникомъ.

Поэтъ *поистинѣ* народный,
Россіи духъ и идеалъ
Душою чутко-благородной
Онъ чудодѣйственно познамъ.
Въ нашъ вѣкъ бездушья и безбожья,
О Пушкинъ нашъ, какъ ты великъ,
Какъ здѣсь, у твоего подножья,
Теперь понятенъ твой языкъ!
Не разрушенья ярость злая,
Не злоба, не безвѣрья ночь, —
Въ твоихъ стихахъ царитъ благая
Любви зиждительная мочь.
Изъ глубины твоей могилы
Ты въ тайникахъ родной души
Живишь и окрыляешь силы
Надежды, вѣры и любви...

Л. Слободская[2]).

Памяти А. С. Пушкина.

Онъ — слава русскаго народа!
Онъ — геній, свѣтлый идеалъ!
Все, что дала ему природа,
Народу русскому онъ далъ.
Поэтъ великій, незабвенный,
Онъ горю ближняго внималъ,
И стихъ его неоцѣненный
Участьемъ искреннимъ звучалъ.
Свѣтило русскаго искусства,
Своею лирой несравненной

---

[1]) „Москов. Вѣд.“, 1880, № 154.
[2]) „Семейное чтеніе при Современности“, 1880, № 21, стр. 12.

Онъ пробудилъ святыя чувства
Любви и дружбы драгоцѣнной!
И онъ своей безсмертной славой
Пройдетъ въ далекіе года,
И имя Пушкина съ отрадой
Произнесутъ вездѣ, всегда!

Гр. В. Соллогубъ[1]).

На памятникъ Пушкину.

Въ столицѣ Пушкину любезной,
Въ Москвѣ, въ виду монастыря,
Поднялся нынѣ ликъ желѣзный
Родного намъ богатыря.
То Пушкинъ, нашъ поэтъ великій,
Задумчиво явился намъ
И утѣшеньемъ и уликой
Наставшимъ смутнымъ временамъ.
Теперь, когда стремленій злоба
Не знаетъ, гдѣ искать добра, —
Проснись, поэзія! пора,
Чтобъ Пушкинъ выступилъ изъ гроба!

В. И. Кирѣевскій[2]).

Пушкинскій праздникъ.

(Памяти Пушкина.)

Хвала странѣ, гдѣ пѣсня льется,
Гдѣ чтутъ народнаго пѣвца!
Тогда звончѣй ему поется;
Замолкъ, — и въ честь ему совьется
Лавровыхъ, свѣтлыхъ два вѣнца.
Одинъ изъ нихъ въ народѣ блещетъ—
Изъ бронзы вылитый вѣнецъ:
Народъ глядитъ и рукоплещетъ.

[1]) „Москов. Вѣд.“, 1880, № 160.
[2]) „С.-Петербург. Вѣд.“, 1880, № 155. „Современность“, 1880, № 98.

Другого листъ живой трепещетъ
Средь очарованныхъ сердецъ!
Надежды юныя! Россія
Отъ васъ талантовъ свѣтлыхъ ждетъ.
Пусть видъ народнаго витіи
Вамъ силы новыя, живыя
И вдохновеніе даетъ!
Всегда возвышенныхъ стремленій
Ищите свѣтлой думой вы!
Недаромъ путеводный геній
И для грядущихъ поколѣній
Сіять всѣмъ будетъ изъ Москвы!
Поэтъ сродни вамъ, лицеисты,
Но вся Россія въ немъ живетъ!
О Пушкинъ, стихъ твой звонкій, чистый,
Какъ розы видъ въ степи кремнистой,
Какъ въ темной ночи блескъ звѣздистый,
Душѣ отраду подаетъ!
Звучи, пѣснь свѣтлая поэта,
Молитвой чудной, неземной!...
Средь мрака суетнаго свѣта
Сердечнымъ пламенемъ согрѣта, —
Ты, какъ маякъ для насъ живой!
Москвѣ родимой, златоглавой
Хвалу мы всѣ должны воздать:
Гордясь пѣвца народной славой,
Она поэту величавый
Сумѣла памятникъ создать!

1880.

А. К.[1])

Передъ памятникомъ А. С. Пушкина.

(6 іюня 1880 г.)

Стою предъ образомъ твоимъ,
И свѣтлый рой твоихъ твореній

---

[1]) „Современныя Извѣстія", 1880, № 156.

Кругомъ витаетъ, и предъ нимъ
Я слышу звуки пѣснопѣній.
Поетъ весна, гремитъ гроза,
Поетъ Кавказъ и Сѣверъ дальній,
Украйны слышится слеза,
И пѣсня Грузіи печальной.
Шумитъ толпа... Но нѣмъ и глухъ
Ты къ говору людскихъ хваленій...
Ты — въ небесахъ, безплотный духъ, —
На лонѣ Бога, чистый геній!

Н. Голубевъ[1]).

Памятникъ Пушкину.

Нашъ Пушкинъ, нашъ поэтъ великій, самобытный,
Возносится въ Москвѣ на пьедесталъ гранитный, —
Но книгамъ Пушкина въ Россіи не везетъ!...
Хотѣли мы почтить его изданьемъ новымъ...
Чего же мѣшкаютъ Ефремовъ съ Исаковымъ?
Боятся: съ рукъ у нихъ изданье не пойдетъ...
Его творенія не чтитъ нашъ вѣкъ задорный;
Онъ не любуется ихъ дивною красой, —
И гнется памятникъ его нерукотворный
Подъ острой времени бездушнаго косой!...

А. Многогрѣшный[2]).

Памяти Пушкина.

Вспомянутъ, высоко поставленъ...
Чего жъ еще? Нашъ счетъ сведенъ!
Твой геній въ мірѣ препрославленъ,
Въ родной странѣ превознесенъ.

---

[1]) „Семейное чтеніе при Современности“, 1880, № 3, стр. 16.

[2]) „Мы русскіе на историческихъ путяхъ жизни“. Изъ дневника нравственно-сатирическихъ замѣтокъ въ стихахъ А. Многогрѣшнаго. Вып. II. М. 1881, стр. 5.

И ликъ твой свѣтлый, благородный,
Прейдетъ въ вѣка — изъ рода въ родъ...
Кто цѣну зналъ *любви народной,*
Того оцѣнитъ и *народъ!*

В. Ракитинъ[1]).

Памяти А. С. Пушкина.

Тебѣ разумная свобода
Подругой доблестной была!
Твои слова, твои дѣла
Живая лѣтопись народа,
Какъ даръ нетлѣнный, сберегла!
Напрасно силились пигмеи
Сорвать блестящій твой вѣнецъ.
Имъ недоступенъ ты, пѣвецъ!...
И, устыдясь шальной затѣи,
Они исчезли наконецъ!
А ты, великъ, недосягаемъ,
Стоишь пророкомъ надъ толпой
Съ глаголомъ истины святой...
И мы рѣчамъ твоимъ внимаемъ,
Благоговѣя предъ тобой!

Памяти А. С. Пушкина[2]).

Мирный праздникъ родина справляетъ:
Въ этой бронзѣ послѣ долгихъ лѣтъ
Вновь она съ любовью воскрешаетъ
Величавый образъ твой, поэтъ,
И отнынѣ, чистый, благородный,
Не изгладитъ времени рука
Чертъ твоихъ изъ памяти народной
Въ отдаленные вѣка.

---

1) „Газета Гатцука", 1880, № 23, стр. 381.
2) „Правда", 1880, № 146. „Живописное Обозрѣніе", 1880, № 21, стр. 386.

Пусть прочнѣе бронзы и гранита
Самъ себѣ ты памятникъ воздвигъ,
Пусть вовѣкъ не будетъ позабыто
Ни одно изъ вѣщихъ словъ твоихъ,
Пусть безъ всякихъ статуй неизмѣнно
Сохраняютъ русскія сердца,
Какъ святыню, образъ незабвенный
Дорогого имъ пѣвца,—
Но тому народу честь и слава,
Честь и слава той странѣ, гдѣ чтятъ
Память гражданъ, заслужившихъ право
Этой лучшей изъ земныхъ наградъ,—
Гдѣ бойцамъ иного поколѣнья
Молодого воинства полки
Въ даръ приносятъ съ чувствомъ уваженья
Вѣчно свѣжіе вѣнки.
Эта связь различныхъ поколѣній —
Для народа стойкости залогъ.
Гдѣ она, тамъ вождь народа, геній,
Можетъ трудъ свершать свой безъ тревогъ,
Безъ обидной мысли, что потомки
Всѣ плоды его былыхъ трудовъ
Превратятъ въ негодные обломки
Съ безсердечіемъ враговъ.
Только тѣ народы процвѣтаютъ
И дѣла великія творятъ,
Гдѣ дѣянья предковъ уважаютъ
И судомъ потомковъ дорожатъ,
Гдѣ всѣ дѣти матери-отчизны,
Чувствомъ долга полные однимъ,
Въ честь отжившихъ гражданъ правятъ тризны,
Ставя памятники имъ.
Нынче Русь такую тризну правитъ.
Этотъ день оставитъ прочный слѣдъ:
Пусть онъ новыхъ лавровъ не прибавитъ
Въ лучезарный твой вѣнецъ, поэтъ,—

Будетъ этотъ памятникъ отнынѣ
Говорить, что мощный голосъ твой
Прозвучалъ когда-то не въ пустынѣ
И оставилъ слѣдъ живой.

А. Иваницкій[1]).

Передъ памятникомъ Пушкину.

Съ ранняго утра, при шумѣ столицы,
Волнуясь, по стогнамъ толпится народъ;
У каждаго радость, веселыя лица,
Всякъ полонъ душевной отрады идетъ.
Здѣсь виденъ вельможа и странникъ убогій,
И финнъ, и крестьянинъ въ своемъ армякѣ,
И гость-чужеземецъ, пришлецъ издалека,
Писатель, поэтъ. Всѣ съ вѣнками въ рукѣ
Сошлися на площадь, гдѣ ждетъ одиноко
Ихъ тотъ, кого пѣсня и сладкая лира
Прекрасные звуки въ ихъ душу глубоко
Вливали изъ чудно-волшебнаго міра;
Кто первый подмѣтилъ народныя чувства
И въ звуки святые облекъ ихъ навѣкъ;
Кто душу чаруетъ талантомъ искусства,
Кто слово свободы впервые изрекъ,
И кто научилъ насъ родимому слову
И далъ вдохновенью и мысли просторъ;
Кого не пугали опалы оковы,
И грозный нерѣдко судьбы приговоръ;
Кто цѣлой главою надъ мнѣніемъ свѣта
Стоялъ передъ нами, какъ бы великанъ, —
Какъ дивный тотъ миѳъ и творенье поэта,
Какъ доблестный, мощный Русланъ.
И вотъ собралися народныя волны, —

[1]) „Современныя Извѣстія“, 1880, № 164.

И образъ безсмертный поэта предсталъ,
Божественной думы, величія полный,
Когда въ вдохновеньи небесномъ виталъ.
Стоитъ на гранитѣ высоко, безмолвный,
Съ главою поникшей и съ шляпой въ рукѣ,
Какъ чудный, невѣдомый призракъ загробный,
Съ безсмертною лирой въ лавровомъ вѣнкѣ.
Задумчивымъ взоромъ глядитъ величаво,
Изгнанникъ при жизни, великій пѣвецъ, —
Нашъ Пушкинъ, отчизны безсмертная слава
И звуковъ, чарующихъ душу, творецъ!
Цари же вовѣки и нѣжною лирой
Своею въ насъ чувство всегда пробуждай,
Великія чувства изъ лучшаго міра
Въ народное сердце и разумъ вливай!

И. Вашковъ[1]).

Памяти А. С. Пушкина.

Была пора: въ храмъ Аполлона
Русь жертвъ священныхъ не несла
И сладкогласной лиры звона
Цѣнить, какъ должно, не могла.
Огонь поэзіи прекрасной
Въ дремавшій разумъ не проникъ,
И съ риѳмой звучною и страстной
Не ладилъ грубый нашъ языкъ.
Пришелъ поэтъ — и звономъ лиры
Дремавшій разумъ пробудилъ
И мощью творчества кумиры
Рукою властною открылъ.
Спѣвъ пѣснь не грубую, — иную,
Онъ, силой генія влекомъ,

[1]) „Будильникъ“, 1880, № 21, стр. 558.

Знакомилъ сторону родную
Съ ея богатымъ языкомъ.
Звонъ лиры новаго Баяна
Пронесся, будто кличъ святой,
И, какъ лучъ свѣта мглу тумана,
Разсѣялъ умственный застой.
Вдругъ дивный голосъ оборвался:
Угасъ поэтъ, пѣснь не допѣвъ...
Но не пропалъ, не затерялся
Пѣвца могучаго напѣвъ:
Поникла тихо, безъ отвѣта,
Лавръ гордо несшая глава,
Но живъ въ Россіи духъ поэта,
И пѣсня дивная жива!...

И. К. Кондратьевъ[1]).

А. С. Пушкинъ.

Есть тайна въ мірѣ: въ смутные года,
Когда повсюду надобны уроки,
Какъ даръ, съ печатью Божьяго слѣда,
Нисходятъ къ намъ достойные пророки.
Ихъ голосъ вѣщій силою гремитъ —
То сладостно, то жгуче, то сурово.
Застонутъ — стонъ ихъ всякаго томитъ,
Заговорятъ — все въ говорѣ ихъ ново.
Несутъ они законъ своей странѣ,
Предъ ними мрутъ завистливые взгляды,
Какъ передъ солнцемъ яркимъ въ глубинѣ
Ночныхъ свѣтилъ далекія плеяды.
Ихъ путь тяжелъ, гнететъ ихъ злобный рокъ,
Но рѣчь течетъ рѣкою многоводной...
Пройдутъ года, — но будетъ жить пророкъ
Кумиромъ цѣннымъ въ памяти народной.

---

[1]) „Русская Газета“, 1880, № 68.

И. К. Кондратьевъ[1]).

А. С. Пушкину.

Ты чудной музою всѣ души обольстилъ,
Постигнувъ жизнь и строго и глубоко;
И счастливъ тотъ народъ, который возрастилъ
Въ своей глуши поэзіи пророка.

* * *

Въ сердцахъ ты живъ изъ года въ годъ,
И живъ твой стихъ могучій, благотворный;
И вотъ тебѣ любимый твой народъ
Воздвигнулъ памятникъ духовно-рукотворный.

* * *

Ты дивно пѣлъ, пѣлъ пѣсни до конца,
И пѣсни тѣ величіемъ согрѣты.
Живи жъ, поэтъ! плѣняй стихомъ сердца, —
Да учатся преемники-поэты!

И. Н. Румянцевъ[2]).

А. С. Пушкину.

Пѣвецъ отечеству родной,
Мы память твою чтимъ,
И каждый твой глаголъ святой
Мы въ сердцѣ сохранимъ.
Ты пѣлъ народы и царей, —
Всѣмъ доброе внушалъ;
Ты славилъ доблести мужей,
Пороки порицалъ.
Любилъ ты нашъ простой народъ —
И самъ любовь снискалъ;
Любовь свою изъ рода въ родъ
Тебѣ онъ завѣщалъ.

---

[1]) „Альбомъ памяти Пушкина“, М. 1880.
[2]) „Лучъ“, 1880, № 20, стр. 1.

А. Зеленецкій[1]).

Памяти Пушкина.

> Увижу ль я, друзья, народъ неугнетенный
> И рабство, падшее по манію царя,
> И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
> Взойдетъ ли, наконецъ, прекрасная заря?
>
> *Пушкинъ.*

Воскресни, нашъ поэтъ великій,
Взгляни на свой родной народъ,
Услышь восторженные клики:
Родная Русь тебя зоветъ!
Взгляни: въ Россіи рабство пало
По мановенію царя,
И новой жизни засіяла
Надъ нею чудная заря.
Взгляни на Русь: заря свободы
Надъ нею ярко занялась,
И для родимаго народа
Иная эра началась.
Уже въ смиренныхъ, дальнихъ селахъ,
Во тьмѣ, зажегся знанья свѣтъ:
Лепечутъ дѣти въ сельскихъ школахъ
Твои стихи, родной поэтъ!
Возстань, воскресни изъ могилы!...
Но ты для насъ не умиралъ,
И въ сердцѣ русскихъ образъ милый
Донынѣ, какъ живой, стоялъ.
Не умиралъ, и не умрешь ты
Въ душѣ народной никогда;
Въ своихъ твореніяхъ живешь ты,
И въ нихъ ты будешь жить всегда!

---

[1]) „Церковный Вѣстникъ“, 1880, № 24, стр. 6.

Воздвигъ ты памятникъ нетлѣнный
И неколеблемый себѣ:
Пылаетъ вѣчно, незабвенный,
Любовь народная къ тебѣ!

А. А. П[1]).

Къ памятнику А. С. Пушкина.

(Экспромптъ.)

Я чту художника-поэта:
Онъ — гордость родины моей;
Онъ озарилъ лучами свѣта
Сердца читающихъ людей.
Еще пройдутъ вѣка и годы,
И время многое сотретъ,
Но въ мысляхъ русскаго народа
Пѣвецъ вовѣки не умретъ!

А. В. Болдыревъ[2]).

Звѣзда скатилась съ небосклона,
Великій изъ пѣвцовъ пѣвецъ,
Любимецъ музъ и Аполлона,
Нашелъ безвременный конецъ, —
И вся Россія зарыдала...
Предать забвенью не могла,
Кого такъ чтила, обожала;
Изъ бронзы памятникъ слила
Тому пѣвцу, подъ чьи напѣвы,
Какъ бы подъ шумъ морской волны,
Восторга дивнаго полны,
Задумывались старцы, дѣвы, —

---

1) „Петербургская Газета", 1880, № 89.
2) „Пензен. губ. вѣд.", 1880, № 126, стр. 4.

А юноши, средь вдохновеній,
Волнуясь сердцемъ и умомъ,
Почуяли, что новый геній
Запѣлъ имъ новымъ языкомъ.
И кто изъ сверстниковъ поэта
Его стиховъ не заучалъ,
И кѣмъ восторгъ не обладалъ,
Когда звучала пѣсня эта?
Чей голосъ сердца непритворный
Его стиховъ не повторялъ?...
Но Пушкинъ самъ себѣ создалъ
Свой *памятникъ нерукотворный*, —
Не сокрушится онъ вовѣкъ,
Доколь живъ русскій человѣкъ!

Ѳ. Б. Миллеръ[1]).

Передъ памятникомъ Пушкину

(въ день его открытія).

Пѣвца сразилъ судьбы ударъ ужасный, —
Во цвѣтѣ лѣтъ и силы онъ угасъ!
Но дивный голосъ лиры сладкогласной
Попрежнему звучитъ, плѣняя насъ.

* * *

Храня въ душѣ къ высокому стремленье,
Онъ честію поэта дорожилъ,
Глубоко чтилъ его онъ назначенье
И лишь добру и истинѣ служилъ.

* * *

Ему была близка, мила природа,
Свой идеалъ онъ видѣлъ въ ней одной,
И, чуткій къ славѣ русскаго народа,
Его любилъ онъ теплою душой.

* * *

[1]) „Москов. вѣд.“, 1880, № 154. „Развлеченье“, 1880, № 22.

Вотъ памятникъ — Россіи приношенье:
Онъ о пѣвцѣ потомству говоритъ;
Но Пушкина безсмертныя творенья
Переживутъ и бронзу и гранитъ!

***

Да, будутъ жить они, не увядая,
И не замолкнетъ о пѣвцѣ молва,
Пока живетъ отчизна дорогая,
Пока стоитъ престольная Москва!

***

Пройдутъ вѣка, другія поколѣнья
Займутъ страну, гдѣ прахъ его лежитъ;
Но и отъ нихъ къ нему благословенье,
Какъ дань сердецъ, въ міръ лучшій полетитъ!

***

О Пушкинъ! братъ нашъ милый, незабвенный!
Въ свой краткій вѣкъ ты много совершилъ:
Въ сердцахъ согражданъ памятникъ нетлѣнный
Ты навсегда себѣ соорудилъ!

А. Ѳ. Ивановъ-Классикъ[1]).

На открытіе памятника Пушкину.

Какъ въ свѣтлый праздникъ, чувствъ святыни
Призыву громкому внемля,
Сойдемся мы вокругъ твердыни
Первопрестольнаго Кремля;
Тамъ, надъ зубчатыми стѣнами,
Во всемъ величіи быломъ
Возсталъ нашъ Пушкинъ передъ нами
Съ его увѣнчаннымъ челомъ.

---

¹) „На разсвѣтѣ". Новыя пѣсни, сатиры, юмористическія стихотворенія и куплеты А. Ѳ. Иванова-Классика. С.-Пб. 1882, стр. 15—18. „Правда", 1880, № 146. „Суфлеръ", 1880, № 39. „Петербургскій Листокъ", 1880, № 99.

Гордися, Русь! Поэтъ твой славный
Сердцамъ людей знакомъ давно.
Какъ Петръ для насъ рукой державной
Въ Европу прорубилъ окно,
Такъ Пушкинъ твой родному слову
Могъ указать въ грядущемъ свѣтъ
И положить ему основу
На честь и славу многихъ лѣтъ.
Когда кругомъ, не видя цѣли,
Не знали мы, чѣмъ мысль ясна,
Когда очей раскрыть не смѣли
Отъ заколдованнаго сна,
Когда подъ хмелемъ Эпикура
Дѣлились словомъ мы шутя,
Когда у насъ литература
Росла, какъ хилое дитя,
Явился онъ... И свѣтлый геній,
Избранникъ Божій, полный силъ,
Цѣвницей сладкихъ пѣснопѣній
Порывы чистыхъ вдохновеній
Могучимъ духомъ окрылилъ!
Тогда-то сталъ для насъ понятенъ,
И впечатлителенъ, и внятенъ
Его глаголъ живыхъ рѣчей,
И вдохновеннѣй и ярчѣй
Передавали слова звуки
Съ волненьемъ пламеннымъ въ крови
Отраду сердца, тяжесть муки
И слезы счастья и любви;
Признаній первыхъ страстный лепетъ,
Раздумье горя, страха трепетъ
И томность дѣвственной тоски.
Кому отъ сердца далеки
Его Онѣгинъ и Татьяна,
И въ пѣсняхъ дивнаго Руслана
Живой фантазіи цвѣты,

И быль — Бориса Годунова,
И воплощенныя мечты
Въ созвучьяхъ пламеннаго слова?...
Знакомый рядъ родныхъ картинъ,
И зимній путь дороги скучной,
И „колокольчикъ однозвучный
Среди невѣдомыхъ равнинъ"?...
Отъ юныхъ дней, для чувствъ и глаза
Всплывали въ прелести живой
Громады дикаго Кавказа,
И Грузіи палящій зной,
И плескъ волны, и шумъ дубравы,
И сѣнь цыганскаго шатра,
Гиреевъ власть, и бой Полтавы,
И образъ мощнаго Петра;
Раздумье празднаго веселья,
Мишурный блескъ его поры,
И съ пѣсней вольною похмелья
Безпечной юности пиры.
И въ вѣрныхъ образахъ и лицахъ,
Какъ геній онъ, какъ человѣкъ,
На впечатлительныхъ страницахъ,
На этихъ блещущихъ зарницахъ
Намъ отразилъ свой грустный вѣкъ...
Какъ цвѣтъ, цвѣла таланта сила,
Его къ безсмертію маня;
Вокругъ него, какъ вкругъ свѣтила
Вновь разсвѣтающаго дня,
Блеснули звѣзды дарованій.
Онъ эти звѣзды вдохновилъ
И въ нихъ съ восторгомъ упованій
Святой свой пламень заронилъ.
И этимъ пламенемъ поэта
Облагороженъ и согрѣтъ
До нашихъ дней, въ волненьяхъ свѣта,
И лѣтописецъ и поэтъ...

Почтить его — нашъ долгъ и право,
Не праздный вымыселъ, не лесть;
Онъ наша гордость, наша слава,
Неувядаемая честь.
Потомство наше вновь оцѣнитъ
Пѣвца родного своего,
И каждый русскій не измѣнитъ
Великой памяти его!...

А. Ш....ъ[1]).

Къ памятнику Пушкина.

Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный,
Къ нему не зарастетъ народная тропа...
Пушкинъ.

Пророчески сбылось твое сказанье,
Народный, славный нашъ поэтъ!
Твой геній и твое созданье
Въ народѣ русскомъ не умретъ.
Кто сердцемъ и умомъ не зналъ
Всю красоту твоихъ твореній,
И кто въ тебѣ не сознавалъ
Твоихъ высокихъ вдохновеній...
Ты оживилъ языкъ родной
Въ стихѣ изящной красоты:
То перлы сыпалъ намъ порой,
То дивные дарилъ цвѣты.
Міръ сказочный и міръ волшебный,
Гдѣ и Людмила, и Русланъ,

---

[1]) „Востокъ", 1880, № 46, стр. 154 (съ примѣчаніемъ редакціи: „Стихъ этотъ принадлежитъ одному изъ современниковъ поэта, 70-лѣтнему старцу, великому почитателю великаго Пушкина").

И Черноморъ, какъ духъ враждебный
Намъ обрисованъ, какъ романъ.
Ревнуя вѣковою славой,
Ты выразилъ своимъ перомъ
Погибель Карла подъ Полтавой
Въ борьбѣ отчаянной съ Петромъ.
Неподражаемо правдиво
Ты передалъ намъ типъ цыганъ
И поэтически игриво
Изобразилъ ихъ дикій станъ.
Страну востока посѣщая,
Природы чудный уголокъ,
Вписалъ фонтанъ Бахчисарая
Въ свой поэтическій листокъ.
Онѣгинъ твой, твоя Татьяна,
То грустный, то живой разсказъ
Изъ жизни барства и проказъ —
Блестящій образецъ романа.

. . . .

Мужъ доблестный, высокой чести,
Россія для тебя былъ свѣтлый идеалъ, —
Ты ли знакомъ былъ съ чувствомъ мести?
Ты правду говорилъ и клевету каралъ[1]).
Прошло ужъ много-много лѣтъ,
Былъ случай грустный — и могила,
Неподражаемый поэтъ,
Въ тебѣ насъ генія лишила.
Но живъ ты между насъ — и къ памяти твоей,
Любимецъ музы незабвенный,
Ты вызвалъ наконецъ признательность людей
И лавровый вѣнокъ Россіи просвѣщенной.

. . . .

И вотъ твой образъ благородный,
Изъ бронзы вылитый, поставленъ на гранитъ:

---

[1]) „Клеветникамъ Россіи“.

Дань справедливая любви родной —
Онъ память о тебѣ потомству сохранитъ.
„Ты память себѣ воздвигъ нерукотворный,
Къ нему не зарастетъ народная тропа!“...

Д. В. Аверкіевъ[1]).

Памяти А. С. Пушкина.

Отъ ранней юности, когда едва-едва
Во мнѣ проснулося къ высокому стремленье,
И стали милы мнѣ и звучныя слова
И стройныхъ образовъ живое воплощенье, —
Ты овладѣлъ моей лепечущей душой
И, въ высь ее маня отъ пошлыхъ золъ вседневныхъ,
Съ отцовской нѣжностью, поэзіей святой
Въ ней мирно насаждалъ согласье силъ душевныхъ.

* * *

Какъ часто отрокомъ, охваченный мечтой,
Я убѣгалъ въ твой садъ, обширный и прекрасный,
Гдѣ все исполнено привѣтливой красой,
Все дышитъ чистотой и стройностью согласной, —
И тамъ, въ таинственной, цвѣтущей тишинѣ,
Внималъ твоимъ словамъ душою полузрѣлой
И ихъ запоминалъ въ сердечной глубинѣ,
И робко вторилъ имъ на лирѣ неумѣлой.

* * *

И тихимъ вечеромъ, и въ часъ пировъ ночныхъ,
Отрадно было мнѣ, въ дни юности мятежной,
И про себя и вслухъ твердить твой дивный стихъ,
То бодрый въ горести, то полный страсти нѣжной;

---

1) „Русскій Вѣстникъ“, 1880, май, стр. 456—457.

Межъ юношей лишь тѣхъ я другомъ называлъ,
И были любы мнѣ лишь тѣ младыя дѣвы,
Кто въ сердцѣ выносилъ твой свѣтлый идеалъ
И повторялъ твои волшебные напѣвы.

* * *

Когда одолѣвалъ меня порывъ страстей
И увлекалъ на путь порочный и ничтожный,
И низко падалъ я, — въ безмолвіи ночей,
Стремясь подняться вновь, душой моей тревожной,
Къ тебѣ, о думъ моихъ завѣтный властелинъ,
Томимъ раскаяньемъ, больной и омраченный, —
Къ тебѣ я прибѣгалъ, какъ недостойный сынъ,
И вновь свѣтлѣлъ душой, тобою исцѣленный.

* * *

Въ дни мужества, въ борьбѣ за свѣтлый идеалъ,
Какъ, оклеветанный, боязни униженья
Не въ силахъ превозмочь, я скорбно изнывалъ
Подъ грубой тяжестью невольнаго сомнѣнья. —
Я сердцемъ вспоминалъ великій твой завѣтъ
Велѣньемъ Божіимъ считать свое призванье,
И, бодро шествуя тебѣ, о вождь, во слѣдъ,
Я въ сердцѣ сохранялъ святое упованье.

* * *

И въ оный свѣтлый день, когда придутъ толпой
На памятникъ, что ты воздвигъ нерукотворно,
Хвалы тебѣ воздать, — да встанетъ образъ твой
Во всей своей красѣ и силѣ чудотворной!
О, въ этотъ день, забывъ недавній крикъ глупцовъ,
О геніи твоемъ тупые пересуды,
Молю я, чтобъ никто наборомъ пышныхъ словъ
Тебѣ не даровалъ лобзанія Іуды.

М[1]).

У подножія памятника.

I.

Поэтъ нашъ, не напрасно вѣрилъ
Ты въ память родины своей!
Ты предъ собой не лицемѣрилъ, —
Родной, съ годами, ты *роднѣй*...
Онъ нашъ, какъ звуки сердцу милой
Завѣтной пѣсни хоровой,
То разудалой, то унылой,
Что льется по Руси святой.
Онъ нашъ, какъ Волги безбережной
Въ туманъ бѣгущій кругозоръ, —
Онъ нашъ, какъ степи безрубежной
Духъ окрыляющій просторъ...
Поэтъ *поистинѣ* народный,
Россіи духъ и идеалъ
Душою чутко-благородной
Онъ чудодѣйственно позналъ.
Онъ въ существѣ своемъ духовномъ
Умѣлъ найти иль возсоздать
Все, что народъ своимъ и кровнымъ,
Что мы могли своимъ признать.
Въ свои младенческіе годы
Народной жизнью жилъ и онъ.
И вотъ, и радость, и невзгоды
Народа, жизненный законъ,
Его сказанья бытовыя,
Его младенческіе сны,
Всѣ эти образы родные,
Преданья дѣтской старины, —

---

[1]) „Русскій Вѣстникъ“, 1880, VI, стр. 893—896.

Все, все его усвоилъ геній,
Все словомъ звучнымъ воплотилъ.
И для грядущихъ поколѣній
Живымъ навѣки сохранилъ.
Поэтъ *народный — вѣковѣчно!*
Пророкомъ вѣщимъ онъ прозрѣлъ
Все, что въ народѣ скоротечно
И что духовно. Онъ болѣлъ
Родною скорбью. Но высоко
Взмахнувъ крыломъ надъ злобой дня,
Онъ видѣлъ, какъ течетъ широко
Потокъ мірского бытія.
Онъ видѣлъ, какъ, свой путь свершая,
Свершая подвигъ вѣковой,
Народъ, крестясь и уповая,
Покрытый пылью вѣковой,
Идетъ спокойно и покорно,
Куда Господь его ведетъ...
И видѣлъ онъ, какъ чудотворно
Русь *скорбью* крѣпнетъ и растетъ...
Ему предстало откровенье,
Онъ понялъ *таинство труда,*
Законъ любви и единенья,
Законъ распятаго Христа.
И въ часъ послѣдній, въ часъ свободы,
Кончая жизненный урокъ,
Онъ „символъ“ произнесъ народа:
„Россія, царь земной и Богъ!“...
О, сладкозвучныхъ пѣснопѣній
Творца мы здѣсь благословимъ!
Какихъ отрадъ и вдохновеній
Сокровища раскрыты имъ!
Въ нашъ вѣкъ бездушья и безбожья,
О Пушкинъ нашъ, какъ ты великъ,
Какъ здѣсь, у твоего подножья,
Теперь понятенъ твой языкъ!

Не разрушенья ярость злая,
Не злоба, не безвѣрья ночь, —
Въ твоихъ стихахъ царитъ благая
Любви зиждительная мочь.
Изъ глубины своей могилы
Ты въ тайникахъ родной души
Живишь и окрыляешь силы
Надежды, вѣры и любви...

II.

Мы вѣримъ, есть въ судьбѣ избранныхъ
Порой таинственный урокъ,
Хоть въ очертаніяхъ туманныхъ
Его указываетъ рокъ.
Онъ завѣщается потомкамъ,
Они должны его понять
И по разрушеннымъ обломкамъ
Завѣтный образъ угадать...
„Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный;
Къ нему не зарастетъ народная тропа;
Вознесся выше онъ главою непокорной
Наполеонова столпа“...
И годы протекли... Предвѣчнаго закона
Исполненъ приговоръ: мы памятникъ любви
Воздвигнули въ сердцахъ, а столпъ Наполеона
Лежалъ, разрушенный, въ пыли...
Насилью памятникъ, насильемъ сокрушенный,
Въ порывѣ яростномъ крамолъ и мятежа,
Онъ кровью братскою, какъ Каинъ, обагренный,
Трепещетъ Божьяго суда...
Пусть тамъ, на Западѣ, витіи лженарода
Морочатъ маревомъ своихъ несчастныхъ жертвъ —
Зарей лжеравенства, лжебратства, лжесвободы:
Ихъ духъ мертвитъ — онъ лживъ и мертвъ!...
Свобода вожаковъ, ничтожества равенство
И братство Каина — осуждены судьбой!

Нѣтъ, родинѣ пѣвецъ не то сулилъ блаженство —
Мы жить хотимъ! Нашъ путь — иной!...
Какъ въ дни былые испытанья,
И въ наши сумрачные дни,
Москва, Москва, *твои* сказанья
Судьбы укажутъ намъ пути.
Твоя святыня намъ внушаетъ
Россіи жизненный завѣтъ,
Къ тебѣ любовно обращаетъ
Пѣвецъ сыновній свой привѣтъ.
Завѣтъ тотъ: „Царь и единенье
Во имя Божьяго креста,
И въ подвигѣ самозабвенья —
Единство духа и труда!"... 1879(?)

И. Ливанскій[1]).

Предъ памятникомъ Пушкину.

Въ нашъ вѣкъ бездушья и безбожья,
О, Пушкинъ нашъ, какъ ты великъ,
Какъ здѣсь, у твоего подножья,
Теперь понятенъ твой языкъ!
Не разрушенья ярость злая,
Не злоба, не безвѣрья ночь,
Въ твоихъ стихахъ царитъ благая
Любви зиждительная мочь.
. . . .
Все, все его усвоилъ геній,
Все словомъ звучнымъ воплотилъ
И для грядущихъ поколѣній
Живымъ навѣки сохранилъ.
М.

Поэтъ великій! Наконецъ-то
Ты вновь властитель нашихъ думъ, —
Опять чаруешь, увлекаешь
И сердце наше ты и умъ.

---
1) „Поминки", Орелъ 1883, стр. 21—25.

Опять явился ты предъ нами
Во всей могучей красотѣ,
Стоишь, какъ прежде, величаво
На недоступной высотѣ...
И какъ ни силились зоилы
Поколебать твой пьедесталъ,
Онъ не поддался ихъ напорамъ,
Тебя позору не отдалъ.
И вотъ мы дружно окружаемъ
Твой памятникъ со всѣхъ сторонъ, —
И рады мы, что наконецъ-то
Тебѣ, поэтъ, воздвигнутъ онъ.
И рады мы, что проза жизни
Не обуяла еще всѣхъ,
Что и поэзія имѣетъ
Среди насъ истинный успѣхъ.
Давно, давно намъ надлежало
Тебя достойно такъ почтить,
Давно обязаны мы были
Тебѣ признательность явить:
Вѣдь ты для всѣхъ насъ былъ учитель,
Ты всѣмъ уроки намъ давалъ,
Хотя порою и не каждый
Изъ насъ все это сознавалъ, —
Хотя подчасъ готовы были
Тебя мы грязью закидать,
Внимая голосу зоиловъ,
Тебя желавшихъ развѣнчать...
Теперь опомнилися всѣ мы,
Теперь поняли мы тебя, —
Какъ свѣточъ дивный, озарила
Насъ всѣхъ поэзія твоя —
И мы увидѣли, узнали,
Насколько дорогъ ты для насъ,
И — сожалѣемъ, что напрасно
Тебя чуждались мы подчасъ:

Ты — наша гордость, наша слава,
Ты величайшій нашъ поэтъ...
Прими жъ отъ насъ ты благосклонно
Теперь восторженный привѣтъ.
Прими и это приношенье,
Прими сей памятникъ отъ насъ,
И пусть всегда служить онъ будетъ
Отрадою для нашихъ глазъ.
Пусть о тебѣ напоминаньемъ
Намъ будетъ онъ всегда служить,
Пусть тѣнь твоя, поэтъ великій,
Съ нимъ неразлучно будетъ жить...
Да будешь ты для насъ предметомъ
Думъ благородныхъ и благихъ,
Да чрезъ тебя мы укрѣпимся
Въ воззрѣньяхъ русскихъ, намъ родныхъ;
Да возродимся къ новой жизни
Мы всѣ поэзіей твоей,
Въ которой много такъ высокихъ,
Патріотическихъ идей —
Не тѣхъ, что головы туманятъ,
Не тѣхъ, что мучатъ только насъ,
Что лишь надежды въ насъ рождаютъ,
Ихъ разрушая каждый часъ, —
А тѣхъ, которыя такъ нужны
Намъ уже съ давнихъ, съ давнихъ поръ,
Изъ-за которыхъ лишь безплодно
У насъ идетъ бранчивый споръ...
Дай намъ узрѣть въ твоихъ твореньяхъ
Ту правду, коею ты жилъ, —
Тѣ идеалы, коимъ честно
И беззавѣтно ты служилъ,
Чтобъ мы и сами были въ силахъ
Тѣ идеалы воспринять
И чтобъ, при свѣтѣ ихъ, сумѣли
За правду жизни постоять... 1880.

В. Поповъ[1]).

Передъ памятникомъ Пушкину.

Была пора: густою мглою
Закрылось солнце въ небесахъ,
И мы печальною толпою
Бродили ощупью впотьмахъ:
Какъ въ снѣ тревожномъ, мы дышали,
На всемъ тяжелый гнетъ лежалъ —
И только тѣ лишь ликовали,
Въ комъ голосъ совѣсти молчалъ...
Явился ты — твой стихъ блестящій
Тотъ мракъ, какъ молнія, пронзилъ,
Разсѣялъ мглу и настоящій
Намъ путь къ прогрессу озарилъ.
Какъ громъ, твое звучало слово,
Взывая къ чувствамъ лучшихъ лѣтъ,
И все, что было въ насъ живого,
Пробуждено тобой, поэтъ!
Все, что враждой къ добру дышало,
Ты безпощадно поражалъ —
Толпа презрѣнная дрожала,
Какъ ты ее разоблачалъ, —
И силы темныя вступили,
Тобой озлоблены, въ союзъ,
И гнусной клеветой язвили
Тебя, питомецъ славный музъ!
Не вынесъ ты ихъ оскорбленій,
И палъ, задавленный толпой;
Ты мертвъ, но живъ твой чудный геній,
Безсмертенъ ты въ странѣ родной!
Тобою брошенное сѣмя
Уже обильный плодъ дало,

[1]) „Всемірная Иллюстрація“, 1880, № 598, стр. 506.

И не одно младое племя
На этой нивѣ возрасло.
Источникъ чистыхъ вдохновеній
По ней попрежнему бѣжитъ,
И жажду многихъ поколѣній
Онъ утолилъ и утолитъ!

И. Завалишинъ[1]).

Пушкинъ.

(1799—1837.)

Межъ тѣмъ какъ удивленный міръ
На урну Байрона взираетъ,
И хору европейскихъ лиръ
Близъ Данте тѣнь его внимаетъ, —
Гдѣ жъ сладкозвучный нашъ пѣвецъ,
Шенье страдальческу кончину
Воспѣвшій[2]), горько для сердецъ
Пророча самъ свою судьбину?
Какъ человѣкъ, увлекся онъ,
Но, какъ поэтъ, онъ выше міра;
Какъ человѣкъ — онъ былъ сраженъ,
Но какъ поэтъ — безсмертна лира!
Пойдемъ въ убогій монастырь[3]),
Гдѣ сномъ спитъ нынѣ непробуднымъ
Пѣвецъ „Руслана“, богатырь
Родного слова, — въ дѣлѣ трудномъ
Образованія страны

---

1) „Самарскій Справочный Листокъ“, 1880, № 106.

2) Стихотвореніе Пушкина, „Шенье“. Французскій поэтъ Шенье былъ казненъ въ 1793 году французскими революціонерами. *Авт.*

3) Пушкинъ похороненъ въ 1837 году (будучи раненъ смертельно на дуэли) въ Святогорскомъ Успенскомъ монастырѣ, въ 40 верстахъ отъ уѣзднаго города Опочки, въ Псковской губерніи. *Авт.*

Апостолатъ свершившій славно;
Проникшись духомъ старины,
Воспѣвшій сильно, право — правно.
Въ немъ русскій духъ жилъ, русскій складъ
Мыслей; рѣчь русская, живая;
Его поэзія есть кладъ
Чувствъ, сердца храмина родная.
Увы! тяжка пѣвцовъ у насъ
Земная доля, жребій — горе!
Ладью ихъ взноситъ валъ на часъ
И... поглотилъ въ пучинѣ моря!
Когда Господь сошлетъ высокихъ дарованій
Лучъ на избранника, за трудъ свой воздаяній
От современниковъ онъ ждетъ;
Но тяжкою цѣной ему вѣнокъ лавровый
Плетется обществомъ, которое терновый
Вѣнецъ охотнѣе плететъ!
Такъ было со временъ миѳическихъ Гомера
И до дней нынѣшнихъ! Захочемъ ли примѣровъ
Сему въ прошедшемъ поискать?
Какою длинной и печальной вереницей
Предъ нами возстаютъ великихъ блѣдны лица,
Чтобы свой геній проклинать!
А особливо, какъ тяжка поэтовъ доля!
Съ душой довѣрчивой вступая на раздолье
Сей жизни, входятъ въ міръ они
И думаютъ, что пѣснь ихъ сладкая есть право
На счастіе... Но міръ, главой своей лукаво
Качая, молвитъ: „Постони!
„Прекрасна пѣснь твоя, ты, можетъ-быть, и геній,
Да не умѣемъ *жить,* колѣнопреклоненій
Не цѣнимъ пользы передъ всѣмъ,
Что̀ сила есть у насъ... Ты гордъ и неприступенъ,
Разсчетамъ лжи людской душою недоступенъ:
Вотъ тебѣ адъ, а не эдемъ!“
Такъ было и у насъ, въ Россіи современной:

Лишь царскою рукой поддержаны, взнесенны,
Державинъ и Крыловъ могли
Жить въ обществѣ. Когда жъ недоставало
Опоры сей, тогда на генiй все вставало,
Чтобъ жизнь сломить... И возмогли!
Вы мнѣ свидѣтели и тѣни незабвенны,
Рылѣевъ, Лермонтовъ и Пушкинъ, освященны
Своею пѣснью средь людей,
И ты, пѣвецъ Литвы, Мицкевичъ, вдохновенный
Любовью къ родинѣ и смертью пораженный
Вдали отъ родины своей!
Миръ имъ! Счастливъ, кто жилъ не для похвалъ презрѣнныхъ
Толпы завистливой, а въ пѣсняхъ вдохновенныхъ
Лишь жизни внутренней искалъ;
Кто пѣлъ, какъ соловей поетъ въ лѣсу, призваньемъ
Небеснымъ взысканный, но мiра воздаяньямъ
Завѣтной думы не кидалъ!

Нилъ Адмирари[1]).

Споръ о Пушкинѣ.

Москва и Петербургъ заспорили объ этомъ:
Которому изъ нихъ тщеславиться поэтомъ?
— „Я родила его!“ воскликнула Москва.
— „Такъ что же?“ Петербургъ отвѣтилъ ей: „едва
Успѣвъ повырасти изъ тѣсныхъ узъ — пеленокъ,
Москву покинулъ вѣдь талантливый ребенокъ
И, къ славной участи судьбой своей влекомъ,
Онъ мною воспоенъ классическимъ млекомъ“.
— „А кто же, какъ не ты, на удивленье свѣта,
Придалъ ему букетъ фривольнаго поэта,
И кто же, какъ не ты, заставилъ его несть
Тяжелый крестъ молвы? Та пагубная месть,

1) „Петербургская Газета“, 1880, № 115.

Что подзадорила, какъ свѣтскаго повѣсу,
Его подставить грудь ничтожному Дантесу,
Тобою внушена. Тобой увѣренъ онъ,
Что будто онъ навѣкъ интригой очерненъ"...
Какъ пчелы въ улеѣ, жужжали тѣ два града,
Кому вѣнчать пѣвца посмертною наградой.
И споръ двухъ городовъ уснувшаго давно
Пѣвца тревожилъ сонъ лишь понапрасну. Но...
Поэта надѣлилъ, къ несчастью, этотъ улей
И роковой женой и роковою пулей!

М. Д. (Д. Д. Минаевъ?)[1].

Послѣ торжества.

(По поводу пушкинскаго обѣда въ Петербургѣ.)

I.

Съ грустью въ душѣ, отъ лица
Нашей столицы огромной
Въ клубѣ кружокъ очень скромный
Чествовалъ память пѣвца,
Чествовалъ, уединенный
(Всѣ мы разладомъ грѣшимъ!),
И изъ толпы милліонной
Сто человѣкъ съ небольшимъ
Только сошлось, хоть и вѣдали
Въ городѣ всѣ про обѣдъ...
Слышенъ единый отвѣтъ:
„Мнѣ, господа, до обѣда ли?
Времени, времени нѣтъ!..."

II.

„Я на обѣдѣ, пожалуй,
Самъ бы присутствовать радъ,

[1]) „Молва", 1880, № 160.

И аппетитъ былъ не малый,
Но“, увѣрялъ бюрократъ
Съ видомъ дѣльца занятого:
„Этого сдѣлать не могъ:
Въ праздникъ, іюня шестого,
Былъ у начальства пирогъ,
И — мысль поистинѣ праздная —
Могъ ли забыть о томъ днѣ
Я, въ память Пушкина празднуя?
Такъ до обѣда ли мнѣ?“

III.

„Хоть и не такъ, какъ Державинъ
И Николай Карамзинъ,
Пушкинъ великъ былъ и славенъ“,
Рекъ педагогъ мнѣ одинъ:
„Но я бъ съ охотою тоже
Рюмку, другую вина
Выпилъ за Пушкина все же,
Если бъ въ день этотъ жена
Не разрѣшилась отъ бремени...
Ей же такъ трудно рожать...
Не было, батюшка, времени
Въ этакой день пировать!“

IV.

„Пушкинъ Россіей оплаканъ;
Онъ восхищалъ и меня:
Помню „гусара“ я, какъ онъ
„Чистилъ скребницей коня“...
Пушкинъ по имени громокъ,
Я бы на праздникъ попалъ“,
Такъ Скалозуба потомокъ,
Усъ завивая, болталъ:
„Попировалъ съ вами въ складчину,
Самъ, какъ всѣ вы, оживленъ,

Да на бѣду мою въ Гатчину
Былъ на пикникъ увезенъ“.

V.

„Хоть отговорки и слабы“,
Скромно художникъ сказалъ:
„Былъ на обѣдѣ и я бы,
Если бъ день пиршества зналъ,
Но пусть ругательной кличкѣ
Насъ предаетъ за то свѣтъ,
Я, какъ артистъ, по привычкѣ
Вѣкъ не читаю газетъ,
Не придавая значенія
Злобѣ текущаго дня,
И — въ этомъ каюсь — для чтенія
Времени нѣтъ у меня“...

VI.

„Пушкинъ извѣстенъ былъ нѣкогда,
Въ землю давно онъ зарытъ,
Мнѣ жъ пировать съ вами некогда“,
Книгопродавецъ ворчитъ:
„Пусть веселятся другіе
И ради лишь пустяковъ
Тратятъ часы дорогіе...
Если ужъ самъ Исаковъ
Не былъ на пушкинскомъ праздникѣ,
Дѣлать тамъ нечего мнѣ:
Какъ всѣ купцы, всѣ лабазники,
Любимъ мы деньги однѣ“.

VII.

„Если поэтъ заболѣетъ“,
Врачъ говоритъ: „полѣчу,
Буде онъ деньги имѣетъ,
Но на обѣдъ полечу

Я, господа, съ какой стати?“...
Зодчій готовъ увѣрять:
„Чуждый къ вопросамъ печати,
Я монументъ вамъ создать
Скоро могу и находчиво,
Но ожидать на обѣдъ
Тщетно вы будете зодчаго:
Средствъ и желанія нѣтъ!“

VIII.

Хоть ни одинъ изъ актеровъ
Тоже на пиръ не попалъ,
Во избѣжанье укоровъ,
Я, въ ихъ защиту, сказалъ:
„Мы не должны возмущаться,
Что лицедѣевъ здѣсь нѣтъ:
Имъ незнакомъ, можетъ статься,
Русскій великій поэтъ...
Нильскаго или хоть Душкина
Если спросить, господа, —
Каждый изъ нихъ строчки Пушкина
Не прочиталъ никогда“.

IX.

Всюду жди только отвѣта:
Времени нѣтъ для привѣта
Искренно-теплаго, въ честь
Музы родного поэта.
Только у всѣхъ время есть
На юбилей по подпискѣ,
Старцевъ чиновныхъ удѣлъ, —
И на развратъ, и на вспрыски
Темныхъ промышленныхъ дѣлъ,
На пиры въ честь тузовъ титулованныхъ,
Обирающихъ бѣдный народъ
И толпою льстецовъ избалованныхъ...
Вотъ на что наше время идетъ!...

М. Д. (Д. Д. Минаевъ?)[1]).

Отъ времени до времени.

(Поэма-хроника.)

I.

Ночь глухая. Ясный мѣсяцъ
Надъ Кремлемъ московскимъ всплылъ...
Праздникъ пушкинской недѣли
Всю Москву угомонилъ.
Смолкли пламенныя рѣчи —
Блестки чувствъ, ума, страстей,
И по всѣмъ угламъ Россіи
Разлетѣлся рой гостей,
Собиравшихся, чтобъ дружно
Память Пушкина почтить
И съ восторгомъ всенародно
Монументъ ему открыть.
Подъ покровомъ лѣтней ночи
Бѣлокаменная спитъ,
Лишь Царь-колоколъ съ Царь-пушкой
Въ перекличку говоритъ:
„Ты не спишь еще, Царь-пушка?“
— „Нѣтъ, Царь-колоколъ, не сплю“...
— „Такъ давай же потолкуемъ!...
Я съ тобой всегда люблю
Послѣ праздничныхъ волненій
Темной ночью поболтать,
Я же всю недѣлю эту
Волновался сутокъ пять.
Да и какъ не волноваться!
Вся великая Москва
Въ честь великаго поэта
Къ торжеству отъ торжества,

[1]) „Молва“, 1880, № 160.

Говорятъ, переходила, —
Много, много было ихъ, —
И виновница тѣхъ пиршествъ
Пробуждала мысль въ однихъ
И на крыльяхъ вдохновенья
Заносила въ облака, —
У другихъ пищеваренье
Поразстроила слегка.
У подножья монумента
Стихли распри и вражда...
Самъ Катковъ воскликнулъ даже:
„Помиримся, господа!“
— „Ну, объ этомъ слухъ различенъ“,
Пушка молвила въ отвѣтъ:
„И Каткову не хотѣли
Представители газетъ,
Какъ я слышала сегодня,
Протянуть своей руки“...
Но Царь-колоколъ озлился:
„Только злые языки
Распускаютъ эти слухи
Намъ въ обиду и въ позоръ...
Ты жъ, Царь-пушка, какъ болтушка,
Повторяешь всякій вздоръ.
Рѣчь московскаго премьера
Одобренья встрѣтилъ гулъ;
Даже Юрьевъ умиленный
Не одну слезу сморгнулъ“...
— „Юрьевъ?“... пушка заревѣла:
„Первый врагъ Каткова?“.— „Ложь,
Клеветница ты, Царь-пушка!“
— „Ты, Царь-колоколъ, все врешь!“
Такъ поссорившись, — находитъ,
Знать, на всѣхъ подобный стихъ —
И Царь-пушка замолчала,
И Царь-колоколъ затихъ.

II.

Въ ту же ночь надъ Петроградомъ,
Только выплыла луна,
Вдругъ на набережной невской,
Гдѣ царила тишина,
Стали каменные сфинксы
Говорить между собой
И объ Африкѣ вздыхали,
Недовольные судьбой.
Ихъ глухой могильный голосъ
Замиралъ въ полночной мглѣ.
„Времена", сказалъ сфинксъ первый:
„Измѣнились на землѣ.
Было время — обвивался
Свѣжимъ лавромъ мечъ одинъ,
И не смѣлъ о лаврахъ думать
Всякій мирный гражданинъ;
Было время — пирамиды,
Поднимая груды скалъ,
Только славнымъ фараонамъ
Нашъ Египетъ воздвигалъ.
А теперь преобразился
Совершенно бѣлый свѣтъ...
На Руси жилъ-былъ какой-то
Камеръ-юнкеръ и поэтъ.
Сказки разныя печаталъ,
Графа Нулина воспѣлъ,
О военной службѣ даже
И понятья не имѣлъ,
Даже въ дерзкой эпиграммѣ
Имъ осмѣянъ Воронцовъ, —
А теперь онъ возвеличенъ
Выше славныхъ храбрецовъ.
И ему въ Москвѣ воздвигнутъ
Нынче памятникъ... Увы,

Ожидать не могъ такого
Я поступка отъ Москвы!
От досады хоть въ Неву я
Радъ нырнуть ночной порой".
— „Я и самъ радъ утопиться",
Глухо молвилъ сфинксъ второй:
„А межъ тѣмъ и въ Петербургѣ
Подняла вопросъ печать:
Не хотимъ въ подобномъ родѣ
Отъ Москвы мы отставать
И въ Петрополѣ поставимъ
Тоже статую пѣвца".
— „Доведутъ ли только дѣло
До желаннаго конца?"
Возразилъ второй сфинксъ злобно:
„Пошумятъ, поговорятъ
И остынутъ очень скоро:
Знаю этотъ Петроградъ"...
— „Не ругайся! Измѣнились
Нынче люди черезчуръ...
Полюбился имъ какой-то
Малороссъ и балагуръ
И, рѣшивъ, что Гоголь — генiй,
Разогнавшiй свѣтомъ тьму,
Тоже памятникъ воздвигнуть
Порѣшили и ему".
— „Не нова ль затѣя эта
Для Москвы и для Невы?"
— „А про дѣдушку Крылова
Позабыли развѣ вы?"
— „Нѣтъ, нисколько: вѣдь въ сторонкѣ
Въ Лѣтнемъ онъ стоитъ саду,
Сторожамъ однимъ извѣстный,
И притомъ не на виду,
Не на площади открытой,
Лишь назначенной для насъ

И великихъ полководцевъ,
Презирающихъ Парнассъ".
Между тѣмъ луна потухла
Передъ первымъ блескомъ дня,
И два каменныхъ гиганта
Смолкли, голову склоня.

Отдѣлъ V.

1880—87 гг.

С. Верещагинъ[1]).

Памяти А. С. Пушкина.

Поэтъ незабвенный Россіи родной!
Твой образъ великій встаетъ предо мной.
Средь нашихъ поэтовъ ты царь-исполинъ;
Ты множество создалъ высокихъ картинъ,
Отчизну ты искренно, страстно любилъ,
Свой геній на благо ея посвятилъ,
Скорбѣлъ ты о жалкомъ, несчастномъ рабѣ,
Мечталъ о счастливой народной судьбѣ.
Холодный, пустой и безжалостный свѣтъ
Тобою въ сатирахъ глубокихъ задѣтъ,
И съ куклами сходныхъ разилъ ты людей
Нерѣдко насмѣшкою ѣдкой своей,
Каралъ ты могучимъ и смѣлымъ стихомъ
Дружившихся съ ложью, развратомъ и зломъ...
А понялъ ли русскую женщину ты?
Татьяна, дитя твоей дивной мечты,
Съ лицомъ идеально-прекраснымъ встаетъ,
И милая, кроткая тѣнь не умретъ!
Останется памятной долго она,
Своей простотой обаянья полна.
Прошедшее родины ты изучалъ
И личности прошлаго такъ возсоздалъ,
Что вновь передъ нами явились онѣ,
Какъ будто живыя, живыя вполнѣ...

---

1) „Заря", 1881, № 44, стр. 4.

Художникъ великій, ты въ плоть ихъ облекъ,
И съ чувствами предковъ сродниться ты могъ!
А Пименъ? Не русская развѣ душа?
Въ своей простотѣ она такъ хороша!
Пѣвца вдохновеннаго думы могли
Нерѣдко и образы чуждой земли
Представить намъ ярко, во всей красотѣ...
Все было доступно крылатой мечтѣ.
Ужъ Западу Пушкинъ извѣстенъ давно,
И мысли могучей, глубокой зерно
Не только лишь родинѣ нашей дастъ плодъ, —
На нивѣ всемірной то сѣмя взойдетъ,
И будетъ усладой народный пѣвецъ
Для любящихъ правду и чуткихъ сердецъ!

В. И. Ивановъ[1]).

Подъ кипарисомъ А. С. Пушкина.

Онъ здѣсь сидѣлъ давно когда-то,
Въ златыя грезы погруженъ,
И, весь проникнутъ вдохновеньемъ,
Пѣлъ пѣсни пламенныя онъ...
Ему тѣ пламенныя пѣсни
Пѣвецъ-влюбленный соловей
Носилъ сюда изъ странъ чудесныхъ,
Чтобъ волновать сердца людей...
Прошли года... Подъ кипарисомъ
Твоимъ пришелъ я отдохнуть,
И дивнымъ, свѣтлымъ вдохновеньемъ
Зажглась моя больная грудь...
Невольно въ сердцѣ воскресаетъ
Волшебной чудною мечтой

---

1) Стихотворенія, Харьковъ 1890, стр. 99—100.

Сіяньемъ свѣтлымъ окруженный,
Величественный образъ твой...
Нѣтъ! Не высокія чинары
Своими листьями шумятъ:
То пѣсни чудныя поэта
Святой мелодіей звучатъ.
Его здѣсь нѣтъ... Но духъ поэта
Еще не умеръ, — онъ живетъ,
И слышу я, какъ въ шумѣ лавровъ
Онъ пѣсни мощныя поетъ.

1883.

Н. М. Минскій[1]).

Наставники мои, о Пушкинъ величавый,
Мятежный Лермонтовъ! Давно ль васъ геній славы
Безсмертьемъ увѣнчалъ, а между тѣмъ вы мнѣ
Пѣвцами кажетесь счастливѣйшихъ столѣтій,
Простыми, страстными, безпечными, какъ дѣти.
Съ какой отрадою люблю наединѣ
Раскрыть истертый томъ — и вотъ, какъ съ вѣтокъ птицы,
Вдругъ риѳмы звонкія вспорхнутъ со всѣхъ стиховъ,
И потечетъ, блестя, ручей правдивыхъ словъ,
И чувства стройныя, какъ древнія царицы,
Нисходятъ къ зеркалу его прозрачныхъ водъ,
И образовъ толпа за ними вслѣдъ идетъ,
Готовясь ихъ облечь въ роскошныя одежды...
Какъ сказка, стихъ вашъ простъ, — горячъ, какъ сердца кровь.
Мудрецъ упьется имъ, его поймутъ невѣжды.
Пѣвцы прекраснаго, влюбленные въ любовь!
Вы даже демона, могучаго враждою,
Признанья кроткія заставили шептать,
Изгнанника небесъ сроднили вы съ толпою,
И стали дѣвушки о демонѣ мечтать!

[1]) Стихотворенія, С.-Пб. 1887, стр. 58—59.

О, нѣжныхъ чувствъ пѣвцы! Съ какимъ волненьемъ
странным
Я въ вашихъ пѣсняхъ пью отраву красоты,
И жалокъ я себѣ съ своимъ стихомъ туманнымъ,
И грустно мнѣ, что въ немъ такъ мало простоты...
Увы, мнѣ чуждъ языкъ поэзіи привольной,
Мой демонъ нѣжныхъ словъ не шепчетъ никогда.
Мой демонъ слезъ не льетъ, когда слезой невольной
Туманитъ мнѣ глаза любовь иль красота.
Его не ослѣпитъ Тамары взоръ горящій,
Алмазный снѣгъ вершинъ, пѣвучій валъ морей.
Мой демонъ шепчетъ мнѣ, что этотъ міръ блестящій
Похожъ на древній храмъ египетскихъ царей.
Порфиръ и хризолитъ... Сіяніе чертога...
Молящихся толпа... Жрецовъ поющихъ рядъ...
Но тамъ, въ святилищѣ, — но тамъ, на мѣстѣ бога,
Стоитъ священный быкъ и спитъ священный гадъ...
Въ душѣ, въ людской душѣ, въ прекрасномъ храмѣ міра,
Нѣтъ больше божества — и даже нѣтъ кумира!... 1885.

Г. А. Головковъ[1]).

Пушкину.

О нашъ поэтъ возлюбленный, великій,
Пѣвецъ Руси родной!
Давно-давно, сраженный злобой дикой,
Забылъ ты свѣтъ земной
И мощный духъ свой, свыше вдохновенный,
Съ безплотнымъ сонмомъ слилъ;
Но въ русской памяти ты прахъ свой тлѣнный
Навѣки пережилъ.
Вездѣ встаетъ твой образъ, сердцу милый,
На всей Руси святой:

---

[1]) Сочиненія, Харьковъ 1894, стр. 15.

При пѣснѣ пахаря, задумчиво унылой,
При пляскѣ удалой;
Въ привычныхъ намъ родной земли картинахъ,
Въ поляхъ, гдѣ зрѣетъ рожь,
Въ родныхъ лѣсахъ, въ родныхъ лугахъ, долинахъ —
Вездѣ, вездѣ живешь.
Родными чувствами томима, изнывала
Твоя душа давно.
Ты пѣлъ лишь Русь. Она тебя признала:
Ты слился съ ней въ одно. 1886.

Г. А. Головковъ[1]).

Пушкинъ и его няня.

(Аллегорическій діалогъ.)

Пушкинъ.

Чего пріуныла, старушка родная,
И что опечаленъ твой ласковый взоръ?
Дѣянья ль старинныхъ временъ вспоминая,
Ты шепчешь годамъ настоящимъ укоръ?...
Иль, старую пѣсню припомнивъ нежданно,
Ты въ даль невозвратнаго рвешься мечтой?
Теперь твоя жизнь вся уныла, туманна,
И однообразенъ часовъ твоихъ строй.

Няня.

Дитя дорогое мнѣ! Думы унылой
Твоей старой няни тебѣ не узнать!
Не то-то мнѣ грустно, что было, да сплыло,
И что̀ никогда не вернется опять.
Не сказочный вѣкъ вспомянулся, тускнѣя,
Не богатыри съ колдунами въ борьбѣ:

---

[1]) Сочиненія, Харьковъ 1894, стр. 52 54.

Крушусь, неуимчивый мой, о тебѣ я,
Скорблю о твоей я грядущей судьбѣ.

Пушкинъ.

Что̀ дѣлать мнѣ, няня! Вѣдь, нѣтъ во мнѣ силы
Сдержать африканской натуры порывъ:
Влечетъ меня онъ къ мрачнымъ сѣнямъ могилы,
Какъ горный потокъ мчитъ каменья въ обрывъ.
Оплакавъ былыя свои увлеченья,
Скучающимъ взоромъ взглянувши на міръ,
Къ добру я направилъ потокъ вдохновенья,
И благо Россіи — теперь мой кумиръ.

Няня.

Дитя! что̀ сильнѣе старушку плѣняетъ,
Чѣмъ эти высокія пѣсни твои!
Старинная доблесть отъ нихъ воскресаетъ,
И кроткихъ мечтаній несутся рои.
Да, да! Твои пѣсни мнѣ честь и отрада;
Онѣ мнѣ утѣха на старости лѣтъ.
Но ты лишь подумай, какая награда
Тебя ждетъ за пѣсни, мой милый поэтъ!...

Пушкинъ.

Зачѣмъ мнѣ награда? Само вдохновенье
Наградой достойною служитъ пѣвцу!
И счастливъ онъ, если слеза умиленья
Въ иномъ поколѣньи дастъ славу творцу.
И онъ награжденъ, если только творенья
Его будутъ жить, когда онъ сойдетъ въ прахъ,
И если къ добру и къ святынѣ стремленье
Они оживятъ въ очерствѣвшихъ сердцахъ.

Няня.

Что будешь въ сердцахъ ты господствовать вѣчно, —
Порукой въ томъ русское сердце мое:

Несется къ ушамъ такъ отрадно, сердечно
Плѣнительно-мощное слово твое.
Подчасъ предъ тобой я, старуха, не въ силахъ
Рыданья отъ радости свѣтлой сдержать:
Источникъ мечтаній безцѣнныхъ и милыхъ
Умѣешь въ замершей душѣ воскрешать.

Не то мнѣ печально, питомецъ мой милый,
Что жизни своей самъ ты близишь конецъ:
Вѣдь ты для Россіи родной за могилой
Жить будешь, любимый народный пѣвецъ, —
Но грустно мнѣ, грустно, что звукъ твоей пѣсни
Такъ рано замолкнетъ въ кипучей груди,
Не снявши съ сердецъ предразсудочной плѣсни,
Оставивъ такъ много еще впереди...

Пушкинъ.

Сдержи жъ ты живого потока теченье,
Сдержи урагана жестокій напоръ,
Сдержи ты снѣговъ роковое паденье,
Когда они рушатся съ грохотомъ съ горъ!
Сдержи вдохновенное сердце поэта! —
Не сдержишь! погибну жъ, — пусть вспомнятъ, что жилъ
Поэтъ молодой и послѣднія лѣта
На благо отчизны своей посвятилъ. 1886.

Г. А. Головковъ[1]).

На пятидесятилѣтіе со дня смерти Пушкина.

Подъ бѣлымъ саваномъ зимы
Сокрылся нашъ поэтъ великій.
Міръ полонъ былъ унылой тьмы,
И вѣтеръ вылъ съ печалью дикой:

[1]) Сочиненія, Харьковъ 1894, стр. 50—52.

„Поэта нѣтъ! поэта нѣтъ!
Замолкли царственные звуки;
Погасъ въ немъ вдохновенья свѣтъ;
Въ безсильи опустились руки...
„Поэта нѣтъ! Его слѣды
Въ превратномъ мірѣ исчезаютъ...“
Но нѣтъ! — Поэзіи цвѣты
Во вѣкъ вѣковъ не увядаютъ!
Они цвѣтутъ въ живыхъ словахъ,
Они цвѣтутъ въ блестящихъ тонахъ,
Они цвѣтутъ въ его слезахъ,
Въ его высоко-скорбныхъ стонахъ.
Онъ мощнымъ чувствомъ охватилъ
Всю Русь и слилъ въ своихъ твореньяхъ.
Въ нихъ, вдохновенный, отразилъ
Родной народъ въ его стремленьяхъ,
Родной природы красоту,
Народовъ русскихъ бытъ и нравы,
Стремнинъ кавказскихъ высоту
И горцевъ дикія забавы.
Но палъ поэтъ, сраженъ свинцомъ,
Какъ жертва пылкости и злобы,
И вихрь надъ молодымъ пѣвцомъ
Нанесъ глубокіе сугробы.
—„Поэта нѣтъ ужъ“, вѣтеръ вылъ;
—„Поэта нѣтъ“, лѣса шептали
И иней, что ихъ видъ живилъ,
Съ вѣтвей печально отряхали.
—„Поэта нѣтъ уже“, стеналъ,
О ледъ печально ударяясь,
Въ морскомъ просторѣ гордый валъ:
„Онъ палъ, съ ничтожествомъ сражаясь“.
Тоской смертей былъ полонъ міръ.
Лучи померкли въ ясномъ свѣтѣ,
И въ тучахъ кутался эѳиръ,
Какъ будто плача о поэтѣ.

Прошла зима, и вотъ весна
Явилась вновь чредой обычной
И будитъ родину отъ сна,
Ее рядитъ рукой привычной.
Все зеленѣетъ, все цвѣтетъ,
Все блещетъ свѣжестью живою,
И соловей уже поетъ
Въ ночи подъ зеленью лѣсною.
—„Но гдѣ жъ поэтъ?“ зоветъ весна.
Увы, онъ въ сумракѣ могилы,
И пробудить его отъ сна
Она не получила силы.
—„Нѣтъ, люди, онъ живетъ средь васъ:
Воскресъ онъ заодно съ природой.
Звучитъ его священный гласъ
Довѣка вдохновленной одой.
Поетъ онъ сладость бытія,
Поетъ онъ вѣчность первозданья,
Онъ слышенъ въ треляхъ соловья,
Въ лѣсномъ нестройномъ лепетаньи.
Звучитъ въ глухомъ прибоѣ волнъ
Страданье генія больного.
Встаетъ онъ вдохновенья полнъ,
Въ порывѣ вихря молодого.
И въ пѣснѣ пахаря слышна
Душа погибшаго поэта.
Ихъ всѣхъ живящая весна
Не оставляетъ безъ привѣта.
Покуда на Руси живетъ
Ея природы отраженье,
Въ родныхъ картинахъ не умретъ
Пѣвца святое вдохновенье“.

1886.

Отдѣлъ VI.

1887 г.

А. Н. Майковъ[1]).

Перечитывая Пушкина.

Его стихи читая — точно я
Переживаю нѣкій мигъ чудесный:
Какъ будто надо мной гармоніи небесной
Вдругъ понеслась нежданная струя...
Нездѣшними мнѣ кажутся ихъ звуки:
Какъ бы, вліясь въ его безсмертный стихъ,
Земное все — восторги, страсти, муки —
Въ небесное преобразилось въ нихъ! 1887.

К. Фофановъ[2]).

Тѣни А. С. Пушкина.

Ты мнѣ близка, родная тѣнь,
Близка, какъ близки небу птицы,
Близка, какъ розамъ вешній день,
Какъ тучамъ быстрыя зарницы.

Не помню я, когда твой духъ
Ко мнѣ вошелъ стопой неслышной,
Когда впервые стихъ твой пышный
Благословилъ мой дѣтскій слухъ.

---

1) 30 апрѣля. Стихотворенія А. Н. Майкова, С.-Пб. 1888, стр. 15.
2) Стихотворенія, С.-Пб. 1887, стр. 181—182.

То было ль раннею весною,
Когда живѣй тревожатъ сны,
И ночи бѣлыя полны
Обворожительною мглою;

Когда я блѣдный у окна
Сидѣлъ въ молчаніи глубокомъ
И созерцалъ прилежнымъ окомъ,
Какъ въ небѣ теплилась луна;

Иль въ часъ утра, когда, какъ розы,
На небѣ рдѣли облака,
И пробужденныя березы,
Стряхнувъ росы цѣлебной слезы,
Внимали вздохамъ вѣтерка?

Иль въ часъ, когда, гудя метелью,
Въ окно стучалася зима,
И надъ моею колыбелью
Въ снахъ колдовала полутьма?

Во снѣ ли было то свиданье,
Иль наяву, при свѣтѣ дня, —
Какъ тайна смерти отъ сознанья,
Тотъ часъ утерянъ отъ меня,
И нѣтъ о немъ воспоминанья...

Но только помню, что съ тобой
Меня знакомилъ кто-то чудный,
Какой-то геній неземной,
Какой-то демонъ безразсудный.

И близокъ ты съ тѣхъ поръ мечтамъ,
Какъ близокъ бѣлый ландышъ маю.
Тебѣ молюсь, тебѣ внимаю
И за тобой стремлюся самъ.

Моя душа тобой согрѣта,
Ты въ ней царишь, какъ юный день,
Ты мнѣ близка, родная тѣнь
Благословеннаго поэта!

1887.

В. И. Ивановъ[1]).

Памяти А. С. Пушкина.

(29 января 1837—1887 г.)

Родная Русь! Поэтъ великій твой
Убитъ былъ въ этотъ день безжалостной рукою...
Полвѣка протекло... Но день тотъ роковой
Кровавымъ призракомъ стоитъ передъ тобою...
Поэтъ угасъ въ расцвѣтѣ мощныхъ силъ,
И лира чудная разбита такъ жестоко!...
Какія силы онъ еще таилъ
Въ своей душѣ, какъ океанъ, глубокой!
Нѣтъ! не унесъ въ могилу онъ съ собой
Свои творенья мощныя, святыя:
Они живутъ въ сердцахъ страны родной
И не умрутъ, пока жива Россія!...
Полвѣка протекло... И этотъ скорбный день
Опять насталъ... Но какъ мы нынче встрѣтимъ
Поэта русскаго страдальческую тѣнь
И чѣмъ на голосъ искренній его ѳтвѣтимъ?...
Ужель со сцены, гдѣ теперь царитъ
Пародія на „чистое искусство", —
Гдѣ хоръ разбитыхъ голосовъ звучитъ
Поддѣлкою подъ искренность и чувство, —
Услышимъ мы въ печальный этотъ день
Его могучія, безсмертныя творенья?
За что жъ его страдальческая тѣнь
Увидитъ нынѣ эти оскорбленья?
За что?... За то ль, что „прелестью живыхъ стиховъ
Онъ былъ полезенъ, милость къ падшимъ призывая",
За то ль, что всю свою глубокую любовь
И душу отдалъ онъ родному краю?

---

[1]) Стихотворенія, Харьковъ 1890, стр. 201—202.

Нѣтъ! прочь поддѣлка, ложь и мишура!
Прочь съ театральнымъ блескомъ праздники пустые!
Отъ маскарада пошлаго опомниться пора!
Пусть въ траурѣ и скорби вся Россія
Въ мольбѣ одной — за душу русскаго пѣвца
Въ печальный этотъ день соединится,
И въ наши мертвыя, застывшія сердца
Любовь къ прекрасному, хоть въ этотъ день, вселится!...

1887.

Ѳ. Н. Чюмина (Михайлова).

Къ пятидесятилѣтней годовщинѣ смерти А. С. Пушкина.

— Не стало Пушкина!
Давно, какъ гулъ набата,
Вѣсть эта пронеслась, но, словно въ первый день,
Такой же свѣжею намъ кажется утрата
Незамѣнимая, и чтится такъ же свято
Твоя страдальческая тѣнь...
Полвѣка минуло съ тѣхъ поръ, какъ ты кровавой
Окончилъ смертію великую борьбу,
И юноша-поэтъ возсталъ для мести правой
И сонмъ враговъ твоихъ — безстыдный и лукавый —
Стихомъ онъ пригвоздилъ къ позорному столбу.
Напрасно, въ слѣпотѣ упорной,
И лжеучители и грубая толпа
Надъ геніемъ твоимъ глумилися позорно,
Пытаясь „памятникъ“ разбить „нерукотворный“, —
Къ нему не заросла „народная тропа“.
Безслѣдно смолкъ ихъ крикъ назойливый и бурный;
Какъ осенью желтѣетъ листъ,
Такъ поблѣднѣлъ ихъ ореолъ мишурный, —
А твой вѣнецъ пѣвца прекрасенъ и душистъ...
Разсѣялся туманъ, и вновь очамъ прозрѣвшимъ
Явился образъ твой въ сіяющихъ чертахъ,

Зажглись свѣтильники во храмѣ опустѣвшемъ,
И снова хоръ святой звучитъ въ его стѣнахъ.
Твой всеобъемлющій и чисто-русскій геній
Своеобразенъ и великъ,
Какъ Русь сама! Пророкъ трехъ нашихъ поколѣній,
Ты мысль народную и самый нашъ языкъ
Освободилъ отъ вѣкового гнета,
Ты кликнулъ кличъ — и началась работа,
И пѣсней, полною непобѣдимыхъ силъ,
Ты Русь, какъ спящую царевну, разбудилъ!
Та пѣснь, гармоніи исполненная дивной,
Пусть намъ звучитъ, какъ вѣщая струна,
Какъ благовѣстъ, какъ „гласъ вождя призывный“
Смѣла, правдива и сильна. 1887.

О. Н. Чюмина (Михайлова).

Къ пятидесятилѣтію кончины А. С. Пушкина.

Шесть лѣтъ назадъ, средь грома ликованій,
Открылся намъ твой памятникъ, поэтъ!
Казалося, въ восторгѣ упованій,
Что послѣ дней всеобщихъ ожиданій
Блеснетъ изъ мглы давно желанный свѣтъ.
И онъ блеснулъ! Съ тѣхъ поръ иная эра
Для русскаго искусства началась,
Воскресли вновь поэзія и вѣра,
Борьба враждебныхъ партій улеглась...
Твой духъ, поэтъ, какъ свѣтлый ангелъ мира,
Явился намъ, — какъ животворный лучъ;
Родную Русь твоя воспѣла лира,
И звукъ ея безсмертенъ и могучъ.
Въ немъ все слилось: и смѣлый крикъ титана,
И новый міръ, и грезы старины,
Русалки пѣснь и жалобы Татьяны,
Могучій взмахъ богатыря Руслана
И юности заманчивые сны...

Въ немъ — ширина степей необозримыхъ,
Небесъ родныхъ сіяющій просторъ,
Кипѣнье силъ души несокрушимыхъ,
Добру и злу правдивый приговоръ!
Сегодня — день печальной годовщины;
И въ хижинѣ и въ княжескомъ дворцѣ
Да будетъ онъ — днемъ скорби и кручины,
Поминками по дорогомъ пѣвцѣ!
Безжалостно, нахально оскорбленный,
Преслѣдуемъ клеветниковъ толпой,
Ты палъ, убитъ — злодѣйски умерщвленный
Бреттера свѣтскаго рукой...
Шутъ пролилъ кровь священную поэта,
Она горитъ — но не на немъ одномъ:
На лицахъ всѣхъ лжецовъ большого свѣта,
Кѣмъ ссора ихъ — искусно разогрѣта —
Зловѣщимъ вспыхнула огнемъ...
Ты палъ, поэтъ! Но творческое слово
Твое живитъ всѣ лучшія сердца,
Оно — символъ всего намъ дорогого,
И Русь всегда откликнуться готова
На звукъ рѣчей народнаго пѣвца! 1887.

А. В. Кругловъ[1]).

29-е января 1887 г.

Полвѣка протекло, какъ твой могучій геній
Угасъ безвременно, народъ осиротивъ...
И голосъ зависти, вражды и заблужденій,
Въ высокомѣріи къ тебѣ несправедливъ, —
Не разъ поколебать пытался твой треножникъ...
Но годы минули — и вотъ всего итогъ:
Твой врагъ забытъ, а ты, властительный художникъ,
Во всемъ величіи встаешь, какъ полубогъ!

---

[1]) Стихотворенія, М. 1897, стр. 21.

И мы, кого вскормилъ твой свѣтлый, дивный геній,
Сегодня, въ день твоей кончины роковой, —
Съ благоговѣніемъ спѣшимъ склонить колѣни,
Поэтъ-учитель, предъ тобой!
Но мы — не весь народъ. Еще печальной тризнѣ
Далекъ своей душой вчерашній рабъ — мужикъ...
Я вѣрю, день придетъ, желанный день въ отчизнѣ,
Когда твой будущій прозрѣвшій ученикъ,
Воспрянувъ ото сна, духовно возрожденный
И правдою рѣчей твоихъ руководимъ,
Въ благоговѣніи, толпой многомильонной
Преклонится предъ геніемъ твоимъ. 1887.

В. Зотовъ[1]).

Памяти лицейскаго поэта.

Когда народнаго кумира
Встаетъ увѣнчанная тѣнь, —
Никѣмъ не призванная лира
Гремѣть дерзнетъ ли въ скорбный день?
Къ чему теперь хвалы, восторги и привѣты,
И лавры свѣжіе, и новые вѣнцы?...
Молчатъ великаго преемники-поэты,
Замолкли юные пѣвцы.
Ихъ пѣсни были бы ничтожны
Передъ высокимъ образцомъ —
И Пушкина почтить достойно можно
Лишь только Пушкинскимъ стихомъ.
Къ чему же повторять, что Пушкинъ — „воплощенье
Всѣхъ русскихъ думъ и чувствъ", народныхъ мыслей, силъ;
Что нашей музы возрожденье
Своимъ стихомъ онъ освятилъ;
Что нашу жизнь согрѣли, освѣтили
Его поэзіи блестящіе лучи;

---

[1]) „Дѣло", 1887, I.

Что жизнь поэта отравили,
Свели къ безвременной могилѣ
„Свободы, генія и славы палачи“,
Что — „поэтическій Мессія,
Онъ всеобъемлющъ и великъ“,
Что имъ прославлена Россія;
Что памятникъ себѣ воздвигъ
Поэтъ въ вѣкахъ нерукотворный;
Что низкой лестью, злобой черной
Онъ никогда не оскверняль
Свой стихъ стальной; что онъ упорно
Служенье красотѣ и правдѣ защищалъ,
Что милость къ падшимъ призывалъ,
И сѣмя мысли животворной, —
Насилью, гнету непокорной, —
Онъ въ массы темныя бросалъ.
Но чудный стихъ его, въ могучихъ и свободныхъ
Отзвукахъ, разнося по всей Руси родной
Порывы мыслей благородныхъ,
Гремя „какъ колоколъ на башнѣ вѣчевой,
Во дни торжествъ и бѣдъ народныхъ“,
Впервые раздался въ лицеѣ, гдѣ поэтъ
Почувствовалъ свое великое призванье,
Гдѣ, вдохновеніемъ согрѣтъ,
Свои грядущія созданья
Еще онъ самъ неясно различалъ
Въ туманныхъ образахъ, — но гордое сознанье
Ужъ создало высокій идеалъ.
„Шесть лѣтъ промчались, какъ мечтанье“
Но ихъ поэтъ не забывалъ.
И лицеистъ съ тѣхъ поръ, благоговѣя
Предъ памятью его, всегда благословлялъ
„Тѣ дни, когда въ садахъ лицея
Онъ безмятежно расцвѣталъ“.
И въ память этихъ дней, вдали отъ шума свѣта,
Собравшись родственной и дружною семьей,

Не всенароднаго - лицейскаго поэта
Не можетъ не почтить Лицей, ему родной.
Пусть слабый стихъ гремитъ надъ славною могилой,
Онъ все жъ безъ отзыва въ отчизнѣ не умретъ,
„Ударитъ по сердцамъ съ невѣдомою силой“,
Признательности дань поэту принесетъ,
И въ день печальный, день унылый
Въ насъ бодрость духа воззоветъ. 1887.

М. И. Лавровъ[1]).

Памяти А. С. Пушкина.

(29 января 1887 года.)

Любимецъ музъ, пѣвецъ любви и свѣта,
Ты, мощно двинувшій поэзію впередъ,
Чьей чудной лирою душа наша согрѣта,
Чьимъ славнымъ именемъ гордится нашъ народъ, —
Какъ велико теперь твое значенье!
И пасть ему уже не суждено —
Изъ поколѣнія въ другое поколѣнье,
Изъ вѣка въ вѣкъ пройдетъ, поэтъ, оно!
Хоть нѣтъ тебя, но лиры сладкогласной
До сей поры мы слышимъ чудный звонъ;
Она звучитъ то пламенно и страстно,
То съ дремлющихъ очей она сгоняетъ сонъ,
Зоветъ къ труду, на бой съ неправдой злою,
Громитъ порокъ, невѣжество, то вновь
Она звучитъ и дышитъ добротою
И къ падшему зоветъ и милость и любовь.
Гордись, поэтъ! За твой талантъ высокій
Награду ты давно себѣ нашелъ:
Давно, давно по всей Руси широкой
Слухъ о тебѣ изъ края въ край прошелъ.

---

1) Сочиненія М. И. Лаврова, М. 1889, стр. 45, „Русскій Курьеръ“, 1887, № 28.

Да, силой генія, той силой чудотворной,
Которой нѣтъ преградъ, и силою труда
Ты „памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный;
Къ нему не зарастетъ народная тропа“.
Твой чудный памятникъ, прекраснѣйшій и вѣчный,
Вознесся выше всѣхъ роскошныхъ пирамидъ;
„Ни вихрь его, ни громъ не сломитъ быстротечный,
И времени полетъ его не сокрушитъ“.

В. Склифасовскій[1]).

На юбилей Пушкина.

О ты, поэтъ Руси державной,
Тебя вѣнчаемъ мы хвалой,
Слагаемъ стихъ нашъ своенравный
Въ гимнъ задушевный и простой...
Прошелъ тотъ вѣкъ благословенный,
Когда явился разумъ твой,
Когда твой стихъ будилъ мгновенно
Восторгъ счастливый и нѣмой.
Какъ солнца яркаго сверканье
Надъ расцвѣтающей страной,
Какъ жизни юное дыханье
Надъ неподвижной стариной, —
Любовь въ твоихъ словахъ летучихъ
Играетъ, блещетъ и горитъ,
И впечатлѣніемъ могучимъ
Духъ возвышаетъ и бодритъ.
Какъ облака, какъ вихрь свободный,
Какъ волны синія морей,
Твой воленъ геній благородный,
Онъ выше былъ другихъ людей.
Ихъ судъ слѣпой, ихъ судъ бездушный
Идей твоихъ не измѣнилъ,

[1]) „Стихотворенія гимназиста и нѣкоторыя данныя относительно процесса ихъ творчества“. М. 1899, стр. 67—68.

Невѣждъ тупыхъ и равнодушныхъ
Ты эпиграммами плѣнилъ.
Ты шелъ впередъ стезею вѣка,
Но велъ тебя тотъ духъ живой,
Что правитъ волей человѣка
И всей системой міровой.
Какъ вѣковѣчныя свѣтила,
Зажегъ онъ геній молодой,
Твое рожденье озарило
Всю Русь блестящею звѣздой.
Великъ Господь земли родимой,
Могучъ и славенъ нашъ народъ,
Да славится поэтъ любимый
Изъ вѣка въ вѣкъ, изъ рода въ родъ.
Пускай потокомъ просвѣщенье
Прольется на Руси святой,
И думъ высокихъ наслажденье
Народъ нашъ вѣдаетъ простой.
Тогда повсюду будешь внятенъ,
Не встрѣтишь ты невѣждъ-судей,
И будетъ каждому понятенъ
Языкъ поэзіи твоей.
Прими жъ, о Пушкинъ, стихъ мой блѣдный;
Родной поэзіи творецъ,
Пусть надъ твоей могилой бѣдной
Горитъ безсмертія вѣнецъ! 1887.

Е. Прокофьевъ[1]).

Памяти А. С. Пушкина.

Ужъ пятьдесятъ минуло лѣтъ,
Уже смѣнилось поколѣнье,
И многое ушло въ забвенье
Съ тѣхъ поръ, какъ умеръ нашъ поэтъ.

[1]) Нѣкоторыя стихотворенія Прокофьева Евгенія, Кіевъ 1887, стр. 6—7.

Его внезапно смерть скосила,
Онъ въ цвѣтѣ лѣтъ — не ждалъ ея, —
Но безгранична смерти сила!
Куда намъ скрыться отъ нея?
Она насъ всюду провожаетъ,
Какъ неразлучный, вѣрный другъ,
И насъ, безсильныхъ, поражаетъ:
Сегодня живъ, а завтра вдругъ
Придетъ и жизнь съ собой уноситъ.
Предъ ней мы двери не запремъ,
И насъ согласія не спроситъ:
Хотимъ, иль нѣтъ, а все жъ умремъ...
Пусть умеръ онъ! пускай могила
Навѣки генія сокрыла!
Но память не умретъ о немъ,
Пока мы чувствуемъ, живемъ,
Пока въ сердцахъ любовь пылаетъ,
Вся Русь любимца прославляетъ:
Онъ чувства лирой пробуждалъ
И красотой своихъ твореній
Навѣки памятенъ намъ сталъ.
Не мнѣ цѣнить его искусство, —
Оно давно оцѣнено;
Съ его душою сроднено
Его возвышенное чувство.
Онъ зналъ, что значитъ жизнь и свѣтъ,
Умѣлъ цѣнить красы природы,
Умѣлъ найти въ душѣ отвѣтъ
На радость, горе и невзгоды.
Умѣлъ въ стихѣ изобразить
Порывъ минутный наслажденья
И силой слова отразить
Толпы безумной заблужденья.

* * *

Постигъ онъ жизнь! узналъ онъ свѣтъ!
Да — былъ онъ истинный поэтъ!

1887.

Д. Коломійцевъ[1]).

Мысли предъ портретомъ А. С. Пушкина.

Пушкинъ... Пушкинъ... великій поэтъ!
Кто тебя, наша гордость, не знаетъ!
Кто на твой драгоцѣнный портретъ
Безъ любви, безъ чувствъ теплыхъ взираетъ!...
Кто твореній твоихъ не читалъ!
Кто тебя въ своемъ сердцѣ не носитъ!
Всякъ тебя,— кто тебя ни узналъ, —
По заслугамъ твоимъ превозноситъ!
Предъ портретомъ твоимъ я стою —
И вопросы невольно родятся:
„Жизнь зачѣмъ похитили твою,
Когда въ силахъ ты сталъ укрѣпляться, —
Когда лира златая твоя
Исторгала могучіе звуки,
Когда бѣгать по струнамъ ея
Не устали еще твои руки...
Подарить бы потомство ты могъ
Не однимъ бы еще пѣснопѣньемъ,
Да никакъ примириться не могъ
„Ты съ коварнымъ змѣинымъ шипѣньемъ
И свою наболѣвшую грудь
Ты подставить подъ выстрѣлъ рѣшился, —
Ты его ужъ не могъ оттолкнуть, —
И моментъ роковой совершился"... 1887.

Г. Швецовъ[2]).

День пятидесятилѣтія съ кончины А. С. Пушкина.

Печальный день! Прошло полвѣка
Съ кончины русскаго поэта,

---

1) Стихотворенія, С.-Пб. 1894, 164—165. Стихотворенія, Бердянскъ 1889, стр. 73—74.

2) „Сборникъ стихотвореній дяди Гордѣя", С.-Пб. 1890, стр. 78—79.

Свободы дивнаго пѣвца,
За честь погибшаго борца.
То былъ поэтъ *великій* — Пушкинъ,
Любимецъ музы. Ей послушный,
Онъ имя родины святой
Прославилъ лирой золотой.
Его поэмы, сказки, пѣсни
Остались намъ въ наслѣдье вѣчно,
Какъ драгоцѣннѣйшій алмазъ.
Зато отъ каждаго изъ насъ,
Сыновъ обширнѣйшей державы,
Да будутъ въ память — честь и слава
Родному русскому пѣвцу,
Съ мольбою къ Господу Творцу
За упокой души поэта
Въ селеньяхъ праведнаго свѣта,
Въ которомъ нѣтъ ни клеветы,
Ни дрязгъ, ни прочей суеты. 1887.

П. А. Степановъ[1]).

Въ память поэта А. С. Пушкина.

(Въ день пятидесятилѣтія со дня его кончины.)

Твой памятникъ нерукотворный
Безсмертной славою покрытъ;
Онъ — русскій свѣточъ благотворный,
Онъ слова русскаго — гранитъ.
Родной языкъ тебѣ обязанъ
Богатствомъ рѣчи, простотой;
Онъ и теперь съ тобою связанъ,
Какъ съ доброй матерью родной...
Твой геній свѣтлыми лучами
Всю Русь навѣки озарилъ...
Онъ, какъ орелъ подъ облаками,
Въ своихъ твореніяхъ парилъ...

---

[1]) Стихотворенія, часть I, Воронежъ 1888, стр. 57—58. „Свѣтъ", 1887, 23.

Художественной правдой вѣетъ
Отъ лиры пламенной твоей,
Она утѣшитъ и согрѣетъ
Волшебной прелестью своей...
Полсотни лѣтъ прошло для свѣта
Съ тѣхъ поръ, какъ грустный часъ пробилъ,—
Тебя, великаго поэта,
Нашъ русскій міръ похоронилъ...
Но ты живешь въ душѣ народной,
Ты — наша гордость, красота,
Гигантской мысли благородной
Осуществленная мечта!... 1887.

А. Владимировъ[1]).

Пушкину.

Въ завѣтный этотъ день исполнилось полвѣка,
Когда на берегахъ задумчивой Невы
Палъ русскій геній нашъ отъ пули человѣка
Игрушкой клеветы и жертвою молвы.
То былъ великій вождь грядущихъ поколѣній,
Залетнымъ соловьемъ слетѣвшій въ бѣдный свѣтъ,
Чтобъ огласить его потокомъ пѣснопѣній,
То Пушкинъ былъ — великій нашъ поэтъ!
Смежила смерть божественныя очи,
И навсегда онъ отошелъ туда,
Въ обитель сна и непробудной ночи;
Но свѣтлая поэзіи звѣзда
Горитъ лучомъ немеркнущимъ понынѣ;
Попрежнему одинъ лишь Пушкинъ царь!
И вотъ ему, родной своей святынѣ,
Отчизна шлетъ куренья на алтарь,

---

[1]) „Память пятидесятилѣтія смерти Пушкина“, Одесса 1887, стр. 67.

И шлетъ ему куренья тѣ не даромъ:
Хвала тебѣ — ты души наши жегъ
Пророческихъ рѣчей священнымъ жаромъ
И насъ добру учить хотѣлъ и могъ!
Хвала тебѣ, ты вѣчной красотою
Нашъ русскій міръ, печальный міръ покрылъ!
Хвала тебѣ, ты родину святую
Считалъ и ей усерднымъ сыномъ былъ!
Сюда вѣнки! вѣнчайте бюстъ поэта!
. . . .
Онъ не умретъ, поэтъ — апостолъ свѣта!
Онъ будетъ жить въ отчизнѣ многи лѣта!
Вѣнчайте бюстъ! Сюда, сюда, вѣнки!...

Б. М. Зильберштейнъ[1]).

Памяти Пушкина.

Прошло полвѣка — слишкомъ много,
Чтобы забытымъ быть, забыть
Всѣ муки сердца, всѣ тревоги,
Чтобы кумиру измѣнить, —
Чтобъ то, что̀ дорого и свято
Намъ опостылѣло навѣкъ...
И только геній человѣка
И чтитъ, и помнитъ человѣкъ!
Полвѣка, какъ поэтъ великій
У насъ похищенъ злой судьбой —
Онъ, жертва злобы гнусной, дикой,
Палъ, оклеветанный молвой.
Но онъ не умеръ, онъ въ народѣ
Живетъ и будетъ вѣчно жить, —
Пройдутъ вѣка, промчатся годы,

---

[1]) „Память пятидесятилѣтія смерти Пушкина“, Одесса 1887, стр. 69—70.

Его жъ, какъ нынѣ, будутъ чтить!
Преданье есть о Святогорѣ,
Что онъ на Муромца Илью
Дохнулъ изъ гроба и дыханьемъ
Передалъ силу всю свою.
Но то физическая сила,
То сила мускуловъ была —
Лишь одному она служила
И вмѣстѣ съ нимъ во гробъ сошла...
Поэтъ! Потомству въ достоянье
Твои творенья перешли:
Какъ Святогорово дыханье,
Они всю мощь твою несли
Тому, кто только лишь стремился
Идеѣ послужить стихомъ,
И мощь та, духъ тотъ проявился
Уже въ поэтѣ не одномъ.
О! мощь твоя не умираетъ,—
Она въ сердцахъ у всѣхъ живетъ,
Живымъ ключомъ бьетъ и играетъ
И слабымъ бодрость придаетъ.
Вотъ почему къ твоей могилѣ
Тропа вовѣкъ не зарастетъ,
Ребенокъ къ ней, и старецъ хилый,
И мужъ съ почтеньемъ подойдетъ!

Г. Кайзерманъ[1]).

Пушкину.

Когда рукой врага Россіи пораженный
Въ борьбѣ за честь свою, поэтъ, ты честно палъ,
Наслѣдство дивное отчизнѣ огорченной
Ты въ грустный часъ своей кончины завѣщалъ.

---

[1]) „Память пятидесятилѣтія смерти Пушкина", Одесса 1887, стр. 68—69.

Ты ей не завѣщалъ ни мести справедливой,
Ни злобы, ни вражды къ своимъ клеветникамъ,
Ты умеръ, какъ герой, спокойный, горделивый,
Съ сознаньемъ правоты, съ презрѣніемъ къ врагамъ.
Но, покидая міръ, — оплаканный и чтимый
Сыновъ отечества великою семьей —
Ты братьямъ завѣщалъ любовь къ землѣ родимой,
При жизни высоко прославленной тобой!...
Ты завѣщалъ имъ міръ волшебныхъ пѣснопѣній, —
Міръ, созданный твоимъ талантомъ и умомъ,
Гдѣ блещетъ, какъ алмазъ, твой несравненный геній,
И каждый стихъ звучитъ любовью и добромъ.
Ты завѣщалъ имъ все, чѣмъ жилъ твой духъ свободный,
Во что ты вѣрилъ самъ, что̀ страстно самъ любилъ —
И жертвой клеветы, — но жертвой благородной
Погибъ — и почилъ средь отческихъ могилъ!!...
...Года текли съ тѣхъ поръ обычной чередою...
Полвѣка пронеслось — и все, что сѣялъ ты
На почву добрую обильною рукою,
Взошло и принесло желанные плоды!...
Въ палатахъ каменныхъ — иль въ хижинахъ убогихъ,
Въ столицахъ ли Руси, въ глуши ль ея степей,
Въ сибирскихъ ли снѣгахъ, холодныхъ и глубокихъ,
Иль въ дивной сторонѣ украинскихъ ночей —
Вездѣ, во всѣхъ концахъ, твоей цѣвницы чудной
Творенья славныя привѣтливо звучатъ:
Въ вечерній ли досугъ, среди ль работы трудной
Все, все, о чемъ ты пѣлъ, твердитъ и старъ и младъ!...
„Ты памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный,
Къ нему не зарастетъ народная тропа!
Вознесся выше онъ главою непокорной
Александрійскаго столпа!...
И вѣчно будешь ты любезенъ тѣмъ народу
Что чувства добрыя ты лирой пробуждалъ!
Что въ нашъ тяжелый вѣкъ одинъ ты пѣлъ свободу
И милость къ падшимъ призывалъ!“

П. К. Мартьяновъ[1]).

Памяти А. С. Пушкина.

(Въ день 50-лѣтія его кончины).

Полвѣка протекло съ тѣхъ поръ, когда судьбѣ
Угодно было жизнь твою, поэтъ, прервать,
Но мы достойнаго преемника тебѣ
Донынѣ не могли во всей Руси сыскать.
Одинъ, вслѣдъ за тобой, властитель думъ, пророкомъ
Такимъ же, какъ и ты, явился было намъ,
Но онъ во цвѣтѣ лѣтъ сраженъ суровымъ рокомъ,
И Прометея огнь сталъ чуждъ людскимъ сердцамъ.
Сиротствуетъ народъ, сиротствуетъ земля,
Нѣтъ вдохновенія, величія и славы,
Черствѣетъ умъ и жизнь, дичаетъ взглядъ и нравы,
И гаснутъ свѣточи для міра бытія.
Отсутствіе началъ и гидра опасеній,
Заботъ и трепета за каждый новый день
Приносятъ сердцу рядъ убійственныхъ волненій,
И свѣта нѣтъ въ душѣ, мракъ ночи стелетъ тѣнь...
Вотъ все наслѣдіе, что далъ намъ рядъ годовъ
Со дня твоей, поэтъ, безвременной кончины:
Паденье творчества, атрофія умовъ,
Безсилье въ замыслахъ и въ сердцѣ лишь кручины...
Но мы, какъ прежде, всѣ вѣрны твоимъ завѣтамъ,
Развитія добра и свѣта въ жизни ждемъ,
И такъ же, какъ и ты, навстрѣчу новымъ лѣтамъ
Съ живымъ довѣріемъ и радостью грядемъ. 1887.

---

[1]) „Пѣсни сердца". С.-Пб. 1890, стр. 169. „Нева", 1887, III—IV, 3.

В. Я. Дряхловъ[1])

Призваніе Пушкина.

(Видѣніе молодого поэта.)

Глухая полночь... И торжественно и чинно
Въ бездонной синевѣ; Саваоѳъ;
Луна сквозь тучки тонкой свѣтитъ. Все картинно
При живописной обстановкѣ облаковъ.
Предъ нимъ колѣнопреклоненная фигура
Поэта Пушкина, вниманія полна,
Освѣщена сіяніемъ; земля спитъ хмуро; —
Пробуждена вдругъ голосомъ его она...
„Наполню истиной и чувствомъ благороднымъ
Твою я душу вдохновенную, поэтъ!
Герой! не падай духомъ въ омутѣ народномъ,
Въ когтяхъ проклятой нищеты, ничтожныхъ бѣдъ.
Земная жизнь души святой и вдохновенной
Вся переполнена страданьемъ и борьбой,
Борьбой за правое, за честь страны смиренной...
Чу! Слышишь, какъ земля шумитъ между собой.
Великій будешь тамъ... На лирѣ вдохновенной
Ты приснославную Россію воспоешь,
Упрочишь грудь литературѣ современной
И репутацію ея превознесешь“.
И пѣсни славныя твои
Изъ рода въ родъ польются лавой...
Никто тебя не сломитъ славой
Изъ русской страждущей семьи.
Святыхъ великихъ вдохновеній
Исполнись чуткою душой!
Густыя массы поколѣній
Пойдутъ съ довѣрьемъ за тобой.

---

[1]) Стихотворенія. Самара 1888, стр. 117—118.

Вотъ — лира! Звуки золотые;
Вѣнецъ поэзіи — гранитъ;
Пусть православная Россія
Тебя лелѣетъ и хранитъ“.

В. В.[1])

Послѣ тризны 29 января.

Оконченъ шумный пиръ. Все выпито до дна.
Ораторы молчатъ, и мысль у всѣхъ одна:
Скорѣе разойтись, чтобъ тамъ, въ уединеньи,
Отъ тяжкихъ, мрачныхъ думъ найти успокоенье.
Тѣнь Пушкина очамъ пирующихъ предстала,
Печальный взоръ она на небо устремляла,
Напоминая всѣмъ, что лишь на небесахъ
Есть истина, любовь... а на землѣ — все прахъ!
И грустно стало всѣмъ... Поэта видъ печальный
Пирующихъ смутилъ. „А мы-то что творимъ?
„Наслѣдство гдѣ, что намъ поэтъ нашъ геніальный
Оставилъ? гдѣ оно? что сдѣлали мы съ нимъ?“
Его нѣтъ и слѣда... На смѣну вдохновенья
Явились ложь, вражда и самовосхваленье!

---

1) „Живописное Обозрѣніе“ 1887, IX, 138.

Отдѣлъ VII.

1887—99 гг.

Е. И. Назаровъ[1]).

Предъ памятникомъ Пушкина.

Безсмертенъ ты, великій геній,
Родной поэзіи кумиръ!
Твоихъ волшебныхъ пѣснопѣній
Не позабудетъ вѣчно міръ.
Въ степной глуши, гдѣ мракъ глубокій, —
Отъ бѣдной хаты до дворца,
Твоихъ стиховъ размахъ широкій
Чаруетъ мысли и сердца.
Глубоко въ душу западали
Потоки тѣхъ могучихъ словъ,
Въ которыхъ ясно воскресали
Дѣла исчезнувшихъ вѣковъ.
Твоя блистательная слава
Пройдетъ далеко, въ глубь вѣковъ,
Твой Плѣнникъ, Всадникъ и Полтава,
Фонтанъ, Онѣгинъ, Годуновъ —
Всегда останутся для свѣта,
Какъ перлъ поэзіи святой:
Въ нихъ имя громкое поэта
Увѣковѣчено тобой.

---

[1]) Собраніе стихотвореній. М. 1888, стр. 48.

Б. Н. Поповъ[1]).

Дума у ногъ Пушкина.

Съ непокрытой главою, со снѣгомъ въ кудряхъ,
Съ вѣщей думой въ осанкѣ прекрасной
Подымается Пушкинъ-гигантъ предо мной,
На гранитной шлифованной глыбѣ.
Пушкинъ! Пушкинъ! у ногъ твоихъ думалось мнѣ:
Не созданье толпы раболѣпной
Этотъ памятникъ! Нѣтъ! Онъ лишь образъ того,
Что въ душѣ гражданина Россіи
Ты сумѣлъ своимъ мѣдно-отлитымъ стихомъ
Навсегда о себѣ отпечатать.
Пушкинъ! Пушкинъ! у ногъ твоихъ думалось мнѣ:
Пролетятъ надъ тобою столѣтья,
Этотъ камень морозъ одолѣетъ, чугунъ
Упадетъ и въ куски разобьется;
Но созданья твои, какъ бы міръ ни ушелъ
Далеко отъ тебя въ тѣ столѣтья,
Онъ почтитъ, какъ потомки всѣ любятъ почтить
Въ божество возведеннаго предка.
Какъ потомокъ, гордиться онъ будетъ тобой...
И, дѣйствительно, ты, несравненный,
Вздернулъ Русь на дыбы, какъ великій твой братъ —
Братъ по генію, Петръ-императоръ;
Какъ бы міръ далеко отъ тебя ни ушелъ,
Измельчаетъ онъ тѣломъ и духомъ
И, какъ карликъ, полюбитъ онъ силу твою
И былины тебѣ свои сложитъ.
Были дни, когда мальчикъ хорошій, разумный, но все жъ
Молодой, недомыслившій мальчикъ
Своей дѣтскою ручкою рвалъ твой вѣнецъ,

---

[1]) Стихотворенія Б. Н. Попова, Москва 1889, стр. 303–305.

Но сорвать былъ, конечно, не въ силахъ,
А другіе мальчишки, глядя на него,
Тотъ вѣнецъ, какъ казалось, топтали.
Охладѣли къ тебѣ поколѣнья... Но что жъ!
Ты воскреснешь опять передъ ними,
И полюбятъ они еще жарче тебя.
Изъ такой лихорадки идейной
Вся исторія міра слагалася вѣдь —
Въ ней залогъ мірового прогресса:
Что не борется — то умираетъ. Такъ ты,
Позабытый однимъ поколѣньемъ,
Изъ-подъ снѣга забвенья возродишься вновь;
Такъ съ лучами весны благодатной
Хлопья снѣга съ себя отряхнетъ и опять
Заблеститъ монументъ твой прекрасный.

Мартьяновъ[1]).

Въ лицѣ его сходилъ на землю, къ намъ, самъ геній,
И міру далъ скрижаль небесныхъ пѣснопѣній.

Н. Маръ[2]).

Памяти Пушкина.

Ты правъ, учитель мой любимый,
Когда сказалъ намъ, что поэтъ,
Порывомъ творчества томимый,
Охотно покидаетъ свѣтъ,
И ищетъ онъ уединенья,
Священнымъ трепетомъ объятъ,
И, дивной властью вдохновенья
Мечты въ душѣ его царятъ,

---

[1]) „Цвѣтъ нашей интеллигенціи“, С.-Пб. 1891, стр. 177.
[2]) Стихотворенія, С.-Пб. 1895, стр. 88.

И тягостенъ ему бываетъ
Вседневной жизни праздный шумъ,
И ни на что не промѣняетъ
Онъ пылкихъ вдохновенныхъ думъ.

Н. Маръ[1]).

Памяти Пушкина.

Часъ вечерній наступаетъ...
Лучъ серебряной луны
Яркимъ трепетомъ блистаетъ
Въ лонѣ дремлющей волны.
И, на камнѣ преклоненный,
Въ чарахъ сладостной мечты,
Одинокъ поэтъ, плѣненный
Дивной властью красоты.
Вдохновеннымъ созерцаньемъ
Взглядъ орлиный обращенъ
Вдаль, гдѣ розовымъ сіяньемъ
Догораетъ небосклонъ.
И въ мерцаньѣ полусвѣта
Лишь пустынныя скалы
Стерегутъ мечты поэта
Въ сладкій часъ вечерней мглы.

Д. Коломійцевъ[2]).

По прочтеніи нѣкоторыхъ мѣстъ изъ Пушкина и Лермонтова.

Родные поэты, родные поэты!
Всѣ струны души моей вами задѣты...
И сердце забилося какъ-то вольнѣй,
И самъ себя чувствуешь какъ-то бодрѣй...

---

[1]) „Крымскія стихотворенія“, С.-Пб. 1899, стр. 30.
[2]) Стихотворенія, С.-Пб. 1894, стр. 198. Стихотворенія, Бердянскъ 1889, стр. 108–109.

Мнѣ сила какая-то вдругъ сообщилась,
И силою тою душа окрылилась;
Мнѣ кажется, годенъ я вновь для борьбы,
Мнѣ кажутся мягче законы судьбы...
Мнѣ кажется, обнялъ бы цѣлый я міръ,
Утѣшилъ того бы, кто въ горѣ и сиръ...
Родные поэты, родные поэты!
Всѣ струны души моей вами задѣты!... 1889.

В. И. Ивановъ[1]).

15 апрѣля 1889 года.

(На открытіе памятника А. С. Пушкину въ Одессѣ.)

„Я памятникъ воздвигъ себѣ *нерукотворный*".
Пушкинъ.

Еще одинъ воздвигнутъ мавзолей
Великому пѣвцу великаго народа!
Улыбкой нѣжною весеннихъ дней
Тебя, поэтъ, привѣтствуетъ природа...
Она тебя торжественнымъ вѣнкомъ
Изъ лавровъ, розъ и ландышей вѣнчаетъ,
И Русь въ восторгѣ чистомъ и святомъ
На торжество твое привѣтъ свой посылаетъ...
Въ краю, гдѣ о тебѣ еще живутъ
Легенды чудныя и свѣтлыя преданья,
Гдѣ ты нашелъ себѣ пріютъ
Въ годину мрачную изгнанья,—
Въ краю, гдѣ пѣсни чудныя твои
Съ волнами моря Чернаго сливались,
Гдѣ въ пѣсняхъ тѣхъ мученія любви
И ревности, и страсти выливались;
Въ краю, гдѣ море Черное шумитъ,
Воспѣтое твоимъ безсмертнымъ вдохновеньемъ,—

---

1) Стихотворенія. Харьковъ 1890, стр. 231—232.

Сегодня мавзолей торжественно открытъ
На память о тебѣ грядущимъ поколѣньямъ...
Но твой нерукворный мавзолей,
Какъ красоты безсмертная идея,
Переживетъ въ дали грядущихъ дней
Всѣ сотворенные руками мавзолеи...
Онъ пѣснями волшебными творенъ
И силой генія и сердца красотою...
Какъ высоко, какъ гордо онъ
Стоитъ надъ русскою землею!... 1889.

С. Г. Фругъ[1]).

При чтеніи Пушкина.

Когда, задумчиво мерцая,
Сіяетъ полночь голубая,
Ты взоромъ пристальнымъ вглядись
Въ недосягаемую высь:
Изъ глубины лазури вѣчной,
Что мигъ, отчетливѣй, яснѣй,
Все сонмы новые огней
Плывутъ чредою безконечной,
Плывутъ, и въ сумракѣ ночномъ
Горятъ лучи свѣтилъ несмѣтныхъ,
Какъ искры думъ въ строкахъ завѣтныхъ
Передъ пытливымъ мудрецомъ.
Но есть свѣтила — ихъ отъ вѣка
Не видитъ око человѣка:
На безпредѣльной высотѣ,
Въ неугасимой красотѣ,
Среди лазурнаго чертога,
Святыми факелами Бога

---

1) Стихотворенія, III. С.-Пб. 1898, стр. 201—202.

Горятъ, свѣтлы и горячи,
Ихъ животворные лучи.
Могучъ ихъ блескъ, но въ жизни тлѣнной
Вѣка проходятъ надъ вселенной,
Пока, въ невѣдомой дали
Эѳиръ безбрежный проникая,
Ихъ первый лучъ дойдетъ, сіяя,
До нашей сумрачной земли...
Таковъ и геній, жрецъ искусства,
Служитель разума и чувства,
Свѣтильникъ думъ...
Таковъ и онъ,
Вѣнчанный лавромъ вѣчной славы,
Пѣвецъ Онѣгина, Полтавы,
Кѣмъ русской лиры стройный звонъ
Пѣвучей, гулкою волною
Разлитъ надъ русскою землею!...
Ужъ много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ,
Какъ это дивное свѣтило
Горячимъ блескомъ озарило
Верхи заоблачные горъ.
Но въ вышинѣ недостижимой
Горитъ огонь его святой,
Толпѣ угрюмой и слѣпой
Еще невѣдомый, незримый.
И минетъ много, много лѣтъ,
Пока съ безоблачнаго свода
Его лучей волшебный свѣтъ
Дойдетъ до русскаго народа —
До тѣхъ низинъ и уголковъ,
Гдѣ нынѣ меркнутъ умъ и чувство
Безъ яркихъ грезъ, безъ дивныхъ сновъ
Животворящаго искусства.

Отдѣлъ VIII.

Приложенія.

I. Стихотворенія, предположительно отнесенныя къ Пушкину.

Н. Павловъ[1]).

Къ N. N.

La vanité a un souffle qui dessèche tout.
Balzac.

Нѣтъ, ты не поняла поэта,
И не понять тебѣ его:
Зачѣмъ же спрашивать отвѣта
Ему у сердца твоего!
    Не для небесныхъ вдохновеній,
    Не для любви созрѣла ты,
    Но для безжизненныхъ волненій,
    Но для мертвящей суеты.
Но многихъ голосъ твой обманетъ,
Но многихъ взоръ твой соблазнитъ,
Хоть никогда слеза не канетъ,
Слеза любви съ твоихъ ланитъ.
    Тебѣ не внятны сердца стоны,
    И жертва сердца не нужна:
    Ты, какъ паркетные законы,
    И суетна и холодна.

---

[1]) Телескопъ, 1831, VI, 90—91. Какъ предполагаютъ (не безъ основанія), это стихотвореніе изображаетъ Н. Н. Гончарову, впослѣдствіи Пушкину. См. стихотвореніе гр. Растопчиной и ...я ...а и письма Пушкина къ Н. Н. Гончаровой 1831 г., женѣ (27 и 30 сентября 1832 г.). Срв. „Новое Время“, № 1529, 1769.

И я пророчу день печальный,
Когда губительный разсчетъ
Тебя предъ жертвенникъ вѣнчальный
Съ блестящимъ шутомъ поведетъ.
    Смѣшныя думы я покину,
    Насъ помиритъ судьба твоя:
    Не разъ Рафаэля картину
    Въ дому невѣжды видѣлъ я.
Кружись, блистай на сценѣ свѣта:
На ней такъ сладко торжество!...
Нѣтъ, ты не поняла поэта,
И не понять тебѣ его!...

Гр. Е. П. Растопчина[1]).

Отринутому поэту.

Нѣтъ! ты не поняла поэта...
И не понять тебѣ его!
Н. Павловъ.

Она не поняла поэта!...
Но онъ зачѣмъ ее избралъ?
Зачѣмъ, безумецъ, въ вихрѣ свѣта
Подруги по сердцу искалъ?
    Зачѣмъ онъ такъ неосторожно
    Былъ красотою соблазненъ?
    Зачѣмъ надеждою тревожной
    Онъ упивался, ослѣпленъ?

---

[1]) Стихотворенія, С.-Пб. 1841, I, 62—63. Какъ предполагаютъ, написано по поводу слуховъ о вѣтрености жены Пушкина и неурядицахъ его семейной жизни. Тогда много говорили о томъ, что она неохотно вышла замужъ за А. С., чуть ли не наканунѣ свадьбы съ нимъ собиралась отказать ему и выйти замужъ за Давыдова и т. д. См. стихотворенія Павлова и ...я ...а. и статью Садовникова — „Ист. Вѣстн.“, 1883, XII.

И какъ не знать ему заранѣй,
Что всѣ кокетки холодны,
Что ихъ могущество въ обманѣ,
Что имъ поклонники нужны?
И какъ съ душою, полной чувства,
Отвѣта въ суетныхъ искать?
Въ нихъ все наука, все искусство,
Любви прямой имъ не понять!
Онъ сравнивалъ ее съ картиной[1]):
Онъ правъ! Бездушно-весела,
Кумиръ всѣхъ мотыльковъ гостиной,
Она лишь слѣпокъ божества!...
Въ ней огнь возвышенный, небесный
Красу земную не живитъ...
И врядъ ли мраморъ сей прелестный
Пигмаліонъ одушевитъ!...
Она кружится... и плѣняетъ,
Довольна рокомъ и собой;
Она чужой тоской играетъ;
Въ ней мысли полны суетой.
Въ ней спитъ душа. . и не проснется,
Покуда молода она,
Покуда жизнь ея несется
Рѣзва, блестяща и шумна!...
Когда же юность съ красотою
Начнутъ несчастной измѣнять, —
Когда поклонники толпою
Уйдутъ другихъ оковъ искать:
Тогда, покинувъ сцену свѣта,
И одинока и грустна,
Воспомнитъ вѣрнаго поэта
Съ слезой раскаянья она!...

1832.

---

[2]) Намекъ на „Мадонну“ Пушкина (1830)?

...я ...а[1]).

Отвѣтъ.

Нѣтъ, я поэта разгадала,
Языкъ любви мнѣ внятенъ былъ:
Его я сердцемъ понимала,
Но мигъ кокетства все сгубилъ.
Скажи, когда и гдѣ бывало,
Чтобъ отказались отъ побѣдъ,
Чтобъ самолюбье замолчало
У дѣвушки въ семнадцать лѣтъ?
Зачѣмъ же долго предъ досадой
Замолкнулъ чувства вѣрный гласъ?
Зачѣмъ, какъ прежде, не отрадой
Глядишь на взгляды черныхъ глазъ?
Зачѣмъ?... Но ты не понимаешь:
Къ чему же унижать себя?
Скажу: любовь ты повстрѣчаешь,
Но часто вспомнишь и меня!

А. А. Фетъ[2]).

Бюстъ[3]).

Когда, изъ мрамора иль гипса предо мною,
Ты въ думы погруженъ вѣнчанной головою,
Вѣрь — не вотще глаза устремлены мои
На изваянныя кудрей твоихъ струи,

---

[1]) „Молва“, 1832, V, стр. 17. „Новое Время“, 1881, № 1769. Отвѣтъ на стихотвореніе гр. Растопчиной — какъ будто отъ имени Н. Н. Пушкиной: ...я ...а = Наталья Пушкина?

[2]) „Москвитянинъ“, 1842, № 10, стр. 286.

[3]) Относится, кажется, къ одному изъ бюстовъ Пушкина, память котораго благоговѣйно чтилъ Фетъ.

На неподвижныя, изва́янныя думы,
На обликъ генія, торжественно угрюмый,
Какъ на пророчество великаго пѣвца —
На мѣсяцъ, день и годъ печальнаго конца!
Нѣтъ! мнѣ не вѣрится, что жилъ ты между нами,
Что смертный обладалъ небесными дарами,
Что ты такъ мало жилъ, что ты не умиралъ —
И никому даровъ небесъ не завѣщалъ!

II. Нерусскія стихотворенія о Пушкинѣ (въ русскихъ переводахъ).

А. Мицкевичъ[1]).

Подъ ве́черъ, на дождѣ, въ свои плащи одѣты,
И, взявшись за руки, сошлись друзья-поэты:
Одинъ — недавній былъ на сѣверѣ пришлецъ,
Другой — полуночи плѣнительный пѣвецъ,
Гремѣвшій пѣснями широко и далеко.
Хотя судьбиною расторгнуты жестоко,
Сердцами чуткими сливалися они:
Такъ, разлученные потокомъ искони,
Два поднебесные альпійскіе утеса
Стоятъ, на недруга поглядывая косо:
Едва имъ слышимый потока ревъ и шумъ
Ничуть ихъ царственныхъ не возмущаетъ думъ:
Они бесѣдуютъ спокойно межъ собою,
Склонившися одинъ къ другому головою...

---

1) „Кіевлянинъ", 1880, № 127. „Пчела", 1875, VI, 72. Переводъ Н. Берга

Браксаторисъ (Сладковичъ)[1].

Тѣни Пушкина.

Пѣвецъ полуночи! Ты братъ души моей,
О геній, намъ родной и милый!
Зачѣмъ безвременно покинулъ кругъ друзей?
Зачѣмъ такъ рано взятъ могилой?
Пѣвецъ полуночи! Люблю твой вѣщій гласъ,
Гарема игры и забавы,
Люблю пылающій войною твой *Кавказъ,*
Люблю я громъ твоей *Полтавы;*
Люблю *черкешенку* прелестную твою;
Мнѣ милъ и сумрачный *Евгеній,*
И грустный *Ленскій* твой: надъ нимъ я слезы лью...
Во всемъ, во всемъ ты — дивный геній!
Угасъ — и сколько слезъ повсюду пролилось!
Печальное настало время...
Судьба! Зачѣмъ, скажи, ты насъ разбила врозь,
Наславъ на чеховъ вражье племя?...

Привѣтственный адресъ Рижскаго Латышскаго Общества[2]).

Гордися, древняя столица!
Со всѣхъ концовъ Россіи многолюдной
Привѣтствія къ тебѣ несутся;
Не торжеству побѣды грозной
Въ честь ликованья раздаются,
Но вѣчной памяти поэта,
Кѣмъ слава націи воспѣта,
Ты воздвигаешь монументъ, —

---

[1]) „Кіевлянинъ“, 1880, № 127. *Гербель,* Поэзія славянъ, С.-Пб. 1871, стр. 396. Переводъ Н. Берга.

[2]) „Рижскій Вѣстникъ“, 1880, № 131.

Но генію племенъ славянскихъ
Всѣ просвѣщенные народы
Дань достодолжную приносятъ.
Прими, о славная столица,
Прими младенческій привѣтъ
И отъ латышскаго народа!
На путь духовнаго рожденья
Едва вступивъ, и онъ вкусилъ
Его поэзіи бальзамъ цѣлебный,
И онъ съ признательностью дѣтской,
Но искренней, чистосердечной
Предъ геніемъ склоняется главой.

На смерть Пушкина.

Сочиненіе въ стихахъ современнаго персидскаго поэта Мирзы Фатхъ-Али-Ахундова [1]*)*.

Это стихотвореніе было помѣщено въ „Московскомъ Наблюдателѣ" 1837 (XI, 397—404) съ слѣдующимъ примѣчаніемъ редакціи:

„Мы получили это замѣчательное персидское стихотвореніе, вмѣстѣ съ переводомъ, сдѣланнымъ по-русски самимъ авторомъ, отъ И. И. Клементьева, пребывающаго въ Тифлисѣ. Вотъ нѣсколько строкъ изъ письма, при которомъ прислано г. Клементьевымъ это стихотвореніе: „Вамъ, конечно, будетъ пріятно довести до свѣдѣнія публики то впечатлѣніе, которое пѣвецъ Кавказа и Бахчисарая произвелъ на молодого поэта Востока, подающаго во многихъ отношеніяхъ прекрасныя надежды. Оригиналъ нарочно написанъ арабскимъ шрифтомъ (курами), какъ легчайшимъ для чтенія... Я увѣренъ, что жесткость и дикость выраженія нѣкоторыхъ мѣстъ будутъ извинены достаточно духомъ Востока, столь противоположнымъ европейскому; сохранить его въ возможной вѣрности было главною цѣлію сочинителя при переводѣ, почти

---

[1]) Переводъ Бестужева-Марлинскаго помѣщенъ въ „Русской Старинѣ", 1874, сент., стр. 76—79. Опытъ стихотворнаго переложенія сдѣланъ г. S. въ „Петербургскомъ Листкѣ", 1880, № 99.

безъ исправленія мною оставленномъ, — и я считалъ необходимымъ удержать яркій колоритъ Ирана и блескъ игривый сравненій, иногда болѣе остроумныхъ, чѣмъ вѣрныхъ... Неизъяснимо утѣшительно для сердца русскаго видѣть благотворные слѣды гражданственности въ той части свѣта, гдѣ мерцаетъ первая образованность міра, — въ той странѣ, гдѣ могучая природа расточаетъ свое великолѣпіе и богатство среди племенъ, еще гнетомыхъ ярмомъ страстей дикихъ. И эта гражданственность, это постепенное усмиреніе бурныхъ силъ человѣка, враждебныхъ природѣ, обильно изливающей дары свои, совершается русскими!“ Вполнѣ раздѣляя чувства г. Клементьева и благодаря его искренне за доставленіе намъ прекраснаго цвѣтка, брошеннаго рукою персидскаго поэта на могилу Пушкина, мы отъ души желаемъ успѣховъ замѣчательному таланту, тѣмъ болѣе, что видимъ въ немъ такое сочувствіе къ образованности русской“.

Не предавая очей сну, сидѣлъ я ночь и говорилъ сердцу: о рудникъ[1]) жемчуга тайнъ!

Чтò случилось, что соловей цвѣтника твоего отсталъ отъ пѣсенъ? Чтò случилось, что попугай[2]) краснорѣчія твоего замолкъ?

Чтò случилось, что путь витійства твоего загражденъ?

Чтò случилось, что гонецъ мечты твоей остановился?

---

[1]) Въ поэзіи персидской, какъ произведеніи образованнѣйшаго класса людей, строгій догматизмъ Курана смягчается тонкостями умозрѣнія. Любимая тема ихъ — бореніе двухъ началъ противоположныхъ: добра и зла, силы духа и обольщеній міра; ихъ нравоученіе заключается въ мистическомъ стремленіи къ соединенію съ Богомъ. Этотъ *суфизмъ*, извѣстный и въ Аравіи, раскрылся съ большею силою у персіянъ, какъ болѣе просвѣщенныхъ потомковъ маговъ Зороастровыхъ. Симъ изъясняются упоминаемыя въ пьесѣ *змѣенравный, измѣнница, убійца, садовникъ, чаровница* (судьба, міръ), *убитый* (смертный), *борьба* (жизнь), *тайна* (соединеніе или сліяніе съ высочайшимъ Существомъ, суфизмъ).

[2]) Попугай у персіянъ принимается за птицу, пріятно разговаривающую и служитъ обыкновенно уподобленіемъ краснорѣчиваго оратора, увлекательнаго поэта.

Взгляни, наступила весна[1]): всѣ растенія, будто дѣвы, величаются красотою и прелестью.

Берега ручейковъ на лугу усѣялись фіалками; расцвѣла почка огнистая на кусту розовомъ цвѣтника.

Степь изукрашена, какъ невѣста; подолъ нагорья наполненъ цвѣтами, какъ драгоцѣнностями для осыпанія ея[2]).

Увѣнчанное цвѣтами дерево, какъ царь, стоитъ въ саду съ невозмущаемою важностью.

Лилія и ясминъ, какъ вельможи, въ честь его пьютъ вино росы изъ чашечекъ тюльпана.

Такъ изукрашенъ лугъ ясминами, что отъ зрѣнія на него помутились очи упоеннаго нарцисса.

Привѣтствующій соловей подноситъ гуляющимъ, будто даръ, въ клювѣ листокъ розы.

Готово облако оросить цвѣтникъ водою; къ нему зефиръ приноситъ благоуханіе.

Нѣжнымъ голосомъ поютъ поутру птицы: „О красавица-зелень! выходи изъ-подъ покрова праха!“

Все существующее не чуждо какого-либо искусства; отъ всего есть приношеніе на этомъ торжищѣ.

Одинъ очаровательною красотою, плѣнительными взглядами величается; другой стенаніями изъясняетъ любовь свою.

Все нынѣ въ наслажденіи и веселіи проводитъ время свое, распростившись съ печалію.

Все, кромѣ тебя, сердце мое! Не участвуешь ты въ радости и восторгѣ, не просыпаешься изъ безмолвія!

Въ сердцѣ твоемъ нѣтъ склонности, въ головѣ любви ни къ кому; далеко ты отъ страсти къ славѣ и отъ мечты поэзіи.

Не ты ли то же самое сердце, которое, погружаясь въ море мыслей для стиховъ, подобныхъ жемчужинамъ

---

[1]) Должно вспомнить, что за Кавказомъ весна открывается въ февралѣ.

[2]) На Востокѣ такъ же осыпаютъ въ день брака невѣсту, какъ водилось и въ Россіи.

царскимъ [1]), давало нити сихъ перловъ на украшеніе ланитъ тысячѣ игривымъ выраженіямъ [2]), будто дѣвамъ?

Теперь не знаю, откуда печаль твоя. Теперь къ чему ты сокрушаешься и унываешь, какъ плакальщица похоронная?

Оно отвѣтило: „О сотоварищъ въ моемъ уединеніи! теперь оставь меня самому себѣ!

Если бы, какъ красавецъ луга (мотылекъ), я не знало, что за вѣтеркомъ весеннимъ слѣдуетъ бурный вихрь осени: знай, тогда опоясало бъ я мечомъ языка станъ гусара-поэзіи на славную борьбу въ сей войнѣ.

Но мнѣ уже извѣстны вѣроломство судьбы, конецъ мой и жестокость этой измѣнницы.

Нѣтъ ума въ той птицѣ, которая, видѣвъ своими глазами сѣть, опять для зерна подвергается бѣдѣ.

Громъ славы, отклики доблести считай эхомъ внутри сего вращающагося свода.

Не говори о мечтѣ: я уже знаю, чѣмъ это криво-ходящее небо награждаетъ питомцевъ ея [3]).

Развѣ ты, не вѣдающій міра, — развѣ не слышалъ о Пушкинѣ, главѣ собора поэтовъ?

О томъ Пушкинѣ, которому стократно гремѣла хвала со всѣхъ концовъ, когда онъ игриво изливалъ свои мечтанія?

О томъ Пушкинѣ, отъ котораго бумага жаждала потерять бѣлизну свою, чтобы только перо его проводило черты по лицу ея?

Въ мечтахъ его, какъ въ движеніяхъ павлина, являлись тысячи дивныхъ цвѣтовъ литературы.

---

[1]) Стихи у арабовъ и персіянъ уподобляются жемчугу и по достоинству своему и потому, что составленіе стопъ сходно съ перлами, нанизываемыми на одну нить.

[2]) Сравненіе выраженій или страницъ съ дѣвами въ персидскихъ стихахъ обыкновенно.

[3]) Кривоходящее небо — намекъ на обращеніе около земли (по системѣ Птоломея) и на несправедливость судьбы, вѣчно враждующей съ человѣкомъ.

Ломоносовъ красою генія украшалъ обитель поэзіи, но его (Пушкина) мечта въ ней утвердилась.

Хотя Державинъ завоевалъ державу литературы, но для управленія и устройства ея избранъ онъ (Пушкинъ).

Карамзинъ наполнилъ чашу виномъ знанія: онъ (Пушкинъ) выпилъ вино сей наполненной чаши.

Распространилась слава его генія по Европѣ, какъ могущество и величіе Николая отъ Китая до Татаріи[1]).

По свѣтлому уму своему былъ онъ образцомъ на Сѣверѣ, подобно молодой лунѣ, которой видъ дорогъ Востоку[2]).

Такого быстро постигающаго сына, такого даровитаго сына не рождали четыре матери отъ семи отцовъ[3]).

Теперь съ удивленіемъ слушай отъ меня, что сіи родители не устыдились быть къ нему жестокими, — прицѣлились въ него стрѣлою смерти, безжалостно прекращая дни его.

Черное облако, по повелѣнію ихъ, одною градиною (пуля) побило плодъ дерева его жизни.

Жестокій вѣтеръ смерти потушилъ свѣтильникъ его души; тѣло его, какъ теремъ, стало мрачно.

Сей старый садовникъ сѣкирою безжалостною срубилъ его станъ, какъ молодую вѣтвь съ террасы сего цвѣтника.

---

1) Китай и Татарія у персидскихъ поэтовъ берутся въ значеніи самыхъ отдаленныхъ предѣловъ міра.

2) Потому что всѣ богослужебныя и гражданскія дѣйствія связаны съ періодическими измѣненіями луны.

3) У мусульманъ доселѣ господствуетъ космографія древнихъ, заимствованная отчасти отъ халдеевъ. Система Птоломея (который ими весьма уважается) вращала около неподвижной земли семь небесъ, одно надъ другимъ, каждое съ своею планетою. Вліяніе тѣлъ небесныхъ на землю и на ея стихіи, допускаемое частію и греками, составило у послѣдователей предопредѣленія предметъ науки астрологіи, почти вытѣснившей астрономію. Отсюда понятно, что семь отцовъ (т.-е. небесъ) и четыре матери (т.-е. стихіи) суть главные дѣйствователи, какъ бы всеобщіе родители въ подлунномъ мірѣ.

Голова его, въ которой хранилось сокровище ума, сдѣлалась, чрезъ рокъ змѣенравный, жилищемъ змѣи [1]).

Изъ праха сердца, подобнаго почкѣ, въ которомъ воспѣвалъ соловей его генія, нынѣ растетъ тернъ.

Душа его, какъ птица, вылетѣла изъ тѣла его, какъ изъ гнѣзда, и всѣхъ старыхъ и малыхъ сдружила съ горестію.

Россія въ скорби и печали восклицаетъ о немъ: „о жертва смерти!"

Такъ! Не спасъ тебя отъ оковъ колдовства этой старой чаровницы талисманъ твой.

Ты удалился отъ земныхъ друзей: да будетъ въ небесахъ другомъ твоимъ милосердіе Божіе!

Фонтанъ изъ Бахчисарая посылаетъ праху твоему съ весеннимъ зефиромъ благоуханіе двухъ розъ твоихъ.

Старецъ сѣдовласый, Кавказъ, отвѣтствуетъ на пѣсни твои стономъ въ стихахъ Сабугія" [2]).

Г. Берже [3]) даетъ слѣдующія любопытныя свѣдѣнія объ авторѣ этого стихотворенія:

„Въ 1834 году, въ канцелярію главноуправлявшаго въ Грузіи, барона Г. В. Розена, поступилъ въ качествѣ переводчика молодой мусульманинъ изъ нухинскихъ жителей, по имени Мирза-Фетхъ-Али (Ахундовъ), нынѣ полковникъ и въ той же должности. Спустя три года ему случилось познакомиться съ А. А. Бестужевымъ (въ литературѣ извѣстнымъ подъ громкимъ нѣкогда псевдонимомъ Марлинскаго), проживавшимъ тогда въ Тифлисѣ у полковника Потоцкаго, и учить его татарскому языку. Около того же времени на Кавказѣ было получено извѣстіе о смерти А. С. Пушкина. Обстоятельство это послужило

---

[1]) На Востокѣ, какъ и въ Европѣ, существуетъ вѣра въ клады, но вмѣсто нечистыхъ духовъ берегутъ ихъ змѣи.

[2]) У поэтовъ восточныхъ есть обычай сверхъ настоящаго имени принимать піитическое, какъ въ римской аркадской академіи. Сабуги есть такое имя сочинителя Мирзы Фатхъ-Али-Ахундова.

[3]) „Русская Старина", 1874, сент., 76—77.

какъ бы толчкомъ Мирзѣ-Фетхъ-Али, при помощи нѣкотораго поэтическаго дарованія, написать небольшую поэму и представить ее барону Розену, который не могъ не отнестись съ большою похвалою къ самой идеѣ, побудившей молодого кавказскаго мусульманина быть отголоскомъ той скорби, которую вызвала во всѣхъ концахъ Россіи вѣсть о безвременной кончинѣ великаго поэта. Въ маѣ того же 1837 года была предпринята экспедиція въ Цебельду, подъ личнымъ начальствомъ главнокомандующаго, взявшаго съ собою между прочими Фетхъ-Али и Бестужева, пользовавшагося особеннымъ расположеніемъ генерала. По приведеніи въ покорность цебельдинцевъ, отрядъ нашъ возвратился въ Сухумъ, гдѣ его уже ожидали суда, на которыхъ онъ долженъ былъ отправиться къ мысу Адлеру, для наказанія горцевъ. За три дня до отплытія въ море Бестужевъ, въ числѣ другихъ, обѣдалъ у барона Розена, который между прочимъ спросилъ его, читалъ ли онъ поэму Мирзы-Фетхъ-Али (присутствовавшаго тутъ же), и когда получилъ отрицательный отвѣтъ, то просилъ его переложить поэму на русскій языкъ при содѣйствіи автора. Это было посмертнымъ произведеніемъ пера Бестужева: нѣсколько дней спустя, высадившись у мыса Адлера, онъ былъ убитъ горцами“.

III. Стихотворенія, разысканныя во время печатанія сборника.

Бар. А. А. Дельвигъ[1]).

На смерть Державина.

Державинъ умеръ! Чуть факелъ погасшій дымится, о Пушкинъ!
О Пушкинъ! Нѣтъ ужъ великаго! Музы надъ прахомъ рыдаютъ;
Ихъ кудри упали, развитыя, въ безпорядкѣ на грудь;
Ихъ пѣрсты по лирамъ не движутся, голосъ въ устахъ исчезаетъ.

---

[1]) Гротъ, Соч. Державина, IX, 550—552.

Амура забыли печальныя; съ цѣпью цвѣточною скрылся
Онъ въ дикомъ кустарникѣ, слезы катятся по длиннымъ
рѣсницамъ.
Забросилъ онъ лукъ и въ молчаньи стрѣлу о колѣно
ломаетъ.
Мохнатой ногой растопталъ свирѣль семиствольную богъ
Панъ.
Вѣнчанъ осокою, ручей убѣжалъ отъ повергнутой урны,
Гдѣ Бахусъ на тигрѣ съ толпою вакханокъ и древнимъ
Силеномъ
Изсѣченъ на мраморѣ; тина льется изъ мраморной урны,
И нимфа, на брегѣ сидя, ужъ не плещетъ въ подругу
струею.
Державинъ умеръ! Чуть факелъ погасшій дымится, о
Пушкинъ!
О Пушкинъ! Нѣтъ ужъ великаго! Музы надъ прахомъ
рыдаютъ.
Веселье въ Олимпѣ. Вулканъ хромоногій подноситъ без-
смертнымъ
Амврозію, нектаръ, Зевесовъ прелестный любимецъ,
И каждый безсмертный вкушаетъ съ амврозіей сладостный
нектаръ.
И отворотясь улыбается Марсу Венера. И вижу
Въ восторгѣ я васъ, полубоги Россіи! Шумящей толпою,
На копья склонясь, ожиданье на челахъ, въ безмолвьи
стоите,
И вотъ повернулъ Кронъ сѣдовласый часы, и пресѣкли
Суровыя парки священную нить, и восхитилъ къ Олимпу
Священную тѣнь Аполлонъ, при сладостной пѣсни без-
смертныхъ.
Державинъ! Державинъ! Хвала возвышеннымъ поэтамъ!
Возстаньте!
Безсмертные, угостите безсмертнаго! Юная Геба,
Омой его очи водою кастальскою! Вы, хариты,
Кружитесь, пляшите подъ лиру Державина. Долго не зрѣли
Небесные утѣшенья земли и Олимпа святого піита!

И Пиндаръ узналъ себѣ равнаго, Флакъ — философа брата,
И Анакреонъ нацѣдилъ ему въ кубокъ пылающій нектаръ.
Веселье въ Олимпѣ! Державинъ поетъ героевъ Россіи!
Державинъ умеръ! Чуть факелъ погасшій дымится, о Пушкинъ!
О Пушкинъ! Нѣтъ ужъ великаго! Музы надъ прахомъ рыдаютъ.
Вотъ прахъ вѣщуна, вотъ лира виситъ на вѣтвяхъ кипариса!
При самомъ рожденьи пѣвецъ получилъ ее въ даръ отъ Эрмія.
Безсмертный уперся ногой натянуть на кругъ черепахи
Гремящія струны, и только въ часы небесныхъ восторговъ
Державинъ дерзалъ разсыпать по струнамъ бѣгущіе персты.
Кто жъ нынѣ посмѣетъ владѣть его громкою лирой? Кто? — Пушкинъ.
Атлетъ молодой, кипящій летѣть по шумной аренѣ,
Въ порывѣ прекрасной души ее свѣжимъ вѣнкомъ увѣнчаетъ.
Молися Каменамъ! И я за друга молю васъ, Камены!
Любите младого пѣвца, охраняйте невинное сердце,
Зажгите возвышенный умъ, окрыляйте юные персты!
Но и въ старости грустной пускай онъ, пріятно по лирѣ
Гремящей сперва ударяя, уснетъ исчезающимъ звономъ!...

1816(?).

В. К. Кюхельбекеръ[1]).

Поэты.

. . . .

Такъ! Не умретъ и нашъ союзъ,
Свободный, радостный и гордый,
И въ счастьи и въ несчастьи твердый,
Союзъ любимцевъ вѣчныхъ музъ!

---

[1]) „Соревнователь просвѣщенія и благотворенія“, 1820, IV, стр. 78. Къ Дельвигу, Пушкину и Баратынскому.

О вы, мой Дельвигъ, мой Евгеній!
Съ разсвѣта вашихъ тихихъ дней
Васъ полюбилъ небесный геній!
И ты, нашъ юный корифей,
Пѣвецъ любви, пѣвецъ Руслана!
Что для тебя шипѣнье змѣй,
Что крикъ и филина и врана?
Лети и вырвись изъ тумана,
Изъ тьмы завистливыхъ временъ...
О други! Пѣснь простого чувства
Дойдетъ до будущихъ племенъ.
Весь вѣкъ нашъ будетъ посвященъ
Труду и радостямъ искусства.
И что жъ? Пусть презритъ насъ толпа:
Она безумна и слѣпа!

А. М.[1])

Къ сочинителю поэмы „Русланъ и Людмила“.

Скажи мнѣ, отважный питомецъ Каменъ,
    Покроется ль сильный безсмертною славой,
Когда не искуситъ онъ крѣпкихъ раменъ,
    За ближнихъ и братій, на сѣчѣ кровавой?
Когда, препираясь съ могущимъ врагомъ
    О жизни и чести, онъ твердой рукою
Изъ вражеской выи широкимъ мечомъ
    Не вырветъ побѣды съ надменной душою,
Но мужества пылкость во тьмѣ утаитъ
    И въ сѣняхъ пустынныхъ крылатыя стрѣлы,
За робкою ланью гонясь, расточитъ?
    Ему ли дубрава положитъ предѣлы?

---

[1]) „Сынъ Отечества“ 1822, часть 76, стр. 129—131. По всей вѣроятности, А. М. — А. Марлинскій — Бестужевъ.

Смотри, какъ рыдаетъ безстрашный Эней,
Въ часъ бури жестокой объятый волнами.
Не слезы женъ слабыхъ изъ гордыхъ очей
По мѣднымъ доспѣхамъ катятся струями
И кровь съ нихъ смываютъ ахейскихъ дружинъ.
Онъ плачетъ о поздней, о праздной кончинѣ,—
Почто отъ пергамскихъ героевъ одинъ
Не палъ онъ за Трою на бранной равнинѣ!
Вотъ слезы великихъ! Быть можетъ, пѣвецъ,
И ты, исторгаясь изъ смертнаго круга
И взоромъ недвижнымъ признавши конецъ,
Не разъ проливалъ ихъ на ложѣ недуга
И видѣлъ, какъ юноши съ гордымъ челомъ,
Не трогаясь тайнымъ и тяжкимъ томленьемъ,
Молчали и, стоя предъ смертнымъ одромъ,
На славныя слезы смотрѣли съ презрѣньемъ.
Всѣ знаютъ, что людямъ изъ жизни земной
Ничто не потребно за пыльной могилой,
Но избранныхъ сердце, отвергнувъ покой,
Безсмертіе зиждетъ надъ жизнію хилой.
А сколько потребно для смерти трудовъ
И сколько дѣяній для истинной славы?
Почто же восторги священныхъ часовъ
Ты тратишь для пѣсней любви и забавы?
И вслѣдъ за толпою туманнымъ путемъ,
Сбѣжавши въ безплодную область видѣній,
Ты хочешь, чтобъ въ мракѣ холоднымъ перстомъ
Безцѣнное время отсчитывалъ геній.
Дни юности дважды, пѣвецъ, не придутъ!
Утраченнымъ чувствамъ не будетъ возврата,
И жадный Кроніонъ протекшихъ минутъ
Не выдастъ за цѣну всесильнаго злата!
Оставь притупленнымъ и празднымъ душамъ
Отгнать беззаботно ихъ срочное время,
Оставь сладострастье коварнымъ женамъ,
Сбрось чувственной нѣги позорное бремя!

Пусть бьются другіе въ волшебныхъ сѣтяхъ
    Ревнивыхъ прелестницъ,—пусть ищутъ другіе
Награды съ отравой въ ихъ хитрыхъ очахъ:
    Храни для героевъ восторги прямые,
Согрѣй ихъ лучами возвышенныхъ дѣлъ
    И стройной красою изящнаго міра,—
И доблести строгой дай лиру въ удѣлъ,
    И доблестью строгой прославится лира!
О если бъ мой юный и слабый языкъ,
    Коснѣющій рано на ложѣ страданья,
Въ твое вдохновенное сердце проникъ!
    О если бъ, какъ въ прахѣ взятыя стяжанья,
Намъ было возможно нашъ духъ завѣщать!
    Къ тебѣ бы прибѣгнулъ я съ теплой мольбою
О сиромъ героѣ. Тебѣ передать
    Желалъ бы я душу съ привычной мечтою:
Быть можетъ, грядущихъ временъ исполинъ,
    Плѣняся высокою пѣсней твоею,
Какъ древле Филиппа безтрепетный сынъ,
    Пришелъ поклониться бъ къ второму Пелею[1]).

П. А. Плетневъ[2]).

Къ А. С. Пушкину.

    Я не сержусь на ѣдкій твой упрекъ[3]):
    На немъ печать твоей открытой силы;

---

[1]) Это посланіе, повидимому, упрекаетъ Пушкина за его свѣтскія увлеченія послѣ выхода изъ Лицея, намекаетъ на его болѣзнь и рекомендуетъ ему перейти отъ эротическихъ и фривольныхъ темъ къ темамъ болѣе серіознымъ. „Сирый герой“ можетъ-быть Наполеонъ. „Наполеонъ“ Пушкина написанъ въ 1821 г. Переписываться съ Марлинскимъ онъ началъ въ 1822 г.

[2]) „Сочиненія и переписка“, III, С.-Пб. 1885, стр. 276—278.

[3]) Плетневу сдѣлались извѣстными слова А. С. (въ письмѣ къ брату, 1822 г.): „Плетневу приличнѣе проза, нежели стихи — онъ не имѣетъ никакого чувства, никакой живости — слогъ его блѣденъ, какъ мертвецъ“.

И, можетъ-быть, взыскательный урокъ
Ослабшія мои возбудитъ крылы.
Твой гордый гнѣвъ, скажу безъ лишнихъ словъ,
Утѣшнѣе хвалы простонародной:
Я узнаю судью моихъ стиховъ,
А не льстеца съ улыбкою холодной.
Притворство прочь: на поприщѣ моемъ
Я не свершилъ достойное поэта,
Но мысль моя божественнымъ огнемъ
Въ минуты думъ не разъ была согрѣта.
Въ набросанныхъ съ небрежностью стихахъ
Ты не ищи любимыхъ мной созданій:
Они живутъ въ несказанныхъ мечтахъ;
Я ихъ храню въ толпѣ моихъ желаній.
Не вырвешь вдругъ изъ сердца вонъ заботъ.
Снѣдающихъ бездѣйственные годы;
Не упредишь судьбы могущей ходъ,
И до поры не обоймешь свободы.
На мнѣ лежитъ властительная цѣпь
Суровыхъ нуждъ, желаній безнадежныхъ;
Я прохожу уныло жизни степь,
И радуюсь средь радостей ничтожныхъ.
Такъ выраститъ случайно дикій цвѣтъ
Подъ сумракомъ безсолнечной дубровы,
И, теплотой отрадной не согрѣтъ,
Не распустясь, свой листъ роняетъ новый.
Минетъ ли срокъ изнеможенья силъ?
Минетъ ли срокъ заботъ моихъ унылыхъ?
Съ какимъ бы я веселіемъ вступилъ
На путь трудовъ, для сердца вѣчно милыхъ!
Всю жизнь мою я имъ бы отдалъ въ даръ:
Я обнялъ бы мелькнувшія мнѣ тѣни,
Ихъ оживилъ, въ нихъ пролилъ бы свой жаръ,
И кончилъ дни средь чистыхъ наслажденій.
Но жизни цѣпь (ты хладно скажешь мнѣ)
Презрительна для гордаго поэта:

Онъ духомъ царь въ забвенной сторонѣ,
Онъ сердцемъ мужъ въ младенческія лѣта.
Я бъ думалъ такъ, — но пренеси меня
Въ тотъ край, гдѣ все живетъ одушевленьемъ,
Гдѣ мыслію, исполненной огня,
Всѣ дѣлятся, какъ лучшимъ наслажденьемъ,
Гдѣ вѣрный вкусъ торжественно взялъ власть
Надъ мнѣніемъ невѣжества и лести,
Гдѣ передъ нимъ молчитъ слѣпая страсть,
И даръ одинъ идетъ дорогой чести!
Тамъ рубище и хижина пѣвца
Безцѣннѣе вельможескаго злата:
Тамъ изъ оковъ для славнаго вѣнца
Зовутъ во храмъ гонимаго Торквата.
Но здѣсь... Какъ здѣсь бороться съ жизнью намъ
И пламенно предаться страсти милой,
Гдѣ хладъ въ сердцахъ къ плѣнительнымъ мечтамъ,
И даръ убитъ невѣжествомъ и силой!
Ужасно зрѣть, когда сраженъ судьбой
Любимецъ музъ и, вмѣсто состраданья,
Коварный смѣхъ встрѣчаетъ предъ собой,
Торжественный упрекъ и поруганья.
Еще бы я въ душѣ безчувственъ былъ
Къ ничтожному невѣжества презрѣнью,
Когда бъ вполнѣ съ друзьями музъ дѣлилъ
И жребій мой, и жажду къ пѣснопѣнью.
Но я вотще стремлюся къ нимъ душой,
Напрасно жду сердечнаго участья:
Вдали отъ нихъ поставленъ я судьбой
И волею враждебнаго мнѣ счастья.
Межъ тѣмъ, какъ вслѣдъ за днемъ проходитъ день,
Мой трудъ на нихъ слѣдовъ не налагаетъ,
И медленно съ ступени на ступень
Въ безсиліи мой даръ переступаетъ.
Невольникъ думъ, невольникъ гордыхъ музъ,
И страстію объятый неразлучной,

Я бъ утомилъ взыскательный ихъ вкусъ
Бесѣдою довѣрчивости скучной.
Къ кому прійти отъ жизни отдохнуть,
Оправиться среди дороги зыбкой,
Безъ робости вокругъ себя взглянуть
И передать съ надежною улыбкой
Простую пѣснь, первоначальный звукъ
Младой души, согрѣтый первымъ чувствомъ,
И по струнамъ движенье робкихъ рукъ,
Не правимыхъ довѣрчивымъ искусствомъ?
Кому сказать: „искусства въ общій кругъ,
Какъ братьевъ, насъ навѣкъ соединили;
Другъ съ другомъ мы и трудъ свой, и досугъ,
И жребій нашъ съ любовію дѣлили;
Ихъ счастіемъ я счастливъ былъ равно;
Въ моей тоскѣ я видѣлъ ихъ унылыхъ;
Мнѣ въ славѣ ихъ участіе дано;
Я буду жить безсмертіемъ мнѣ милыхъ?“
Напрасно жду. Съ любовію моей
Къ поэзіи, въ душѣ съ тоской глубокой,
Быть можетъ, я подъ бурей грозныхъ дней
Склонюсь къ землѣ, какъ тополь одинокій. 1822.

Кн. З. А. Волконской[1]).

(При посылкѣ стихотвореній А. С. Пушкина.)

Чье сердце горними лучами не согрѣто;
Кто пресмыкается душою на землѣ;
Чей взоръ блуждаетъ лишь житейскихъ нуждъ во мглѣ;
Въ комъ чувство бытія туманами одѣто;
Предъ кѣмъ ничтожно все: великолѣпный міръ,
Изящный человѣкъ — краса и жизнь творенья —
Тому непостижимъ даръ вдохновенныхъ лиръ;
Того не трогаютъ волшебны пѣснопѣнья;

[1]) „Дамскій Журналъ“ 1826, III, стр. 111—112. Стих. Козлова?

Тотъ изумляется, когда восторгъ живой
Взволнуетъ вашу грудь плѣнительной мечтой
О геніи — о томъ талантѣ всемогущемъ,
Который терніи намъ розами творитъ;
Который не умретъ во времени грядущемъ;
Въ которомъ вѣчный огнь божественный горитъ;
И на котораго взираетъ съ вѣчнымъ хладомъ
Одинъ отверженецъ природы и небесъ!...
Но ты, княгиня, чтишь явленье ихъ чудесъ
Прелестнымъ для души и сердца вертоградомъ:
Раскрой же Пушкина! Раскрой его скорѣй,
Приникни взорами и чувствами къ поэту,
Отъ музъ самихъ вѣнецъ пріявшему атлету —
И олимпійскій нектаръ пей!

А. Н. Муравьевъ[1]).

Эпиграмма.

Какъ не злиться Митрофану!
Аполлонъ обидѣлъ насъ:
Посадилъ онъ обезьяну
Въ первомъ мѣстѣ на Парнасъ. 1827.

Л. С.[2]).

Полтава — Божія коровка,
Кавказскій плѣнникъ — злой паукъ,

---

1) „Новое Время“ 1880, № 1518. Муравьевъ разсказывалъ: „въ домѣ Бѣлосельскаго, по моей неловкости, однажды случилось мнѣ сломать руку колоссальной гипсовой статуи Аполлона, которая украшала театральную залу. Это навлекло мнѣ злую эпиграмму Пушкина („Лукъ звенитъ, стрѣла трепещетъ“), который, не разобравъ стиховъ, сейчасъ же написанныхъ мною, въ свое оправданіе, на пьедесталѣ статуи, думалъ прочесть въ нихъ, что я называю себя соперникомъ Аполлона!“ Эпиграмма Муравьева и вызвана этимъ инцидентомъ.

2) „Вѣстникъ Европы“ 1830, II, 302. Пародія на эпиграмму Пушкина „Собраніе насѣкомыхъ“, въ которой былъ задѣтъ и редакторъ „Вѣстника Европы“ Каченовскій.

Вотъ *Годуновъ* — россійскій жукъ,
Онѣгинъ — тощая піявка,
Графъ Нулинъ — мелкая козявка.

Н. И. П. (Иванчинъ-Писаревъ)[1]).

На посвященіе Пушкинымъ новѣйшаго своего творенія „Годуновъ“ памяти Карамзина.

Прямого генія всѣ свойства таковы:
Онъ чтитъ великое въ великомъ не страшится.
Несносно солнце для совы —
Орелъ къ нему стремится! 1831.

И. Моднорифминъ[2]).

Бокалъ поэта 1831-му году.

Друзья! Наполнимъ дружно чаши
И съ звономъ ихъ сшибемъ края!
Благослови фіалы наши,
Веселыхъ призраковъ семья!
Вставай, товарищъ полусонный,
Проснись, шалунъ угомоненный!
Въ таинственной полночи часъ
Я смѣло пробуждаю васъ!
Приступимъ къ тризнѣ шамбертеня,
Клико звѣздится и кипитъ:
Его въ фіалъ себѣ напѣня,
Поэтъ васъ всѣхъ благословитъ!

---

1) „Дамскій Журналъ“ 1831, ч. XXXIII, № 7, стр. 104.

2) „Московскій Телеграфъ“ 1831, ч. 37, I, стр. 20—22. Грубая пародія на стихи Пушкина, принадлежащая, по всей вѣроятности, Н. Полевому. Пріурочиваемая г. Пономаревымъ къ Пушкину („Пушкинъ въ родной поэзіи“. С.-Пб. 1888), пародія „Зимній вечеръ“ („Московскій Телеграфъ“, 1830, XXXII, 136—142) несомнѣнно относится къ Дельвигу (= Өеокритовъ, какъ выше, стр. 135, Обезьянинъ = Пушкинъ и, стр. 133—135, Шольё-Андреевъ = кн. Вяземскій).

Шалите, милые, шалите,
Любите, пейте безъ заботъ,
Ловите радости, ловите
И въ будущій, какъ въ этотъ годъ!
Все пролетитъ — и жизнь и радость!
Двуличенъ Янусъ, бойтесь: гадость
Онъ вамъ покажетъ въ декабрѣ,
Взманивъ на счастье въ январѣ,
И просто: рожу молодую
Онъ вамъ поставитъ на показъ,
А послѣ — харю предурную
Вернетъ и испугаетъ насъ!
Кому остаться? Кто въ могилу?
Кому на счастье? Кто на зло?
Пей, пей, друзья, пока подъ силу
И черезчуръ не перешло!
Я не хочу васъ изурочить
И вамъ не стану я пророчить...
Что̀ мнѣ? Безпечный вашъ поэтъ
Сужденъ на много, много лѣтъ
Писать, печатать въ альманахахъ,
Виномъ заботы запивать
И въ грязныхъ критики оврагахъ
Отъ чтенья критикъ засыпать...
Что̀ мнѣ! Безъ славы и безъ думы
О славѣ пошлой и пустой
Гоню мечты мои угрюмы
За дружной чашей круговой!
Что жизнь? Два, три стиха изрядныхъ
Въ поэмахъ скучныхъ и парадныхъ,
Классическихъ, и предурныхъ...
И мы, за каждый этотъ стихъ
Такъ платимъ дорого!... Сквозь слезы
Я ваше пью вино друзья,
И, какъ январскіе морозы,
Трескучъ и хладенъ сердцемъ я!...

Мечтатель (С. Н. Глинка)[1].

Пушкиной и Пушкину.

(Экспромптъ, написанный въ присутствіи поэта).

Того не должно отлагать,
Что̀ сердцу сладостно сказать.
Поэтъ! Обнявшись съ красотою,
Съ ней слившись навсегда душою,
Живи, твори, пари, летай!...
Орфей, природу оживляй
И *Байрона* перуномъ грознымъ
Надъ сердцемъ торжествуй морознымъ.
Теперь ты *вдвое* вдохновенъ;
Въ *тебѣ* и въ *ней* все вдохновенье.
Что жъ будетъ новое творенье —
Покажешь: ты дивить рожденъ!

10 апрѣля 1831 года. Въ домѣ поэта.

Гр. Д. И. Хвостовъ[2]).

А. С. Пушкину, члену Россійской Академіи, 1831 года, при случаѣ чтенія стиховъ его о клеветникахъ Россіи.

Когда кипѣла въ жилахъ кровь
Я славить могъ весну, любовь;
Отъ ига лѣтъ, подобно маку,
Я сгорбяся, равняюсь злаку,
Но сталъ союзникъ Зодіаку.

---

[1]) „Дамскій Журналъ“ 1831 г., ч. XXXIV, № 17, 53. По мнѣнію г. Пономарева, „Мечтатель“ — кн. Шаликовъ, но самъ Глинка раскрылъ въ „Дамскомъ Журналѣ“ (1831, часть XXXIII, № 3, стр. 43) свой псевдонимъ.

[2]) Стихотворенія, VII, С.-Пб. 1834, 99—102.

Страшась холеры стрѣлъ и пуль,
Я пѣлъ въ Петрополѣ *іюль*[1]),
Поклонникъ давній русской славы,
Пѣлъ въ *августѣ* приступъ Варшавы,
И, очень помню, въ *сентябрѣ*,
Гулявъ на Яхромской горѣ,
Кубры[2]) извивомъ веселился,
На берега Невы пустился
И въ Крестцахъ[3]) пѣлъ свиданья часъ.
Теперь, и въ *сентябрѣ*, я снова
Пою о клеветѣ два слова;
Крылатый, борзый конь Пегасъ
Передъ глаза мои представилъ
Не Краковъ, Вильну иль Несвижъ, –
Многоглаголивый Парижъ,
Безъ якоря, руля и правилъ,
Гдѣ шумныхъ посреди Палатъ
Витія — самозванецъ, хватъ
Вертитъ Европой безъ заботы,
Къ Варшавѣ посылаетъ *флоты*
И на Себастіани громъ,
Витійствъ злорѣчивымъ ядромъ
Изъ устъ сварливо-вздорныхъ мещетъ,
Иль *фразисомъ* некстати мещетъ,
Иль, о приступѣ слыша вѣсть,

---

1) Въ письмѣ къ Языкову (14 ноября 1831 г.) Пушкинъ цитируетъ эти стихи нѣсколько иначе — вѣроятно, по рукописной версіи:

Приближася похода къ знаку,
Я сталъ союзникъ Зодіаку;
Холеры не любя пилюль,
Я пѣлъ при старости іюль.

Пушкинъ собирался „достойно отвѣтить союзнику Водолея, Рака Козерога“, но отвѣтилъ позднѣе (въ 1832 г.) только короткимъ письмомъ.

2) Рѣка Владимирской губерніи.

3) Уѣздный городъ Новгородской губерніи.

Зоветъ соземцевъ подлецами,
Кричитъ: „французовъ пала честь,—
Скажи, скажи, что будетъ съ нами?
Гдѣ бунтъ, тамъ каждый уголокъ
Для видовъ лакомый кусокъ;
Его усиливать потребно, —
Вотъ ремесло похвально, хлѣбно:
Французы, будто робкій звѣрь,
Въ норѣ зарылися теперь“.
Спасибо Пушкину-поэту;
Завистникамъ гостинецъ вновь
Заморскому докажетъ свѣту
Его къ отечеству любовь.
Его твореніе прекрасно,
Замысловато, сильно, ясно,
Легко, пріятно и умно...
Но попадетъ ли въ цѣль оно?...
Царицу россовъ клеветали,
Когда горѣла съ туркомъ брань;
Пускай Европу ужасали
Наполеоновъ мечъ и длань,—
Французы съ клеветы собрали
Большую въ это время дань.
Съ ней рядышкомъ самоуправство,
Корысть, хищенье, святотатство
Завистливая спесь, вражда,
Успѣхъ чужой — для ней бѣда,
Желаніе — другимъ ничтожность,
Самой себѣ — добра возможность.
Тебѣ дала поэта жаръ
Мать вдохновенія — природа:
Употреби свой, Пушкинъ, даръ
На славу русскаго народа;
Какъ началъ громко — продолжай
О древнихъ подвигахъ великихъ,
И вопли птицъ ночныхъ и дикихъ

Ты, пѣснопѣвецъ, презирай[1]).
Злословье нагло, безпокойно
Высокой лиры недостойно.
Повѣрь, что правды чистой свѣтъ
Злоумышленья цѣпь прерветъ,
Духъ безначалья обезглавитъ
И міръ отъ гибели избавитъ.
Пусть клевету плодитъ стоустая молва,
Пускай завистники бѣснуются, проказятъ, —
Они достоинства и храбрости не сглазятъ;
Имъ въ отвѣтъ пойдутъ слова:
„Слава русская жива!"

Гр. Хвостовъ[2]).

Соловей въ Таврическомъ саду.

Зовутъ друзья въ саду Тавриды
Подъ вечеръ слушать соловья:
Родной напѣвъ, родные виды —
До васъ большой охотникъ я.
Услышать трели Филомелы
Бреду — и сталъ почти безъ ногъ;
Раскаты, переливы смѣлы
Рождаютъ сладостный восторгъ.
Пусть голосъ соловья прекрасный,
Плѣняя, тѣшитъ, нѣжитъ слухъ,
Но струны лиры громогласной
Прочнѣе восхищаютъ духъ.
Любитель музъ, съ зарею майской,
Спѣши къ источникамъ ключей:
Ступай подслушать на Фурштатской[3]),
Поетъ гдѣ Пушкинъ-соловей! 1832.

---

[1]) Многіе (напр., кн. Вяземскій) были очень недовольны стихотвореніями Пушкина и Жуковскаго по поводу польскаго возстанія.

[2]) Сочиненія, VII, С.-Пб., 1834, стр. 171. Срв. соч. Пушкина (Литер. фонда), VII, 310.

[3]) Хвостовъ узналъ, что Пушкинъ жилъ на Фурштатской.

И. М. Бакунинъ[1]).

На погребеніе Пушкина.

Кто долъ оставилъ суеты?
Кому печали колесница,
Кому изъ ельника тропы,
О комъ печалится столица?
Кто сей, за кѣмъ народъ толпами
Идетъ съ участія слезой?
Съ побѣдоносными ль орлами
Громилъ враговъ за край родной?
Горя желаньемъ пользы, славы,
Въ груди таилъ ли, съ юныхъ дней,
Онъ блага замыслъ величавый
Для счастья родины своей?
Въ уединеньи ли слѣдилъ онъ свѣтъ науки,
Впередъ ли двинулъ онъ познанія вѣковъ?
На благо власть пріявшій въ руки
Вельможа ль, бѣднаго покровъ?
Судья ли праведный, призванью свято внемля,
Каралъ коварство, клевету,
И мзды корысти не пріемля,
Вѣкъ правды шелъ путемъ и вѣренъ былъ добру!
Нѣтъ! Пушкина здѣсь прахъ!
Онъ геній горделивый
Не битвамъ посвятилъ, не шелъ стезей честей,
Но, беззаботный и лѣнивый,
Былъ музы баловень игривый,
Взлелѣянъ музой съ юныхъ дней.
Онъ, бывъ въ душѣ вполнѣ поэтъ,
Не для другихъ пѣлъ, не для славы, —
Какъ соловей въ тѣни дубравы,
Пѣлъ все, что въ умъ ему придетъ:

1) „На все и время и пора", С.-Пб., 1838, стр. 115—118.

То въ думахъ громкихъ возвышался,
Исполненъ бывъ избыткомъ силъ,
То пѣснью смѣлой утѣшался
Иль вздоромъ публику смѣшилъ;
То своевольно и забавно
Страстями, чувствами игралъ,
То кистью рѣзкой, своенравно
Своихъ противниковъ каралъ.
Разсказъ живой и простодушный
Онъ сохранять въ стихахъ умѣлъ,
И вѣчно, музыкѣ послушный,
Роскошно стихъ его гремѣлъ.
Огнистый, полный чувства силы,
Врѣзался въ памяти легко;
Его бездѣлки были милы;
Что думалъ, — думалъ глубоко.
Читали радуясь его,
Въ глуши деревни и въ столицѣ,
Отрадна русскому была
Народность въ Пушкина цѣвницѣ.
Всѣмъ пѣснь его была мила...
И нѣтъ его! Онъ, жаждавъ мести,
Злой уязвленный клеветой,
Палъ, предразсудку ложной чести
Напрасно жертвуя собой.
Онъ палъ, и скоро прахъ поэта
Родной покроется землей.
Его ужъ нѣтъ! Но живъ для свѣта
Онъ вѣчно лирою своей.
Пройдетъ грядущими вѣками,
Изобразивъ остро, легко
Потомству рѣзкими чертами
Духъ буйный вѣку своего,
Его мечты, его желанья,
Пороки, слабости, страданья,
Житье потѣшное его!

Герой, побѣдами стяжавшій славу мира,
Вельможа, властелинъ забудутся скорѣй,
Чѣмъ память Пушкина: и пѣснь его и лира —
Ему нетлѣнный мавзолей! 1837.

Рахманный[1]).

Умеръ Пушкинъ!... Нѣтъ поэта!
Лучезарная звѣзда
Закатилась навсегда
Для рыдающаго свѣта!
Блескъ лучей ея исчезъ,
И несытая могила
Безвозвратно поглотила
Это лучшее свѣтило
Нашихъ пасмурныхъ небесъ.

С. Л. Пушкинъ[2]).

На память нашего поэта,
Погибшаго во цвѣтѣ лѣтъ
Средь бурь, измѣнъ моднаго свѣта, —
Дарю тебѣ его портретъ.
Ты вспомнишь и мои страданья,
Потоки слезъ моихъ очей,
И будутъ два воспоминанья —
Предметы думъ души твоей.
Да не отравятъ твой покой
Сіи мечты воображенья,
Услышитъ теплыя моленья
Мои хранитель-ангелъ твой!

---

1) „Кіевлянинъ“ 1880, № 125. „Опыты въ русской словесности воспитанниковъ гимназій бѣлорусскаго учебнаго округа“. Вильна 1839, стр. 287.

2) Стихи отца поэта дочери П. А. Осиповой. При письмѣ былъ портретъ А. С. См. *Семевскій*, Къ біографіи Пушкина, „Русскій Вѣстн.“, 1869, т. 84. № 11, стр. 95.

Склоняяся главою въ прахъ,
Я слышу генія...: Паритъ онъ надъ тобою
И блещетъ яркою звѣздою,
И молитъ онъ о томъ же въ небесахъ. 1837.

В. Макаровъ[1]).

. . . .

Друзья, я видѣлъ трупъ холодный
Пѣвца возвышенныхъ рѣчей,
И слышалъ я въ толпѣ народной
Языкъ коварства и страстей.
Одинъ безсмысленно взираетъ
На трупъ великаго пѣвца,
Другой, безумецъ, осуждаетъ
И говоритъ: она, она
Всему вина!
Я думалъ: о, языкъ коварный,
Ты никого не пощадишь!
О, человѣкъ неблагодарный,
Не знаешь ты, предъ кѣмъ стоишь!
Зачѣмъ пришелъ? Иль прахъ священный
Ты хочешь злобой помрачить?
Съ душою низкой и надменной
Земнымъ коварствомъ уязвить
Нельзя пѣвца!
Онъ умеръ. Что же, въ этомъ мірѣ
Ужели мало онъ страдалъ,
Когда на сладкозвучной лирѣ
Святую правду величалъ?
Итакъ колѣна преклоните,

---

[1]) Отрывокъ изъ рукописнаго стихотворенія, обнародованный Семевскимъ — „Русскій Вѣстникъ", 1869, XI, 98.

Оставьте дерзкія слова
И Бога вышняго молите:
Поэтъ предъ Нимъ,— его душа
    На небесахъ!

. . . .

Воспоминаніе о Пушкинѣ[1]).

. . . .

...Не спрашивай, Россія,
Чьей святотатственной рукой
Волшебныхъ струнъ оборванъ строй.
Зачѣмъ? Оставь слова пустыя!
Стыдится изгнанный пришлецъ.
Поэтъ простилъ его съ любовью;
Злодѣй прославленный вѣнецъ
Не запятналъ пролитой кровью

. . . .

Г. Соколова[2]).

Воспоминаніе о Пушкинѣ.

Давно умершаго поэта
Раскрыта книга предо мной...
Зачѣмъ онъ не живетъ для свѣта?
Зачѣмъ лежитъ въ землѣ сырой?
Нѣтъ! Онъ въ своихъ стихотвореньяхъ,
Нашъ славный Пушкинъ, не умретъ!
Въ его бывалыхъ вдохновеньяхъ
Душа безсмертная живетъ!
Какой гармоніей чудесной
Свилася цѣпь его стиховъ!
Въ нихъ жизни отблески небесной,
Въ нихъ отзывъ будущихъ вѣковъ.

---

[1]) Отрывокъ изъ рукописнаго стихотворенія, сообщенный Семевскимъ —„Русскій Вѣстникъ“, 1869, XI, 96—97.

[2]) Стихотворенія, I, М., 1841, 131—132.

Онъ все прошелъ: любовь, измѣну,
Покоемъ счастливую жизнь;
Потомъ гоненье, перемѣну...
Не избѣжалъ и укоризнъ.
Но поэтической душою
Онъ никогда не упадалъ;
Неподражаемой рукою
Стихи безсмертные писалъ!
Да! Нѣтъ его! Все замолчало...
Нѣтъ той поэзіи живой:
Она еще не зазвучала
Могучей славою родной!
Покойся съ миромъ незабвенный,
Душой восторженный поэтъ!
Внимай отъ неба!... Вдохновенный,
Тебѣ сердечный мой привѣтъ!
Вѣнокъ сплету изъ розъ душистыхъ,
Твою имъ память обовью;
Тебѣ хвалу въ порывахъ чистыхъ
Я не робѣя воспою!

Н. Прокоповичъ[1]).

Тѣни Пушкина.

Ты правъ, поэтъ-пророкъ! Привѣтъ твой былъ угоденъ
Держащему судьбы народовъ и царей:
Во всемъ былъ пращуру великому подобенъ
Воспѣтый лирою пророческой твоей[2]).
Прозрѣвъ грядущее орлинымъ свѣтлымъ окомъ,
Заранѣ предсказалъ ты славу и добро:
Вотъ тридцать лѣтъ прошло — все оправдалось рокомъ,
Что начертало намъ, пѣвецъ, твое перо!

---

[1]) „Журналъ для чтенія воспитанникамъ военно-учебныхъ заведеній", годъ XVIII, 1855, № 453, т. CXIV, стр. 3.

[2]) Императоръ Николай I. Срв. стихотвореніе Пушкина: „Въ надеждѣ славы и добра"... (1826).

О призри на меня ты съ горняго селенья,
Благослови меня, безвѣстнаго пѣвца,
Да *сыну*[1]) пропою привѣтственное пѣнье,
Какъ ты привѣтствовалъ *державнаго отца!*
О, да гляжу впередъ, какъ ты, я безъ боязни,
И прореку, какъ ты, я съ ранняго утра:
И дѣдовъ вѣрный мечъ съ наукою въ пріязни,
И потъ благихъ трудовъ для правды и добра!
Заранѣ слышу я племенъ благословенья,
Молитвы теплыя, молитвы за того,
Кто ангельской души нѣжнѣйшія движенья
Всѣ благу посвятилъ народа своего! 1855.

Стихи на вѣнкѣ[2]).

Поникла тихо, безъ отвѣта
Лавръ гордо несшая глава,—
Но живъ въ Россіи духъ поэта,
И пѣсня дивная жива. 1880.

29 января 1837 г.[3])

Въ печальный день, день скорби и томленья,
Въ день памяти великаго пѣвца
Прилично ли играніе и пѣнье,
И шумный пиръ, и рѣчи безъ конца?
О, если бъ ты, учитель нашъ великій,
Увидѣлъ этотъ гамъ и чадъ, и дымъ,
Жидовскій крикъ и дерзостный и дикій,
Прикрытый славнымъ именемъ твоимъ, —
Увидѣлъ пиръ безумный, дерзновенный,
Когда бокалъ подниметъ грязный тать
И плюнетъ на алтарь, гдѣ огнь горитъ священный,
И станетъ твой треножникъ колебать!...

---

1) Императоръ Александръ II.
2) „Новое Время“ 1880, № 1536. „Петербургскій Листокъ“ 1887, № 27.
3) „Шутъ“ 1887, № 5, стр. 2.

П. В. Б—овъ[1]).

Памяти великаго поэта.

Какъ нѣжная трель соловьинаго пѣнья,
Какъ гимны побѣдные громкаго клира,
Звучала, и страсти полна и томленья,
Его несравненная лира.
И вѣщія струны ея золотыя
Рождали тѣ дивныя, мощныя пѣсни,
Что чувства всегда пробуждали святыя,
Душѣ говорили: „воскресни!"
Свободно, какъ струи рѣки многоводной,
Лилися могучія пѣсни поэта,
Прекрасны, какъ свѣточъ звѣзды путеводной,
Какъ нѣжныя краски разсвѣта.
Какъ юное солнце, онѣ согрѣвали
Въ ненастье, въ суровые жизни морозы,—
Рай свѣтлыхъ видѣній онѣ напѣвали,
Дыша ароматами розы.
То бодрость, какъ воздухъ цѣлительный — горный
Вселяли онѣ, то отрадныя муки, —
Онѣ вызывали восторгъ непритворный
У хмураго мужа науки.
И старцевъ, подъ бременемъ жизни согбенныхъ,
На долгое время сердца молодила
Тѣхъ пѣсенъ волшебныхъ, живыхъ, вдохновенныхъ
Великая, тайная сила...
Рукой *чужеземца,* рукой безпощадной
Разломана лира чудесная эта,
И замеръ послѣдній звукъ пѣсни отрадной
Со вздохомъ послѣднимъ поэта...

---

1) „Стрекоза", 1887, № 5, стр. 2.

Но звуки чарующей пѣсни сердечной
Попрежнему живы для русскаго міра —
И будетъ въ отчизнѣ всѣмъ памятна вѣчно
Безсмертная лира!...

Л. Пальминъ[1]).

Памяти А. С. Пушкина.

Полвѣка промчалось, какъ замерли звуки
Волшебныхъ, чарующихъ пѣсенъ твоихъ,
Но внемлютъ имъ чутко далекіе звуки,
Услышатъ и правнуки ихъ.
Ихъ гулкое эхо звучитъ по вселенной,
Какъ зовъ красоты и добра, и любви...
Въ созвучіяхъ пѣсни твоей вдохновенной,
Поэтъ незабвенный, живи!
И мнится, что геніи въ небѣ ковали
Созвучія эти въ священномъ огнѣ...
Увы, нашихъ пѣсенъ судьба такова ли?
Безслѣдно замолкнутъ онѣ...
Беззвучный напѣвъ современнаго вѣка
На рынкѣ грошовыхъ пустыхъ мелочей
Не вызоветъ бури въ душѣ человѣка
И чистой слезы изъ очей...
Въ немъ нѣтъ ни луча путеводнаго свѣта,
Недужная муза робка и слаба,
И пѣсня нѣмѣетъ въ устахъ у поэта,
Какъ слово въ устахъ у раба...
О, если бы властью таинственной силы,
Пѣвецъ чудотворный, былъ вызванъ ты къ намъ,
Скажи: ты ударилъ бы, вставъ изъ могилы,
Опять по волшебнымъ струнамъ?

---

1) „Осколки“ 1887, № 5, стр. 3.

Нѣтъ!... Грустно разбилъ бы ты звонкую лиру,
Какъ Божью скрижаль Моисей о скалу,
Увидѣвъ алтарь золотому кумиру,
И снова бы скрылся во мглу...

Д. Д. Минаевъ.

Поминки.

(29 января 1887 г.)

Въ день полстолѣтней годовщины
Со смерти славнаго пѣвца
Боль тихой скорби и кручины
Сжимаетъ русскія сердца,
И оживаетъ передъ нами,
Минуя многіе года,
То утро зимнее, когда
Съ полупотухшими глазами,
Смертельно раненный, упалъ
Поэтъ на снѣгъ окровавленный,
И скоро цѣлый свѣтъ узналъ,
Громовой вѣстью пораженный,
О смерти Пушкина.
Поэтъ,
Какъ гость, всѣмъ чуждый и незваный,
Попалъ, по волѣ рока, въ *свѣтъ*
Бездушный и непостоянный,
Гдѣ встрѣченъ былъ глухой враждой
И злобой темныхъ интригановъ:
Пигмеи съ мелкой ихъ средой
Должны всегда на великановъ
Смотрѣть враждебно. Свѣтъ пустой
Поэту мстилъ за превосходство

---

[1]) „Петербургская Газета“ 1887, № 28.

Злословьемъ, черной клеветой;
Забывши честь и благородство,
Бросалъ въ него изъ-за угла
Каменья, грязныя посланья
Писалъ и вкругъ его чела
Не видѣлъ генія сіянья.
Тогда измученный пѣвецъ
Среди враговъ своихъ упорныхъ
Не перенесъ обидъ позорныхъ,
И пули роковой свинецъ
Его сразилъ...
Съ тѣхъ поръ полвѣка
Прошло, но Пушкинъ не забытъ,
И на Руси нѣтъ человѣка,
Который нынѣ говоритъ
О немъ безъ гордости. Творенья
Его намъ дали вдохновенья
Неизсякаемый родникъ,
И въ нихъ, вѣкамъ на удивленье,
Онъ монументъ себѣ воздвигъ,
Что крѣпче бронзы и гранита:
„Къ нему“, онъ самъ сказалъ открыто,
„Уже не зарастетъ тропа“.
Въ поэта вѣря, какъ въ пророка,
Тропу раздвинула широко
Его паломниковъ толпа.
Его жъ враги... Печать забвенья
На ихъ ничтожныхъ именахъ
Лежитъ, и общее презрѣнье
Не знаетъ, гдѣ гніетъ ихъ прахъ...
Вотъ мщенье генія. Кончины
Нѣтъ для него. Въ свой край родной
Принесъ онъ вѣчный блескъ дневной,
И въ день печальной годовщины
Та мысль намъ бодрость придаетъ:
Какъ славенъ и великъ народъ,

Среди котораго явился
Великій, истинный поэтъ,
И съ нимъ впервые засвѣтился
Въ окошкѣ русскомъ *русскій* свѣтъ!

Памяти А. С. Пушкина[1]).

(29 января 1837—87 гг.)

Моментъ — и пуля прожужжала...
И тотъ навѣки опочилъ,
Чей стихъ во имя идеала
Землѣ родимой послужилъ...
Полвѣка минуло. Отчизна
Достойно чтитъ такихъ людей:
Готова искренняя тризна
Для нихъ въ сердцахъ ея дѣтей...
Поэта геній величавый
Мы, какъ святыню, сбережемъ,
И на скрижали русской славы
Мы имя Пушкина внесемъ.

— —

Твою кончину вспоминая
Чрезъ пятьдесятъ минувшихъ лѣтъ,
Вездѣ — отъ края и до края —
Почтитъ земля твоя родная,
Тебя, великій нашъ поэтъ.
Пустъ волей случая сурово
Оборвалась такъ рано нить
Служенья Пушкина земного;
Но *духъ* его и *духа слово*
Живутъ и вѣчно будутъ жить:

---

1) „Будильникъ“, 1887, V, стр. 4.

С. Рыскинъ[1]).

Памяти А. С. Пушкина (1837—1887).

Уже промчалося полвѣка
Съ тѣхъ поръ, когда въ ужасный мигъ
Удѣлъ печальный человѣка
Баяна русскаго постигъ;
Когда въ мгновенья страшной муки
Безсиленъ сталъ могучій умъ,
Рождавшій пламенные звуки
Изъ вдохновенно-чудныхъ думъ;
Когда творецъ безсмертныхъ пѣсенъ,
Любимый русскою страною,
Великъ и славенъ, и чудесенъ,
Переселился въ міръ иной,—
Отшелъ въ загробныя селенья
Съ вѣнцомъ безсмертья на челѣ,
Содѣлавъ то, что силы тлѣнья
Не сокрушаютъ на землѣ;
Что нашимъ дѣтямъ, нашимъ внукамъ
И ихъ потомкамъ безъ конца
Своихъ могучимъ, дивнымъ звукомъ
Наполнитъ мысли и сердца;
Что въ жизнь грядущихъ поколѣній
Внесетъ сѣдыхъ временъ рѣка,
Вѣщая: Жилъ великій геній
Въ давно минувшіе вѣка...
И совершаемъ тризну нынѣ
Мы, славной родины сыны,
По незабвенномъ, лучшемъ сынѣ
Родной возлюбленной страны!...

---

[1]) „Московскій Листокъ“, 1887, № 29.

А. Ильенко[1]).

Памяти Пушкина.

(29 января 1837 г.)

Святому слѣдуя призванью,
Онъ чувства въ ближнемъ[2]) пробуждалъ
И пѣсни чудныя слагалъ,
Послушный музы указанью.
Какъ эхо[3]), онъ отзывчивъ былъ
На всѣ душевные порывы —
И чувствамъ стихъ его вторилъ,
Свободный, легкій и игривый.
Но часъ пробилъ – въ землѣ сырой
Поэтъ нашелъ себѣ покой:
Онъ палъ... И вотъ, съ того мгновенья
Полвѣка быстро протекло
И въ бездну вѣчнаго забвенья
Не мало смертныхъ унесло, —
Но мы поэта не забыли
И чтимъ его, какъ прежде чтили.
Его дѣла[4]) живутъ межъ насъ;
Понынѣ громкій вѣщій гласъ
Въ его твореньяхъ раздается:
Онъ проникаетъ къ намъ въ сердца –
И чья душа не отзовется
На голосъ дивнаго пѣвца?
Онъ будетъ вѣчно жить: и времена, и нравы —
Все перемѣнится, но слава не умретъ
Пѣвца Онѣгина, пѣвца Петра, Полтавы.
Пройдутъ десятки лѣтъ — и русскій нашъ народъ

---

1) „Свѣтъ“, 1887, № 23.
2) Вар.: въ людяхъ. *Авт.*
3) См. „Эхо“, Пушкина. *Авт.*
4) Пушкинъ говоритъ: „Слова поэта суть уже дѣла его“. *Авт.*

Полюбитъ Пушкина любовью непритворной:
Онъ сердцу близкое въ его стихахъ найдетъ.
То будетъ памятникъ пѣвцу нерукотворный,
Народная тропа къ нему не зарастетъ!...[1])

Э. Щешинскій[2]).

Тризна.

(Въ 50-ю годовщину смерти Пушкина.)

Прошло полвѣка съ тѣхъ временъ,
Какъ духъ безсмертнаго поэта
Вознесся въ пышный небосклонъ,
Къ лучамъ Божественнаго свѣта.
Замолкъ пророческій глаголъ,
Не все еще повѣдавъ міру,
Но раньше славы ореолъ
Вѣнчалъ плѣнительную лиру.
И съ той поры весь край родной,
Вся ширь безбрежная Россіи,
Его поэзіей святой,
Какъ всеобъемлющей волной
Могучей, нравственной стихіи,
Живетъ и дышитъ, и горитъ;
Съ ней торжествуетъ, съ ней страдаетъ,
Ея волненіемъ кипитъ,
Ея идеи сторожитъ
И ими душу обновляетъ!...
Пѣвецъ, завиденъ жребій твой!
Что передъ нимъ героевъ слава?...
Встаетъ ли, гибнетъ ли держава —
Всегда, подъ бранною грозой,

---

[1]) Нѣсколько измѣненное двустишіе Пушкина. *Авт.*
[2]) „Свѣтъ“, 1887, № 23.

Пустѣютъ мирныя пространства,
Растетъ нужда... молчитъ законъ...
И строй привычнаго гражданства
Въ своихъ основахъ пораженъ;
Лишаясь крова и объятій
Томится рой сиротъ и вдовъ!...
И часто подвиги бойцовъ
Встрѣчаетъ только вопль проклятій —
Иль забывается и слѣдъ
Всѣхъ громозвучныхъ ихъ побѣдъ.
Съ тобой не то, сердецъ властитель!
Ты вѣченъ въ памяти людской,
И духъ твой, нынѣ небожитель,
Царитъ и въ юдоли земной.
Какъ волны рѣкъ, проходятъ годы,
Пройдетъ столѣтій длинный рядъ,
И соплеменные народы
Тебя изустно затвердятъ!
Кто помнитъ древнихъ войнъ разгаръ,
Героевъ битвъ, вождей походовъ,
Но живы въ памяти народовъ
Гомеръ, Виргилій и Пиндаръ!...
Святая тѣнь! Съ высотъ лазурныхъ
Ты погляди на долъ земной:
Нѣтъ и слѣда тѣхъ споровъ бурныхъ,
Что возникали надъ тобой...
Твой горделивый, дивный геній
Въ духовной жизни поколѣній
Остался властенъ и могучъ;
Какъ встарь бывало, и понынѣ
На нашей жизненной пустынѣ
Онъ блещетъ солнцемъ изъ-за тучъ.
Твоя „Полтава“, „Всадникъ Мѣдный“,
Твой „Годуновъ“, „Евгеній“ твой,
„Бахчисарая“ призракъ блѣдный —
Живутъ подъ творческой рукой!...

Постигъ ты пламенной мечтою
Свободы вѣчный идеалъ,
Красой нетлѣнной, неземною
Родные звуки пропиталъ;
Лучами нравственнаго свѣта
Ты въ тайники души проникъ...
И твой треножникъ, какъ поэта,
Недосягаемо великъ!...

Памяти Пушкина[1]).

Вѣчная слава тому, кто въ словѣ безсмертномъ
Съ нами живетъ, съ кѣмъ дѣлимъ невинный мы лепетъ
Рѣзваго дѣтства, юности пылкой волшебныя грезы,
Зрѣлой поры размышленья и старости позднія думы!
Вѣчная память тому, кто дивною силой
Силу народнаго духа постигъ, безцѣнные перлы
Слова родного собралъ и въ гармоніи чудной
Ихъ передалъ въ достоянье родному народу!
Вѣчная память тому, чей творческій геній
Чудные образы далъ намъ нетлѣнной красы,
Русь кто родную любилъ великой и чуткой душою,
Кто вдохновенно училъ ее понимать и любить!...
Вѣчная память, учитель великій!
Вѣчная память, геній родной!
Вѣчная память вѣчному слову!
Вѣчная память тебѣ!...

Евгеній[2]).

29 января 1887 года.

О муза! Я съ тобою плачу
И въ память Пушкина свѣчу

---

[1]) „Кіевлянинъ", 1887, № 23.
[2]) „Стрекоза", 1887, № 5, стр. 2.

Сегодня ставлю... И шепчу:
Прости намъ эту незадачу,
Что въ этотъ годъ *тебя* въ придачу
Мы позволяемъ дать къ „Лучу“!

Н. Софійскій[1]).

Къ портрету Пушкина.

Друзья! Мы чествуемъ поэта,
Его кончины смертный часъ,
И потому минута эта
Велика, дорога для насъ!
Прошло полвѣка, какъ не стала
Намъ лира Пушкина звучать;
Смерть жизнь безвременно прервала,
Кладя суровую печать.
Умолкъ навѣки чудный геній...
О, Пушкинъ, ты такъ мало жилъ,
Но, не теряя вожделѣній,
Искусству вѣрно послужилъ!
Ты шелъ безъ страха и упрека
И злу всегда давалъ отпоръ,
Мелькнулъ надъ міромъ издалека,
Какъ поднебесный метеоръ!
Ты идеалъ, ты наша сила,
Смягчившая наши сердца,—
И Русь тебя преобразила
Теперь въ народнаго пѣвца.
Ты былъ душой прямымъ прасоломъ,
Но лишь понять никто не могъ;
Ты жегъ сердца людей глаголомъ,
Ты былъ таинственный пророкъ!

---

1) „Родина“, 1887, № 4, стр. 101—102.

Разоблачая нашу прессу,
Ты сердцемъ глубоко проникъ,
Открылъ намъ тайную завѣсу —
Коварства, зависти, интригъ.
Стихомъ прекраснымъ и открытымъ
Ты порицалъ неправду, лесть,
И, скорбнымъ терніемъ повитый,
Ты палъ, какъ мученикъ, за честь!
Тебя оплакала Россія,
Исполнивъ свой послѣдній долгъ.
О, гдѣ ты, чудный нашъ витія?
Зачѣмъ такъ рано ты умолкъ?!
Зачѣмъ живительную силу
Для жертвы кровной ты принесъ?
Зачѣмъ такъ рано ты въ могилу
Надежды лучшія унесъ?!

А. Д. Львова[1]).

Къ 50-лѣтнему юбилею кончины А. С. Пушкина.

Сіяньемъ сѣвернымъ, блестящимъ и чудеснымъ,
Онъ ярко освѣтилъ туманный край снѣговъ,
Угрюмыя сердца согрѣлъ огнемъ небеснымъ,
Лучомъ поэзіи разсѣялъ мракъ вѣковъ.
Но лавры не цвѣтутъ на сѣверѣ суровомъ
И нашихъ геніевъ ведетъ, въ вѣнкѣ терновомъ,
Къ могилѣ роковой непризнанная слава,
Какъ будто небомъ имъ дано святое право
Будить въ сердцахъ живой струной
Волшебный міръ любви и счастья —
Тяжелымъ опытомъ несчастья
И неоплатною цѣной —
Цѣною жизни молодой!

---

[1]) „Кіевское Слово“, 1887, № 28.

Сіяньемъ сѣвернымъ тому назадъ полвѣка
Угасъ онъ жертвою пустого человѣка,
Пришельца чуждаго изъ чуждой намъ страны.
Слѣпой палачъ своей не могъ понять вины,
Но надъ священною, безмолвною могилой,
Какъ фениксъ народясь, запѣлъ другой поэтъ[1]).
Къ отмщенью онъ взывалъ съ могучей, страстной силой,
Онъ грознымъ судіей клеймилъ бездушный свѣтъ.
Родного Пушкина наслѣдникъ геніальный,
Не плакалъ Лермонтовъ въ той пѣснѣ погребальной,—
Анаѳемой грозилъ убійцѣ онъ пѣвца,
И если воскресить не могъ онъ мертвеца,
Онъ поднялъ высоко народной мысли знамя.
Но и надъ нимъ повисъ жестокій, страшный рокъ
Пѣвцовъ родной земли: блеснувъ, погасло пламя
Священнаго огня. Въ борьбѣ онъ изнемогъ,
И такъ же онъ погибъ, безвременно сраженный
Шальною пулею, измученный пѣвецъ,
И слишкомъ поздно свѣтъ, кончиной пораженный,
Ему загробный сплелъ вѣнецъ.
И много звѣздъ потомъ являлось на мгновенье,
Падучихъ, свѣтлыхъ звѣздъ, въ кромѣшной темнотѣ,
Но скоро гасло ихъ святое вдохновенье:
Поддержки не было ни мысли, ни мечтѣ,
Дразнила зависть ихъ, бездушно-мелочная,
Язвила клевета, насмѣшка площадная,
Бездарныхъ критиковъ змѣиный свистъ и ядъ,
И горькихъ неудачъ тоскливый, длинный рядъ
Тушилъ въ нихъ проблески и генія и чувства.
О ты, чью тризну мы свершаемъ на Руси,
Будь геніемъ-хранителемъ искусства,
Спаси поэзію, пѣвцовъ ея спаси!
Пусть искра Божія не гаснетъ безнадежно
Блуждающимъ огнемъ на днѣ родныхъ болотъ,

---

[1]) Лермонтовъ.

И мысль, что просится свободно и мятежно
На волю, въ ширь степей, въ раздолье синихъ водъ,
Несется звучная, чудесная, живая,
Какъ исповѣдь любви, какъ проповѣдь святая,
То сказкой чудною, то пѣснью колыбельной,
Вливая русскій духъ, съ надеждой безпредѣльной,
Съ глубокой вѣрою, въ горячія сердца,
Способныя понять и пѣсню, и пѣвца!

А. Ивановъ-Классикъ[1]).

Памяти Пушкина.

Въ сторонѣ отъ шумливаго свѣта,
Въ сторонѣ отъ большихъ городовъ
Пріютилась могила поэта...
Средь воспѣтыхъ тобою холмовъ.
Съ той поры, какъ подъ траурнымъ сводомъ
Вѣчной ночи, склонивши чело,
Распростился ты съ русскимъ народомъ,—
Быстрымъ ходомъ полвѣка прошло...
Нѣтъ тебя! Но блестящій твой геній
Въ перелетѣ годовъ не погасъ,
Съ чуднымъ даромъ твоихъ пѣснопѣній
Ты безсмертнымъ остался для насъ.
Удивленно, внимательнымъ слухомъ,
Въ черствомъ мірѣ практичныхъ людей,
Восхищались мы творческимъ духомъ
Вдохновляющей лиры твоей.
Прелесть звуковъ и чувствъ благородность
Утѣшали отрадой житье,
Божій даръ твой прославилъ народность,
И твой геній возвысилъ ее.

---

1) „Петербургскій Листокъ", 1887, № 27.

И, развивъ силу мощную эту,
Устремлялись порывы твои
Къ правдѣ, къ родинѣ, къ разуму, къ свѣту
И къ восторгамъ честнѣйшей любви.
Сотворивши благія начала
Въ обаятельныхъ свѣтлыхъ мечтахъ,
Воплощалась краса идеала
Въ сладкозвучныхъ алмазныхъ стихахъ.
Съ ними, къ славѣ родимаго края,
Мы сроднились въ бывалые дни,
И донынѣ, въ сердца западая,
Вешней свѣжестью вѣютъ они.
Сохраняя призванье святое
Мощной силой пера своего,
Сблизилъ съ жизнью ты слово родное,
Самобытность ты далъ для него...
Проявилъ ты примѣръ неизмѣнный
Въ торжествующей правдѣ бойцовъ,
И въ лучахъ твоей славы нетлѣнной
Тонутъ звѣзды позднѣйшихъ пѣвцовъ!

Н. Кулаковъ[1]).

Памяти великаго поэта.

Полвѣка прошло, какъ великій поэтъ,
  Сраженный злодѣйской рукою,
Жестоко страдая, погибъ въ цвѣтѣ лѣтъ
  И спитъ подъ родимой землею;
Полвѣка, какъ полный надежды и силъ,
Пѣвецъ несравненный навѣки почилъ,
  И тайная зависть и злоба
  Шипѣли у ранняго гроба...

---

1) „Петербургскій Листокъ“, 1887, № 27.

Надменная клика льстецовъ и ханжей,
Поборниковъ зла вѣкового,
Не вынесла честныхъ, горячихъ рѣчей,
Правдиваго смѣлаго слова.
Терзала, томила поэта она,
И выпилъ онъ горькую чашу до дна,
И въ часъ поединка несчастный
Угасъ нашъ свѣтильникъ прекрасный.
Но умерло тѣло, безсмертный же духъ
Въ великихъ созданьяхъ искусства
Живетъ и понынѣ, чаруя нашъ слухъ,
И будитъ всѣ лучшія чувства.
Вѣка пронесутся надъ Русью родной,
И дивныя пѣсни могучей волной,
Въ сердца западая глубоко,
По ней разольются широко...
Простою ли рѣчью, иль звучнымъ стихомъ,
Въ минуты святыхъ вдохновеній,
Но вѣчно плѣняетъ насъ въ блескѣ своемъ
Великій и творческій геній.
Онъ чудною, мощною властью своей
Влечетъ къ себѣ души холодныхъ людей,
И отзывъ найдетъ его лира
Въ странахъ отдаленнѣйшихъ міра.
То страстнымъ призывомъ звучитъ его стихъ,
То нѣжною лаской привѣта,
То къ небу несется отъ скорбей земныхъ
Прекрасная муза поэта.
Порою, какъ древній, могучій пророкъ,
Караетъ онъ злобу, коварство, порокъ,
Порою стиховъ его звуки
Смягчаютъ ужасныя муки...
Полвѣка прошло, какъ убитъ нашъ пѣвецъ,
Но живъ его духъ благородный, —
Стяжалъ онъ безсмертья нетлѣнный вѣнецъ
Въ любви безконечной народной,

И славную память въ грядущихъ вѣкахъ
Оставитъ въ сознаньи, въ горячихъ сердцахъ
Иныхъ молодыхъ поколѣній
Поэта великаго геній...

А. Гангелинъ[1]).

Памяти А. С. Пушкина.

Забыто все: тоска, сомнѣнье...,
Сегодня русскій патріотъ,
Въ комъ бьется чувство, мысль живетъ,
Въ груди почуя вдохновенье,
Заговоритъ... Какъ моря шумъ,
Гулъ пронесется надъ отчизной
Съ хвалой и громкой укоризной
Къ кумиру нашихъ чувствъ и думъ;
Опять былое воскреситъ
Одно магическое имя, —
Къ нему, былымъ огнемъ палима,
Россія взоры обратитъ.
И вотъ предстанетъ ей печальная картина:
Кто Пушкину курилъ въ восторгѣ ѳиміамъ,
Кто съ бурной радостью внималъ живымъ струнамъ
Народнаго пѣвца, поэта-исполина —
Вдругъ сталъ глухимъ, слѣпымъ, когда въ расцвѣтѣ силъ
Онъ насъ высокими созданьями дарилъ!
Поникъ главой пѣвецъ; его томила дума:
„И вотъ удѣлъ пѣвца — я чуждымъ сталъ для нихъ!“
И грустью зазвучалъ его правдивый стихъ.
Зачѣмъ онъ пѣлъ? Зачѣмъ средь клеветы и шума,
Съ глубокой думою и пѣсней на устахъ,
Онъ пахаремъ ходилъ по нивѣ оголенной?
Онъ сѣялъ сѣмена, надеждой упоенный,
Что весь онъ не умретъ, но будетъ жить въ сердцахъ..

---

[1]) „Родина“, 1887, № 5, стр. 133—134.

Ударилъ страшный часъ!... Слѣпой невольникъ чести
Погибъ съ свинцомъ въ груди, но чуждый жажды мести;
Его пытливый умъ, глядѣвшій глубоко
Въ сердца пустыхъ людей, дышавшихъ озлобленьемъ,
Нашелъ себѣ исходъ... Да! Пушкинъ — съ примиреньемъ,
Какъ свѣточъ, угасалъ... Онъ смѣло и легко
Въ тотъ неизбѣжный часъ взглянулъ безъ сожалѣній
На пройденный свой путь... Какъ незабвенный геній,
Онъ встрѣтилъ смерть!...
Пронесся рядъ годовъ. Невзгоды и сомнѣнья
Змѣей лукавою тѣснилися въ умы;
Безъ вѣры, безъ любви, въ слезахъ, безъ примиренья,
Какъ жалкіе слѣпцы, во тьмѣ скитались мы.
Кругомъ чернѣла ночь... Въ разсвѣтъ угасла вѣра;
Надъ русскою землей вездѣ царилъ хаосъ,
Гулялъ по ней порокъ съ улыбкой лицемѣра,
Носился стонъ глухой невыплаканныхъ слезъ, —
И прогремѣлъ поэтъ: „такъ дольше жить нельзя!“
Дыханье затаивъ, мы трепетно внимали
И, удрученные, спокойно засыпали,
Бездушнымъ призракомъ надъ родиной скользя!...
Полвѣка минуло. Вотъ Пушкинъ съ возвышенья,
Исполненный любви, ума и вдохновенья,
Оглядываетъ насъ... съ вопросомъ на устахъ
И съ грустью тихою въ задумчивыхъ очахъ;
Вотъ оживаетъ онъ, увидя ликованье
Собравшейся толпы къ подножію его.
Уста пѣвца гласятъ: „средь васъ я для чего?
Какъ только мертвое для взора изваянье?!“
И вновь глядитъ на нихъ, печально улыбаясь:
„А гдѣ жъ мои плоды отъ брошенныхъ сѣмянъ?“
И мы сказать должны, въ душѣ больной смиряясь:
„Они еще растутъ; плодъ горекъ, хоть румянъ!“
Онъ вновь заговорилъ, склоняясь чуткимъ ухомъ:
„Разбитъ мой идеалъ! Я слышу грустный стонъ!“
„Учитель дорогой!“ отвѣтимъ съ скорбнымъ духомъ:

То съ лиры пѣснь звучитъ, какъ похоронный звонъ!“
И онъ поникъ челомъ въ глубокомъ размышленьи...
Вдругъ въ ночь безмолвную съ гранитной высоты
Онъ сходитъ царственно въ порывѣ вдохновенья,
И пѣснь его гремитъ въ честь вѣчной красоты,
Стучится у дверей плаксиваго поэта;
Склонясь къ его челу, на лирѣ онъ звучитъ
Святую пѣснь любви желаннаго разсвѣта,
И наши горести той пѣсней облегчитъ.
Такъ съ ночи до зари святые эти звуки
Пробудятся въ душѣ поэзіей былой,
Чтобъ вновь подъ знаменемъ искусства и науки
Жизнь развернулася широкою рѣкой!

Ѳ. Сторожевскій[1]).

Памяти А. С. Пушкина.

„Какъ нынѣ сбирается“ русскій народъ
Чтить славную память поэта,
Чей образъ предъ нами сегодня встаетъ
Въ сіяньи безсмертнаго свѣта,
Кто чудною лирой и мыслью живой
Сталъ дорогъ навѣки отчизнѣ родной.
Была на Руси та глухая пора —
Сна мертваго безъ пробужденья;
Но волей могучей гиганта Петра
Впервые заря просвѣщенья
Надъ родиной темной была зажжена,
И воспрянула Русь отъ тяжелаго сна.

---

1) „Русскій Курьеръ“, 1887, № 28.

И новою жизнью она зажила,
Начавши учиться жить снова;
Рѣдѣла надъ ней многолѣтняя мгла...
Но не было въ ней только слова:
Живое родимое слово въ тотъ разъ
Еще не родилося долго у насъ.
Тяжелая рѣчь несвободно текла,
И въ храмѣ святомъ Аполлона
Хоть чуялось вѣянье музы крыла,
Но лиры священнаго звона
Не слышалось въ чудной ея простотѣ,
Въ свободной, античной ея красотѣ.
Подавленный мощью таланта и силъ,
Колоссъ самъ, Державинъ маститый,
Напрасно у музы тѣхъ звуковъ просилъ;
Но, тайной глубокой покрытый,
Ему неизвѣстенъ родной былъ языкъ,
Что бился въ народѣ, какъ свѣтлый родникъ.
Но вотъ онъ явился, избранникъ небесъ,
Нашъ Пушкинъ, съ могучею лирой;
Какъ солнцемъ румянится дѣвственный лѣсъ,
Одѣтый какъ свѣтлой порфирой, —
Такъ Русь озарилъ нашъ великій поэтъ,
И слово живое родилось на свѣтъ,
И новая эра настала съ тѣхъ поръ
У насъ для родного искусства;
Огнемъ вдохновенья горѣлъ его взоръ,
И мысли покорныя чувства
Со струнъ его вѣщихъ тогда полились, —
И пѣсни родныя на свѣтъ родились.
Запѣлъ онъ впервые о братской любви,
О правдѣ, встрѣчающей муку, —
И чувства святыя будилъ онъ въ крови,
И падшему дружески руку
Всесильный вдругъ подалъ, объятья раскрывъ,
Услышавъ невѣдомый новый призывъ.

И генія мирный и гордый полетъ
Толпу охватилъ въ обаяньи,
И въ ладъ ему стройно и дружно поетъ,
Почуявъ святое призванье,
Поэтовъ родныхъ народившійся хоръ,
И русская пѣсня звучитъ съ этихъ поръ.
Былъ старецъ Державинъ въ восторгѣ приведенъ,
Воскликнувъ предъ новымъ кумиромъ,
Какъ древле пророкъ восклицалъ Симеонъ:
„Владыко, отпустишь Ты съ миромъ
Отнынѣ раба Твоего на покой:
Ниспосланъ намъ свыше избранникъ Тобой!"
Увы, но недолго нашъ геній-поэтъ
Дарилъ насъ божественнымъ пѣньемъ:
Пустой и бездушный озлобленный свѣтъ,
Играя его вдохновеньемъ,
Сразилъ его черной своей клеветой,
Нарушивъ поэта сердечный покой.
Проникла она во святыя святыхъ,
Въ глубь честнаго сердца поэта,
И онъ, оскорбленный весь въ чувствахъ своихъ,
Предъ взоромъ злораднаго свѣта
Желалъ оскорбленье тяжелое смыть,
Хоть кровью своей за него заплатить.
И что же? Подъ бременемъ страшной тоски,
Упалъ онъ самъ смерти въ объятья:
Погибъ нашъ поэтъ отъ безчестной руки,
Чье имя — позоръ и проклятья!
Скончался поэтъ и въ могилу зарытъ;
Но образъ поэта безсмертьемъ горитъ.
Онъ памятникъ вѣчный воздвигъ для себя
На полѣ родного искусства;
О немъ мы глубоко, сердечно скорбя,
Святыя высокія чувства
Питаемъ къ нему, какъ питаетъ весь свѣтъ...
Покойся же съ миромъ, нашъ славный поэтъ!

Памяти А. С. Пушкина[1]).

(По случаю столѣтія дня рожденія.)

(1799—1899 гг.)

Не говорите мнѣ: онъ умеръ, — онъ живетъ.
Надсонъ.

Геній пѣсенъ сладкозвучныхъ
И Баянъ нашъ дорогой!
Ты воздвигъ „нерукотворный“
Вѣчный памятникъ земной:
    Этотъ памятникъ чудесный
    Полонъ жизни, полонъ грезъ, —
    Онъ изъ звуковъ чудотворныхъ
    И отрадно-сладкихъ слезъ.
Въ каждомъ звукѣ пѣсни чудной
Льется пылкая любовь, —
Льется страстно, льется нѣжно
И волнуетъ сладко кровь...
    Въ каждой пѣснѣ — наслажденье
    И восторги соловья;
    Въ каждомъ гимнѣ переливы
    Звонкоструйнаго ручья...
И теперь, когда въ могилѣ
Ты холоднымъ сномъ объятъ,
А твои святые гимны
По вселенной ужъ звенятъ...

---

1) Кіевъ, 1899.

ПОПРАВКИ.

Стран.	*Строка*	*Напечатано:*	*Надо читать:*
25	5 сверху	торжество	торжества
62	2 снизу	торжествовалъ. —	торжествовалъ —
107	13 сверху	лавромъ	лавровомъ
109	14 „	*онъ*	*онъ*.
154	15 „	поэтъ	поэтъ —
188	8 „	достойные	достойнѣе
216	5 снизу	Пушкина, „Шенье“	Пушкина „Шенье“
255	10 сверху	превозностить	превозноситъ
—	12 снизу	„Ты	Ты
302	4 „	Рака	Рака и
—	10 „	цитируети	цитируетъ
303	12 „	святотатство	святотатство,
316	8 „	родная,	родная

Изданія В. В. Каллаша:

1. Положеніе неспособныхъ къ труду стариковъ въ первобытномъ обществѣ. I—III. М. 1889. *(Разошлось.)*

2. Палій и Мазепа въ народной поэзіи. М. 1889. *(Разошлось.)*

3. Что сдѣлала Екатерина II для русскаго народнаго просвѣщенія. М. 1896. Ц. 50 коп.

4 Новые труды по исторіи школы и просвѣщенія. I. М. 1897. Ц. 40 к.

5. Безсознательно-юмористическое направленіе въ современной педагогической литературѣ. М. 1898. Ц. 25 к.

6. Черты дореформеннаго воспитанія. М. 1898. Ц. 25 к.

7. Изъ исторіи екатерининской школы М. 1898. Ц. 25 к.

8. Къ исторіи народнаго театра. „Царь Максимиліанъ". М. 1899. Ц. 50 к.

9. Изъ исторіи русской школы начала XIX в. М. 1899. Ц. 50 коп.

10. Русскіе поэты о Пушкинѣ. М. 1899. Ц. 1 р.

Имѣющіяся въ продажѣ изданія можно достать во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Главный складъ въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени".